

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'276
ББК 81-25

Е. Н. Азначеева

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА ЛЮДЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ (на материале интернет-форумов любителей классической музыки)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00455.

Анализируются оценочные высказывания на форумах меломанов о современных исполнителях классической музыки. Рассматриваются процессы концептуализации и оценочной категоризации в рамках речевого жанра интернет-форума, описывается ценностно-нормативная картина мира участников форумов путем анализа типов оценок и способов их выражения, семантических оппозиций с положительным и отрицательным оценочным значением, стереотипных представлений, а также ключевых лингвокультурных концептов, репрезентирующих образы музыкантов.

Ключевые слова: лингвоаксиология, оценочные высказывания, интернет-коммуникация, аргументация, концепт, социокультурный типаж, стереотип, социолект.

Comparaison n'est pas raison
(франц. пословица)

Оценка как важнейший фактор, формирующий ценностную картину мира, пронизывает все сферы человеческой деятельности, поэтому лингвоаксиология является одной из приоритетных областей антропоцентрически ориентированной лингвистики. Лингвистическое описание ценностно-нормативной картины мира различных этно- и социокультурных сообществ, в том числе и малых неформальных социальных групп, позволяет получить новые данные, связанные с исследованием речевого воздействия, межкультурного общения, моделированием языковой личности и др. Особую значимость изучение социальных и культурных ценностей, ценностных смыслов и их реализации в языке имеет для сферы искусства ввиду решающей роли личностного фактора как в сфере творчества, так и при его рецепции.

Восприятие произведений искусства включает в себя не только сам процесс их рецепции и интерпретации, но также оценку профессионализма исполнителя и часто его личностных качеств. При этом неизбежен субъективизм, а результат оценки зависит также от квалификации и личностных особенностей самого оценивающего субъекта. Особенно это очевидно в случаях, когда оценка дается любителями в

неформальной обстановке, как это имеет место на интернет-форумах. В данной статье используются оценочные высказывания меломанов о современных пианистах – исполнителях классической музыки [14].

Участники форумов в своем большинстве – любители с большим слушательским опытом, всех их отличает музыкальная эрудиция, активная заинтересованность в современном музыкальном исполнительском искусстве российских пианистов и относительно высокий уровень ведения дискуссии по сравнению с участниками многих других форумов, что проявляется среди прочего в низком уровне агрессивности и в отсутствии грубой и инвективной лексики.

Согласно Н. Д. Арутюновой, под оценкой понимается отношение, выдаваемое за признак оцениваемого объекта [1], оно возникает на основе сравнения данного объекта с общепринятым социально значимым идеалом. Оценочные высказывания по своей функции противоположны описательно-дескриптивным. Согласно А. А. Ивину, главная функция описательного, или дескриптивного, высказывания состоит в описании действительности. Если описание, даваемое высказыванием, соответствует реаль-

ному положению дел, высказывание считается истинным, если не соответствует – ложным [7; 8]. В отличие от описательных, оценочные высказывания не характеризуются с точки зрения истинности или ложности и являются выражением ценностного отношения к объекту. Характеризуя различия между дескриптивными (описательными) и оценочными высказываниями, Н. Д. Арутюнова указывает, что первые фиксируют отношение высказывания к действительному миру, а вторые характеризуют отношения между действительным миром и его идеализированной моделью, сам факт наличия или отсутствия соответствия между этими мирами, отражение одного в другом [3]. Однако большинство языковых выражений имеют смешанный – описательно-оценочный – характер, поскольку «чистые» описания, как и «чистые» оценки, представляют собой довольно редкое явление [7].

В языке оценка получает свою объективацию в слове как оценочное значение и в высказывании – как оценочный смысл [13]. Членение на языковую и речевую оценку общепринято. Так, различают две разновидности оценки: ингерентную (языковую, узуальную) и адгерентную (речевую,okkaзиональную) [10], а также эксплицитную и имплицитную оценку, возникающую в результате контекстуальных или ситуативных факторов.

Оценка включает следующие части, или компоненты: субъект оценки – лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому объекту; предмет оценки – объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются; характер оценки – указание на абсолютную или сравнительную ценность объекта; основание оценки – точка зрения, с которой производится оценивание [8].

Классификационными критериями оценки могут служить: наличие/отсутствие в семантике оценочного высказывания дескриптивных компонентов (общие/частные оценки), способ оценивания (абсолютные/сравнительные оценки), аксиологическая интерпретация (положительная/отрицательная оценка), основание оценки (критерии и аргументация).

Высший уровень ценностной структуры образует сфера общеоценочных значений (хороший – плохой), выражающих «чистую» оценку без указания на дескриптивные свойства предмета. Общая оценка выносится на основании ряда признаков некоторого объекта и подво-

дит в его отношении «аксиологический итог», определяемый «по совокупности разнородных свойств» [2. С. 71]. Общие оценки более явно, чем частные, выражают сопутствующую высказыванию иллюкутивную силу: одобрения, запрета или осуждения. Ср.: «*Как шикарно играет это allegro inquieto Плетнев*»*.

Второй уровень ценностной структуры образует сфера частнооценочных значений. Для частных оценок важное значение имеет основание оценки, которое определяется индивидуальными предпочтениями или социальными стереотипами носителей языка. Лингвистическая классификация частных оценок осуществляется в зависимости от характера основания. Объект оценивается по типам оцениваемых явлений и в связи с этим по одному аспекту: эстетическому, этическому, утилитарной функции и так далее. Наиболее известная и детальная классификация оценок по характеру дескриптивного признака принадлежит Н. Д. Арутюновой. Среди частнооценочных предикатов она выделяет: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические (приятный – неприятный, вкусный – невкусный, душистый – зловонный и т. п.); 2) психологические, которые дифференцируются на основе мотивации оценки: а) интеллектуальные (интересный, увлекательный – скучный, банальный и т. п.), б) эмоциональные оценки (радостный – печальный, веселый – грустный, желанный – нежеланный и т. п.); 3) эстетические оценки, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (красивый – некрасивый, прекрасный – безобразный и т. п.); 4) этические оценки (моральный – аморальный, нравственный – безнравственный, добрый – злой и т. п.); 5) утилитарные оценки (полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный и т. п.); 6) нормативные (правильный – неправильный, стандартный – бракованный, доброкачественный – недоброкачественный и т. п.); 7) телеологические оценки (эффективный – неэффективный, удачный – неудачный) [3].

Среди частнооценочных высказываний меломанов преобладают эстетические и гедонистические частные оценки. Эстетические оценки отличаются большим разнообразием и могут касаться как разных сторон исполнительского мастерства, так и самой личности исполнителя: «*Amazing talent and wonderfully beautiful performance! Thank you!*». В случаях,

* В примерах особенности орфографии и пунктуации сохранены.

когда эстетическое впечатление от исполнения переносится и на саму личность исполнителя, эстетическая оценка сочетается с этической оценкой. Такая ценностная установка, при которой прекрасное ассоциируется с нравственным и наоборот, представляется вполне естественной. Внутреннее родство и взаимопроникновение понятий этического и эстетического, образующих органическое единство, находит свое отражение в древнегреческом понятии «калокагатия», что означает одновременно и «доброе», и «прекрасное» [11]. Этическая оценка в сочетании с эстетической чаще имплицитируется, но бывает и эксплицитной: «Но мне кажется, что никакие занятия не могут человеку, у которого вместо сердца и души кусок льда...».

Гедонистические оценки характеризуются большей направленностью на субъект, чем на объект оценки. Они указывают на эмоциональное состояние субъекта и часто не мотивируются, что сближает их с общей оценкой: «*I am amazing this performance! Thank you! I am lucky to experience this level of piano performing*».

В зависимости от того, идет ли речь об одном оценочном объекте или же, по крайней мере, о двух объектах или двух состояниях одного и того же объекта, выделяют абсолютную и сравнительную оценку [4]. Абсолютные оценки выражаются чаще всего предложениями с оценочными словами «хорошо», «плохо» и «(оценочно) безразлично». Вместо них могут использоваться слова: «позитивно ценно», «негативно ценно», «добро», «зло», «благо» и т. п.

Сравнительная оценка предполагает сравнение объекта оценивания с какими-либо нормами, эталонами и другими объектами. Сравнительные оценки, называемые также предпочтениями, формируются в предложениях с оценочными словами: «лучше», «хуже», «равноценно», «предпочитается» и т. п. Сравнимые объекты – это объекты, обладающие сопоставляемыми качествами, свойствами и ценностями. Предметом оценки может стать каждое из его свойств. Сравнительная оценка субъективна, потому что объекты сравниваются на основе одного из их свойств [4].

На форумах любителей классической музыки осуществляется ранжирование молодых исполнителей, при этом они сравниваются между собой, а также с известными современными или советскими музыкантами. В качестве эталона для сравнения может выступать либо вся исполнительская деятельность другого му-

зыканта, либо исполнение им какого-нибудь одного произведения, либо какая-то грань его таланта: «*Забавно, но слушая Володосовский диск с Шубертом, я подумал, что он в Шуберте – своего рода реинкарнация Рихтера, только несколько более современная и, как бы сказать, лучше продаваемая*».

В зависимости от выраженности эмоциональной реакции оценка бывает рациональной (интеллектуально-логической) и эмоциональной. Рациональная оценка основывается на объективно присущих объекту дескриптивных свойствах, а эмоциональная оценка ориентирована на позитивные или негативные эмоции, вызываемые обозначаемым объектом [5]. Основная цель рациональной оценки – указание на то, что объект соответствует представлениям субъекта оценки об эталоне, норме, стереотипе.

Суть эмоциональной оценки заключается в процессе переживания субъектом речи личностного отношения к объекту речи, эмоционального впечатления от объекта. Эмоциональная оценка связана не столько с выявлением объективных ценностных свойств какого-нибудь объекта, сколько с его субъективно-личностным восприятием. На первый план выступают чувства, эмоции, переживания, что выражает психическое состояние субъекта в момент порождения оценочного суждения [5]. Согласно Е. М. Вольф, в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект. Однако способы выражения двух видов оценки в языке различаются, обнаруживая тем самым, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта: эмоциональное или рациональное [4].

На сайтах форумов среди оценочных высказываний доминирует эмоциональная оценка, передаваемая с помощью экспрессивно окрашенной лексики и метафорической образности: «*Da tehnika zverskaya!!! Komputer)) prosto!*». Эмоционально-экспрессивному выражению оценочности способствует как принадлежность оцениваемых объектов к сфере искусства, так и условия неформальной интернет-коммуникации, предполагающие характерные для эмоциональной оценки непосредственность, ситуативность, спонтанность и интенсивность. Интенсифицированность эмоциональной оценки передается совокупностью лексических, синтаксических и выразительных средств, а крайней степени своего

проявления она достигает при использовании гиперболы или безглагольных восклицательных предложений: «*Но если бы Торадзе сыграл хоть одну ноту так, как Володось – я бы «протил все».*»); *Excellent! Wow! Just... Wow! Clara SUPERRRRRR*».

К признакам, которые более других поддаются объективному оцениванию, относится темп исполнения: участники форума сравнивают темп и даже продолжительность звучания технически сложного произведения. Но и в этом случае дескриптивный элемент дополняется оценочными коннотациями на уровне высказывания: так, быстрый темп обычно оценивается как признак высокой технической оснащенности исполнителя; однако в ряде случаев быстрота рассматривается как погоня за внешними эффектами в ущерб содержанию: «*Во всяком случае, cis-moll'ный ноктюрн Шопена он сыграл, на мой взгляд, просто в бешеном темпе. Глубина куда-то утрачивается.*».

Достоверность оценочных утверждений в значительной мере зависит от степени их обоснованности, в том числе и от соотношения дескриптивного и оценочного компонентов в значении слова или высказывания. Различие между профессиональным и любительским оцениванием в сфере искусства, также как и в других областях человеческой деятельности, состоит в характере обоснования утверждений, касающихся объекта оценки. В то время как в профессиональных искусствоведческих работах доминируют дескриптивные или дескриптивно-оценочные утверждения, на любительских интернет-форумах преобладают собственно оценочные или оценочно-дескриптивные высказывания, в которых оценка выходит на первый план.

На уровне высказывания дескриптивность проявляется как аргументированность оценки. О. Н. Паршина определяет аргументацию оценок как набор суждений, которые личность использует для объективной оценки предмета и обоснования оценки. «На семантическом уровне это осуществляется установлением между частями аргументативного текста причинно-следственных отношений» [12. С. 105].

В качестве обоснования используются различные виды аргументации. А. А. Ивин выделяет в аргументации универсальные (рациональные), то есть применимые в любой аудитории, и неуниверсальные способы убеждения. К универсальным способам убеждения А. А. Ивин относит эмпирическую аргумента-

цию, неотъемлемым элементом которой является ссылка на опыт, на эмпирические данные, а также теоретическую аргументацию, разновидности которой составляют логическое обоснование, системная и методологическая аргументация. Неуниверсальная, или контекстуальная, аргументация эффективна лишь в определенной аудитории. Неуниверсальные аргументы, по мнению А. А. Ивина, – это контекстуально обусловленные аргументы, используемые в определенных ситуациях общения. К ним относятся: аргумент к традиции, аргумент к авторитету, аргумент к интуиции, аргумент к вере, аргумент к здравому смыслу, аргумент к вкусу (частный случай аргумента к вкусу – аргумент к моде) [8]. Мы полагаем, что некоторые из так называемых неуниверсальных аргументов: к традиции, к авторитету и к здравому смыслу – сочетают в себе признаки нерациональности и рациональности.

Наиболее типичными средствами, повышающими достоверность оценочных высказываний, являются интернет-ссылки на записи музыкальных произведений или указания на успешные выступления на международных конкурсах, на количество концертов или записей. Довольно часто в качестве аргумента используется ссылка на общественное мнение. Однако в большинстве случаев эти аргументы сочетаются с нерациональными аргументами к вере, вкусу, чувствам или интуиции: «*После прослушивания той записи, файл которой я дал здесь (<http://forums.lifanovsky.com/showthread.php?t=2798>), Володось кажется мне действительно гениальным пианистом.*».

Анализ оценочных высказываний участников музыкальных форумов позволяет составить представление о ценностной картине мира сообщества меломанов, а лингвопрагматические особенности речевого жанра интернет-форума способствуют выявлению динамических характеристик формирования оценочных норм, критериев оценки, социальных стандартов и предпочтений данной малой неформальной группы. Культурноспецифические ценности этой группы слушателей выявляются посредством определения семантических оппозиций с оценочным значением, стереотипных представлений, а также ключевых лингвокультурных концептов. Оценочные высказывания с положительной или отрицательной оценкой, накладывающейся на дескриптивные признаки, характеризуют исполнителей с точки зрения следующих параметров: эмоциональный

– равнодушный, самобытный – подражатель, универсальный – ограниченный, гениальный – посредственный, новаторский – традиционный, зрелый – неопытный.

Ключевые концепты олицетворяют подтипы образов современных исполнителей классической музыки. В отличие от выделяемого рядом исследователей лингвокультурного типажа [9; 6], предполагающего широкую референтную основу и узнаваемость в рамках социокультурного сообщества, образ исполнителя классической музыки не имеет укорененности в массовом сознании. В то же время этот социокультурный тип музыканта в том виде, в котором он представлен на форумах, имеет некоторые общие особенности с понятием лингвокультурного типажа. Согласно критериям для выделения лингвокультурных типажей [6], обсуждаемый на форумах образ современного исполнителя классической музыки может быть определен как этно- и социомаркированный тип, представляющий относительно немногочисленную группу людей, характеризующихся следующими признаками: 1) профессиональная принадлежность (музыкант); 2) территориальный признак – живущий в России или за границей, но получивший музыкальное образование в России и/или представляющий Россию на международных конкурсах; 3) событийный признак – концертная деятельность; 4) этнокультурная уникальность – принадлежность к российской исполнительской школе; 5) привязанность к конкретному историческому периоду: 10-е гг. XXI в. К этому можно было бы добавить еще один критерий: референтная группа – узкий круг ценителей элитарного искусства.

Обобщенный социокультурный тип современного классического музыканта в представлениях меломанов не отличается ни рекуррентностью, ни рельефностью. Большой яркостью характеризуются некоторые его подтипы, соответствующие определенным стереотипным представлениям как данной, так и некоторых других групп меломанов. Так, чаще всего встречается образ виртуоза, который получил отражение в общественном сознании и в художественной литературе XIX–XX вв. и мог бы рассматриваться как самостоятельный лингвокультурный типаж. Достаточно вспомнить о таких прецедентных личностях, как Паганини, Лист, Горовиц и др., которые были известны достаточно широкому кругу лиц. Фигуры молодых музыкантов, соответствующих данному

стереотипу, могут получать положительную, в ряде случаев даже гиперболически-восторженную или отрицательную оценку: *«Ибо Володось – пианистический Мессия, дарованный нам провидением откуда-то свыше. За его полет имела я готов отдать пару литров собственной крови»*. Другие исполнители, подпадающие под категорию «виртуоз», оцениваются негативно. Так, отрицательно оценивается тип высокотехничного, виртуозного, но при этом неглубокого, увлеченного лишь внешней стороной произведения исполнителя. Соответствующие метафорические образы основаны на деперсонификации, пианист сравнивается с компьютером, машиной, музыкальной шкатулкой, роботом: *«...у господина Култышева эта урбанистическая машина прозвучала с экспрессией музыкальной шкатулки – как заведенная, как по маслу, без сучка и задоринки»; «...с Лубяцевым, в общем, мне лично все ясно – это ходячий компьютер, устройство для бодрячески-бесстрастного проигрывания миди-файлов»*. Негативная оценка интенсифицируется за счет развертывания метафорических образов посредством ряда эпитетов с пейоративной стилистической окраской.

Образ виртуоза, чье исполнение далеко от истинного искусства, дополняется метафорической моделью «музыка – спорт»: *«Я надеюсь, что пианист не будет поживать на лаврах ! :)) Как раз теперь, когда он обладает лауреатством труднейших конкурсов, он может покинуть конкурсную стезю: оставить, так сказать, «спорт» и предаться, наконец, полностью «вольному искусству»*.

Образу неглубокого, но высокотехничного виртуозного исполнителя близок другой образ – равнодушного ремесленника, обывателя: *«Его игра по-адвокатски деловитая и безучастная.... Такое впечатление, что если конкурсанту задать вопрос: что вам от жизни нужно? – ответ будет таким: мягкое кресло, чистый воротничок и седло барашка на ужин»*. Несовместимость коннотативных компонентов семантики слова «адвокат», а также стандартного набора качеств, ассоциируемых с понятием буржуазности, и образа музыканта как эмпатийной творческой личности ярко демонстрирует негативное отношение к данному лингвокультурному подтипу исполнителя.

Другим распространенным стереотипным представлением является образ подражателя или еще не нашедшего своего творческого почерка музыканта: *«Вполне понятно, почему ФаСоль*

предлагает включить в список Павла Колесникова, ведь он же клон Александра Лубянцева; Сконцентрировавшись на чистоплюйском выклевывании нот, пианист прошел мимо трагических озарений первой части..., мимо апокалиптического финала. Вполне по-консерваторски». Пренебрежительная стилистическая окраска слова чистоплюйский в сочетании с метафорой выклевывание нот обуславливает отрицательную коннотацию качественной характеристики игры пианиста по-консерваторски как ученической, неглубокой, незрелой.

Наряду с отрицательно оцениваемыми лингвокультурными подтипами музыканта выделяются также три эталонных подтипа: гения, универсала и новатора. Кроме того, существуют смешанные типы, сочетающие в себе качества гения и универсала, виртуоза и гения, молодого, подающего надежды исполнителя и новатора: *«Все-таки, к Володосю относятся не как к состоявшимся талантливым музыкантам..., а как к новому слову, я бы сказал как к представителю новой волны в фортепианном искусстве».*

Интересно отметить тот факт, что развернутые обоснования результатов оценивания, как правило, встречаются при негативной оценке, позитивная оценка выражается гиперболическим выражением собственных чувств, дескриптивные моменты почти полностью отсутствуют. Этот факт подтверждает утверждение Вольф о том, что в то время как в пределах положительной зоны преобладают эмоционально-субъективные оценки, отрицательные оценки чаще являются оценками «от объекта», поскольку они обычно содержат как собственно выражение субъективной оценки, так и некоторые качественные характеристики оцениваемого объекта [4], что отражается в репрезентирующих их значениях. Отрицательная оценочность передается с помощью метафорических образов и иронии: *«Атрофию стилевого чутья диагностировал равелевский же «Вальс»: апокалиптический гимн Австро-Венгерской империи, стоящей накануне гибели и забывающейся на балах, пианист превратил в сомнительную цепь жеманно-кокетливых танцев».* Противопоставляя трагический фатализм произведения Равеля и его поверхностную трактовку музыкантом, слушатель выражает свое негативное отношение пейоративно маркированной лексикой.

В качестве основных особенностей оценки творчества музыкантов любителями следует отметить следующие: абсолютное преоблада-

ние эстетической и гедонистической оценки, доминирование эмоциональной оценки над интеллектуальной, сравнительной оценки над абсолютной; резкую поляризацию положительных и отрицательных оценок, интенсификацию оценки. Заметна также тенденция к стереотипизации, когда известный сравнительно узкому кругу ценителей объект для данной референтной группы становится олицетворением тех или иных умений и качеств; в результате выделяются несколько лингвокультурных подтипов. Интересно отметить, что стереотипизация проявляется не только на уровне образов, но и на языковом уровне, выражаясь в использовании речевых штампов и шаблонов. Особенно это заметно при характеристике неглубоких, малоэмоциональных исполнителей, которые вызывают наиболее резкое неприятие со стороны участников форума.

Оценочные высказывания характеризуют не только объект, но и субъект оценки, поэтому перспективным представляется сопоставление оценочных высказываний, критериев оценки и эталонов красоты на материале высказываний различных групп оценивающих субъектов: как любителей, так и профессионалов.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова, Н. Д. Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156–249.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
5. Гаврилова, Е. Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. Д. Гаврилова. – Тамбов, 2005. – 172 с.
6. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века / О. А. Дмитриева. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
7. Ивин, А. А. Логика / А. А. Ивин. – М., 1999. – 320 с.
8. Ивин, А. А. Теория и практика аргументации / А. А. Ивин. – М.: Юрайт, 2013. – 291 с.

9. Карасик, В. И. Культурные концепты: проблема ценностей / В. И. Карасик // *Языковая личность: культурные концепты*. – Волгоград: Перемена, 1996. – 370 с.

10. Матвеева, Т. В. Лексическая экспрессивность в языке / Т. В. Матвеева. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 92 с.

11. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. – Минск: Кн. дом, 2001. – 1280 с.

12. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О. Н. Паршина. – Астрахань: АГТУ, 2004. – 196 с.

13. Солодилова, И. А. Способы концептуализации оценки в немецком языке (на материале немецкоязычной художественной прозы): дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Солодилова. – Уфа, 2014. – 538 с.

14. URL: <http://www.classicalforum.ru/index.php?topic=4216.0>. – Дата обращения: 05.07.2015.

Сведения об авторе

Азначеева Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Челябинского государственного университета.

aznacheeva.elena@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 9–16.*

LINGUISTIC MEANS OF EVALUATION OF PROFESSIONAL EXCELLENCE OF CREATIVE PROFESSIONALS (on the basis of internet forums of classical music lovers)

E. N. Aznacheeva

Chelyabinsk State University. aznacheeva.elena@yandex.ru

The article deals with the axiological utterances concerning contemporary classical music performers produced by music lovers at the forums. The author analyses the processes of conceptualization and axiological categorization in such genre as the internet forum, describes the axiological world view of the forum participants with the help of investigating the types of evaluation and their representation, semantic oppositions with positive and negative connotations, stereotypes, as well as key linguacultural concepts representing the musicians' image.

The analysis of the axiological utterances reveals polarization of positive and negative evaluation, domination of emotional evaluation, predominance of aesthetic and hedonistic evaluation together with ethical in some cases. Expressive vocabulary, metaphorical exaggerated images, adjective and interjection exclamatory sentences are the means of intensification of emotional evaluation. Axiological utterances characterize musicians in the following parameters: emotional-indifferent, distinctive-imitative, universal-limited, genius-moderate, pioneering-traditional, mature-inexperienced. Sociocultural types corresponding to the musical lovers' conception are identified: virtuoso, indifferent craftsman, imitator, genius, universal and pioneer.

Keywords: *linguistic axiology, axiological utterances, Internet communication, argumentation, concept, socio-cultural type, stereotype, social dialect.*

References

1. Arutyunova N.D. K probleme funktsional'nykh tipov lexicheskogo znachenija [The problem of functional types of lexical meaning]. Arutyunova N.D. *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [The aspects of semantic research]. Moscow, 1980. Pp. 156–249. (In Russ.).

2. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [The types of linguistic meanings. Axiology. Event. Fact]. Moscow, 1988. 339 p. (In Russ.).

3. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human's world]. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.).
4. Wolf E.M. *Funktsional'naja semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, 2002. 280 p. (In Russ.).
5. Gavrilova E.D. *Otsenochnye kategorii «good» i «bad» v sovremennom angliyskom yazyke* [Axiological categories «good» and «bad» in the contemporary English language]. Tambov, 2005. 172 p. (In Russ.).
6. Dmitrieva O.A. *Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Franczii* [Linguacultural types in Russia and France]. Volgograd, 2007. 307 p. (In Russ.).
7. Ivin A.A. *Logika* [Logic]. Moscow, 1999. 320 p. (In Russ.).
8. Ivin A.A. *Teoriya i praktika argumentatsii* [The theory and practice of argumentation]. Moscow, 2013. 291 p. (In Russ.).
9. Karasik W.I. *Kul'turnye kontsepty: problema tsennostey* [Cultural concepts: the problem of values]. *Yazykovaya lichnost': Kul'turnye kontsepty* [Linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd, 1996. 370 p. (In Russ.).
10. Matveeva T.V. *Leksicheskaya ekspressivnost' v yazyke* [Linguistic expressivity in the language]. Sverdlovsk, 1986. 92 p. (In Russ.).
11. Gritsanov A.A. (ed.) *Novyeishii filiosofskii slovar'* [The newest philosophical dictionary on ethics]. Minsk, 2001. 1280 p. (In Russ.).
12. Parshina O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* [The strategies and tactics of the speech behavior of the contemporary political elite of Russia]. Astrachan, 2004. 196 p. (In Russ.).
13. Solodilova I.A. *Sposoby kontseptualisatsii otsenki v nemetskom yazyke (na materiale nemetskoy chudoschestvennoy prosy)* [The means of conceptualization of the evaluation in the German language (on the basis of the German fiction)]. Ufa, 2014. 538 p. (In Russ.).
14. Available at: <http://www.classicalforum.ru/index.php?topic=4216.0>, accessed 05.07.2015. (In Russ.).

ББК 76.006.5
УДК 070

В. В. Антропова, А. А. Морозова

ТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ: КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ

Сегодня тексты социальных сетей несут ряд угроз самого различного характера, в том числе риск необратимых изменений культурно-языковых кодов нации. Анализ показал, что подавляющее большинство комментариев в социальных сетях как в бесконтрольном медиополе, оказывая деструктивное речевое воздействие, деформирует у среднестатистического пользователя представления о риторическом идеале, языковой норме, этических правилах речевого поведения. В этом контексте неопределимыми могут оказаться усилия сберегательных парадигм (медиабезопасности, культуры речи, лингвоэкологии).

Ключевые слова: *печатный текст, социальные сети, «ВКонтакте», медиабезопасность, речевое воздействие, культура речи, лингвоэкология.*

За последнее десятилетие вовлеченность населения в сетевые коммуникации достигла значительных масштабов. По данным фонда «Общественное мнение», на осень 2013 г. (результаты последнего исследования на данный момент) в России насчитывается 66,5 миллиона человек старше 18 лет, которые хотя бы раз в месяц выходят в Интернет – это более 52 % всего совершеннолетнего населения страны, около 53 миллионов человек пользуется Интернетом ежедневно. На лиц до 35 лет по-прежнему приходится более половины аудитории Рунета. Пользователи от 12 до 17 лет составляют около 10 % от общего числа интернет-посетителей, а лица от 18 до 35 лет – около 50 % [7]. По данным различных источников (фонд «Общественное мнение», TNS), с каждым годом происходит снижение стоимости тарифов за пользование Интернетом, что приводит к увеличению пользователей глобальной сети.

Главной локацией в последние годы пользователи выбирают, как правило, социальные сети. Сегодня «ВКонтакте» является самой популярной социальной сетью в России, а в мире она входит в топ-10 по количеству пользователей. На сайте зарегистрировано более 260 миллионов человек, а более 60 миллионов посетителей бывает на нем ежедневно. Как пишут сами создатели портала, «"ВКонтакте" создан для быстрой и удобной коммуникации между людьми по всему миру. <...> Задача "ВКонтакте" – в каждый отдельно взятый момент оставаться наиболее современным, быстрым и эстетичным способом общения в сети» [1].

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что социальные сети являются не просто определенным способом коммуникации между людьми, а выполняют множество социальных, информационных, образовательных, культуроформирующих, рекреативных и других функций. В то же время они являются, по сути, неконтролируемым, а значит, далеко не безопасным медиасектором с различных точек зрения. Особенно актуальной проблема медиабезопасности становится в отношении молодого поколения России, переживающего период становления основных жизненных ценностей, формирования определенного мировоззрения. Значительную часть информации молодежь получает именно из социальных сетей, будь то аудио-, видеоконтент или печатные тексты. При этом аудио-, видео-, фотоинформация, по мнению ряда исследователей, имеет неоспоримые преимущества по силе воздействия перед другими видами контента, в частности, перед печатной речью. Смеем предположить, что связано это с особенностями восприятия и переработки информации: визуальный, звуковой ряды (в том числе устное слово) воздействуют на человека непосредственно, они противопоставляются печатным текстам, как естественное использование определенных знаков – искусственному, поскольку и орудие, и материал таких медиапосланий – «человеческий организм и окружающая человека воздушная среда» [2]. Однако не будем забывать, что печатная речь, оказывая заметно иное воздействие на психику индивида по сравнению с другими формами подачи информации, имеет и свои преимущества

с точки зрения речевого программирования: она лучше запоминается адресату, а значит, эффекты вербальной суггестии будут более длительными и устойчивыми. Учитывая, во-первых, что основной формой коммуникации в соцсетях являются все же печатные тексты, оформление которых часто противоречит правилам культуры речи, а во-вторых, что довольно большая часть аудитории соцсетей (то есть несовершеннолетние) отличается повышенной суггестабельностью, мы можем утверждать, что дискурс социальных сетей в этом контексте становится предметом рассмотрения сразу нескольких научных парадигм: медиабезопасности как основной теоретической проблемой медиаобразования, культуры речи, лингвоэкологии и некоторых других.

Предполагается, что медиабезопасность как актуальная задача практического медиаобразования в эпоху технологического прорыва должна раскрыть «тему негативного воздействия массмедиа на общество (в первую очередь на детей) и <...> защиты его (их) от этого воздействия» [11]. Следовательно, проблема речевого бескультурья и агрессивной риторики в публичной коммуникации соцсетей с точки зрения медиабезопасности требует комплексного и последовательного рассмотрения, а именно: 1) описания негативного воздействия текстов через их медийные характеристики, отличающие медиатексты от других типов речевых произведений; диагностику речевых ошибок, отклонений от правил речевого поведения; 2) осмысления защитно-предупредительных мер в отношении подобных явлений с позиций экологосберегающих парадигм (культуры речи, лингвоэкологии, медиабезопасности).

Итак, тексты социальных сетей, как и любые другие медиатексты, представляют собой особую опасность в силу следующих медийных характеристик: суггестивно «сильного» способа их презентации (печатное слово), вследствие чего неправильное написание той или иной лексемы особенно запоминается; публичности; доступности всем пользователям вне зависимости от их возраста, социального статуса, уровня медиаграмотности; приоритетной формы общения. Можно выделить следующие виды публичных записей на сайте «ВКонтакте»: 1) на стене личной страницы пользователя; 2) в группе / на публичной странице; 3) в заметках. При этом группы и публичные страницы являются лидерами в распространении текстовой информации. Таким образом, мы

можем наблюдать, что печатные тексты имеют сплошную «зону покрытия» коммуникативного пространства соцсетей, а значит, они являются единственными проводниками речевой культуры для массовой аудитории в этом бесконтрольном секторе виртуального мира. Если же принять во внимание число посетителей и объем проводимого ими в социальных сетях времени, то, пожалуй, можно говорить даже о приоритетной роли подобных медиатекстов по отношению к школе, образовательно-культурным передачам в формировании культуры речи пользователей, их языкового вкуса.

Сегодня на медиаплощадке «ВКонтакте» существует около миллиона сообществ, а в каждой группе состоит от нескольких десятков до нескольких миллионов человек, при этом публичные записи большинства сообществ вообще не проверяются модераторами на предмет соответствия нормам русского языка, этическим правилам ведения публичного диалога и так далее.

Печатные тексты (как публикации администрации сообщества, так и обычных пользователей) чаще всего содержат отклонения от таких коммуникативных качеств речи, как правильность, точность, чистота, логичность, богатство, образность, соответствие этике общения «и с точки зрения содержания, и с точки зрения самих использованных форм» [8]. Для пояснения этого положения приведем конкретные примеры, подавляющее большинство которых – это медиапослания студентов ЧелГУ, состоящих в сообществе «Признавашки» (орфография и пунктуация авторов сохранены).

В так называемых комментариях пользователей, представляющих собой специфический жанр интернет-коммуникации, чаще всего нарушаются следующие типы языковых норм:

1) лексические: *Первый курс!!! Кто с курса не сдал <...>* (повтор – употребление слова в разных грамматических формах). *Я тут резко понял, что <...>* (неточность словоупотребления, так как наречие *резко*, имеющее значение «с большой силой, вызывая сильные ощущения», необходимо употреблять с глаголами движения: *резко дернуть/затормозить*, а глагол ментальной деятельности *понять* требует в данном речевом фрагменте сочетаемости с наречиями *внезапно, неожиданно*. Возможно, комментатор таким образом хотел обозначить связь высказывания с жаргонной лингвокультурой, однако в соответствующих словарях такая лексема не значится). *Нужны профес-*

сионалы, умеющие работать с **людьми** как со **взрослыми** так и **детьми** (избыточность содержания: гипероним *люди* включает в себя гипонимы *взрослые*, *дети*. Если же автор таким образом хотел отметить уточняющий характер однородных дополнений *взрослыми* и *детьми*, то допустил пунктуационную ошибку). *Сегодняшнее посвящение подтвердило все мои ожидания открывается большое море, начинаем изучать* (лексическая недостаточность). *Арт-клуб – это место, где можно <...> встретить много интересного, опубликовать* (та же ошибка). Совершенно очевидно, что несоблюдение лексических норм часто приводит к неточности речи;

2) синтаксические: *Удачи во всех ваши начинаниях* (нарушение согласования зависимого слова с главным в падеже). *Забавный живой собака* (нарушение согласования в роде). *Я опасюсь за то, что не сдам экзамен* (нарушение в управлении глагола: *опасюсь кого-либо, чего-либо*). *Зайдя в общежитие, у меня в комнате валялись вещи* (нарушение синтаксической сочетаемости глагола-сказуемого и деепричастия);

3) стилистические: *Ребята из общаг. Большая просьба! Хватит на спинках лавочек сидеть, тем более в такую погоду. Грязь то никто не отмывает. Зачем вы ср...те у себя же? Надеемся на понимание. Иначе будет ловить по одному и ломать ваши ноги* (нарушена стилистическая однородность текста);

4) орфографические: *Че за бред? Ваще огонь!* (в данных высказываниях наблюдается неверное написание, передающее просторечное произношение). *Извините что не по теме. Это просто агонь!!! Я тебе во сколько сказал придти? В честь 1 сентября от непревзойденного Александра <...>. Комментарий про пичаль к баксу относился. Проект – творческая мастерская. Именно так называется эта вещь в интернет_магазине;*

5) пунктуационные: *Не знаю_какой недалеко человек создал эту группу. По-моему_есть банкомат <...> в первом корпусе. Если я долго не беру трубку, то_скорее всего_я жду припева. Капитан Америка спал 50 лет_и все называют его героем. Может_кто посвятит меня в эту злую тайну ЧелГУ? Не знаю_что может быть важнее* и др.

В некоторых случаях пренебрежение пунктуационными, орфографическими, грамматическими (то есть морфологическими, синтаксическими) и другими нормами является

«фирменным» коммуникативным стилем «лингвокреативных» пользователей, демонстрирующих остальным свою языковую «свободу», «смелость», устанавливающих тем самым новый речевой «идеал». При этом необходимо отметить разнообразие, образность, выразительность речи: *Сходил сегодня на общественно-политический вернисаж Смешались кони люди причем в самом прямом смысле ибо на нем были представлены как лошадиные ферма так и политические кандидаты ряженые всех мастей от средневековых рыцарей до солдат Первой и Второй Мировой причем милитаризация и культ физической силой был основным трендом причем с самого начала ибо при входе гостей встречал пулемет и миномет Политические и околополитические силы тоже демонстрировали свою сущность заманивая потенциальных адептов то патриотическим караоке то пением странных песен про Родину и Отечество то продуктами деятельности своих очумелых ручек* и так далее.

Непременным качеством, которым должна обладать публичная речь, является чистота, то есть отсутствие чуждых литературному языку элементов (диалектизм, жаргонизм, варваризм, слов-паразитов и так далее). Однако в повседневной практике виртуального общения оно нарушается на каждом шагу: *Блин надо подумать. Блин там девочка на аве, моя хорошая знакомая* (междометие, возникшее как эвфемизм нецензурного слова). *Что может быть круче, чем любимый сериал! Ребята из КВН, вы самые крутые! Отмазались блин).* *Чуваки, можно спросить? ТЕМА, С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ЧУВАЧЕЛЛА!* Где как не в Челябинске президент мог напялить *пацанский кепарик* (выделенные слова являются молодежными сленгизмами, заимствованными, кстати, из уголовного жаргона). *Когда будет работать тренажерка в четвертом корпусе? Разбираем кофты с символикой любимого универа* (студенческие жаргонизмы). *Ребята, репостните, пожалуйста. Надо забанить эту х...йню. Скиньте видосы в комменты пожалуйста* (компьютерные сленгизмы и лексика сетевого общения).

Конечно, сложно представить интернет-коммуникацию юных пользователей без молодежного жаргона, выполняющего определенные социально-коммуникативные задачи, но обилие молодежных сленгизмов (к тому же с криминальным «прошлым»), компьютерно-интернетовский новояз в печатных текстах Сети разру-

шают представления о нормах письменной речи с ее более высокими требованиями к подбору слов, формируя тем самым «маргинальную» письменную культуру молодого поколения.

Тексты сайта «ВКонтакте» содержат не только обозначенные элементы языка, но и обценную лексику, демонстрирующую высокий градус агрессивности аудитории: вульгарные, бранные, грубые слова и выражения (типа *сволочь, гаденыш, урод, дура, придурок*). Но наиболее «сильной» ее частью в плане выполнения коммуникативных задач (оскорбления, унижения адресата речи) является матерная речь, представленная в основном сексуальными инвективами: *Надо забанить эту х...йню! КАК ЗА...БАЛА СИГНАЛКА В ОБЩАГЕ СУКА СГОРИ ТЫ УЖЕ НАХ...Й БЛЯ...Ь АЖТРИСЕД МЕНЯЕБНАРОТБЛЯ...Б!* (комментарий из группы ЧелГУ «Angry CSU»). Иногда генитальные ругательства служат вербальным выразителем положительных эмоций комментатора: *Это просто ох...енно! Это даже больше чем ох...енно!* Такие выражения довольно большого числа пользователей соцсетей представляют собой, согласно классификации Л. А. Китаева-Смыка, «убогую нецензурщину, восполняющую скудность языка <...>, выполняющую роль словесных протезов» [4].

Аналогичным примером языковой, речевой деградации и одновременно тотальной безнаказанности являлась созданная на сайте «ВКонтакте» группа «Ох...енный бл...дь совет», главным требованием которой было употребление нецензурной лексики: *Не п...зди за спиной, е...анная крыса. Пиши, бл...дь, грамотно. Не тупи, бл...дь и подобные*. В связи со вступлением в силу с 1 июля 2014 г. Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"» сообщество обновило свое название – «Офигенный блин совет», а контент перестал содержать нецензурную лексику, но такие формальные и незначительные изменения никоим образом не содействуют повышению речевой культуры коммуникантов.

В контексте выявленных деструктивно-деградационных характеристик речи пользователей о других ее качествах (богатство и разнообразие, образность, выразительность) говорить вообще не приходится. Единственным положительным моментом в череде удручающих явлений можно назвать тот факт, что на сайте «ВКонтакте» существуют группы, которые занимаются просвещением пользователей, напри-

мер, сообщество «Я люблю русский язык», содержащее рубрики «Пополняйте словарный запас!», «Как правильно?». Однако методы такого «обучения», которое осуществляют дилетанты-любители, а не специалисты, опять заставляют усомниться в успешности подобного предприятия (имеем в виду рубрику «Как правильно?»).

Соответствие этике общения – следующий важный критерий хорошей речи, непременное условие публичной коммуникации, которое пользователи тоже игнорируют. Это проявляется, во-первых, в выборе пренебрежительных, уничижительных обращений к собеседникам (*Шалом, котята!* – обращение старшекурсника к первокурсникам; *Привет, деваху*), фамильярных приветствий, циничных прощаний (*Приветы-котлеты, пацаны! Целую тебя в скальпель*). Во-вторых, в процессе виртуального диалога пользователи из числа фатических речевых жанров предпочитают такие, которые ухудшают межличностные отношения: издевки, розыгрыши, колкости, насмешки, сплетни, обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры, замечания, порицания и др. [3]. Ведущие коммуникативные интенции отправителя в таких жанрах речи имеют деструктивно-агрессивный характер, поскольку авторы либо выражают негативное отношение к адресату речи, либо стремятся захватить коммуникативное «первенство» в диалоге: *Пошли вы все, идиоты рагульские ... и не пишите мне! Вы – европейские мойщики унитаза* (в обсуждении украинского конфликта). *Чью туфту гонишь? Чего приперлись-то сюда* (то есть в это виртуальное сообщество), *придурки? Васяев, отдохните* (то есть «замолчите»). *Елена, тетенька, отдохни!* и так далее.

Демонстрируя пренебрежение правилами речевого этикета и диалектического диалога (разворачивающегося часто на общественно-политические темы), аудитория сетей позволяет себе категоричные, необоснованные оценки, аналитическая ценность которых весьма сомнительна (*Какой идиот создал эту ересь?* и так далее), либо оскорбительные высказывания, прибегая к риторике ненависти: *ОБАМА АБИЗЯНА! Тусовка пустоголовых хохлоидов-троллей обезврежена и присыпана хлоркой. Украина – сборище даунов. Ты чтешь заветы вождя? Хохлож...на* и так далее.

Осмысление речевого творчества пользователей с позиций культуры речи закономерно влечет за собой его лингвоэкологическое осознание, так как интолерантная риторика в

публичной коммуникации (жаргонная и матерная лексика, язык вражды, «агрессивные» неологизмы и так далее) разрушает русский язык как общенациональное достояние, а значит, деформирует национальное самосознание. «Языковые утраты» и деградация носителей языка, по мнению профессора А. П. Сковородникова, – это две стороны одной проблемы, решение которой возможно исходя из теории взаимодействия языка и социума [9].

Говоря о защитно-предупредительных мерах в отношении процесса разрушения культурно-языковых ценностей, обозначим сберегательные возможности каждой из парадигм, соотносящихся с этой задачей:

1) с позиции культуры речи (например, в рамках школьного курса русского языка, вузовского курса «Культура речи») необходимо обучать пользователей не только нормативной, целесообразной речи, но и рассказывать об этических принципах диалогического взаимодействия в публичной сфере; формировать коммуникативный «иммунитет» к проявлениям речевого насилия (манипуляциям, вербальной агрессии и так далее);

2) отечественные лингвоэкологи, отмечая негативные процессы, происходящие в русском языке и сознании его носителей, в первую очередь говорят о языковой «реанимации», «реабилитации и реставрации утраченных языковых ценностей» [9], поэтому вполне логично, что эколингвисты должны придать этой проблеме лингвоцентрическую направленность – предложить языковую политику, целью которой, по словам Г. О. Винокура, «может быть только сам язык. В противном случае язык превращается лишь в средство, объект достижения целей собственно политических, а не культурно-лингвистических» [5];

3) с точки зрения медиабезопасности как междисциплинарного научного направления, необходима комплексная государственная программа, включающая законодательный, медиаобразовательный компоненты, и не только в отношении детей, но и взрослого населения. Разработка законов о риторике в массмедиа (с учетом пожеланий лингвоэкологов!) должна

иметь опережающий характер. На образовательную составляющую мы возлагаем особые надежды, так как медиакомпетентная, критически мыслящая личность способна оградить себя сама от негативного влияния речевого бескультурья и языкового насилия виртуального мира в ситуации, когда законы не действуют.

Список литературы

1. Аудитория ВКонтакте. – URL: http://vk.com/about?w=page-47200925_44240810
2. Волков, А. А. Курс русской риторики / А. А. Волков. – URL: http://krotov.info/library/03_v/ol/kov_01.html.
3. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
4. Китаев-Смык, Л. А. Сексуально-вербальная защита и агрессия / Л. А. Китаев-Смык // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск: ЧелГУ, 2005. – С. 17–21.
5. Китаев-Смык, Л. А. Культура русской речи : учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/02.php.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000. – 719 с.
7. Развитие Интернета в регионах России // Яндекс исследования. – URL: http://company.yandex.ru/researches/reports/2014/ya_internet_regions_2014.xml#1.
8. Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина. – URL: <http://www.vvsu.ru/files/D5210690-DC28-49AF-8124-DF3857DC25FA.pdf>.
9. Сковородников, А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 194–222.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1985–1988.
11. Фатеева, И. А. На пути к медиабезопасности / И. А. Фатеева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 21. – С. 6–9.

Сведения о авторах

Антропова Вера Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаобразования Челябинского государственного университета.

ava45@yandex.ru

Морозова Анна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и медиаобразования Челябинского государственного университета.
roxfan@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 17–22.*

MEDIA SAFETY IN TEXTS OF SOCIAL NETS: SPEECH CULTURAL ASPECTS

V. V. Antropova

Chelyabinsk State University. ava45@yandex.ru

A. A. Morozova

Chelyabinsk State University. roxfan@rambler.ru

Nowadays texts of social nets nest a number of threats of various character including risk of irreversible changes of cultural and speech national codes. The analysis shows that the prevailing majority of comments in social nets as an uncontrolled media field make destructive speech influence and deform common user's views on rhetoric ideal, language norm, ethic rules of speech behaviour. In that context efforts of saving paradigms (media safety, speech culture, linguaecology) turn out to be priceless.

Keywords: *printed text, social nets, "Vkontakte", media safety, speech influence, speech culture, linguaecology.*

References

1. *Auditoriya VKontakte* [Audience VKontakte]. Available at: http://vk.com/about?w=page-47200925_44240810. (In Russ.).
2. Volkov A.A. *Kurs russkoy ritoriki* [Course of Russian rhetoric]. Available at: http://krotov.info/library/03_v/ol/kov_01.html. (In Russ.).
3. Dement'ev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p. (In Russ.).
4. Kitaev-Smyk L.A. Seksual'no-verbal'nye zashchita i agressiya [Sexual verbal defense and aggression]. *Recheyaya agressiya v sovremennoy kul'ture* [Speech aggression in modern culture]. Chelyabinsk, 2005. Pp. 17–21. (In Russ.).
5. *Kul'tura russkoy rechi: uchebnik dlya vuzov* [Culture of Russian speech: a textbook for universities]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/02.php. (In Russ.).
6. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoy slovar' russkogo zhargona* [Big dictionary of Russian slang]. Saint Petersburg, 2000. 719 p. (In Russ.).
7. Razvitiye Interneta v regionakh Rossii [The development of the Internet in the regions of Russia]. *Yandeks issledovaniya* [Yandex research]. Available at: http://company.yandex.ru/researches/reports/2014/ya_internet_regions_2014.xml#1. (In Russ.).
8. Sirotinina O.B. *Osnovnye kriterii khoroshey rechi* [Basic criteria of good speech]. Available at: <http://www.vvsu.ru/files/D5210690-DC28-49AF-8124-DF3857DC25FA.pdf>. (In Russ.).
9. Skovorodnikov A.P. O predmete ekolingvistiki primenitel'no k sostoyaniyu sovremennogo russkogo yazyka [About the subject of ecolinguistics applied to the condition of contemporary Russian language]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practices], 2013, no. 1, pp. 194–222. (In Russ.).
10. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, 1985–1988. (In Russ.).
11. Fateeva I.A. Na puti k mediabezopasnosti [On the way to Media safety]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 21, pp. 6–9. (In Russ.).

УДК 821.161.1.09 «1917/1991»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Е. Г. Белоусова

«СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА» А. ПЛАТОНОВА: ОПЫТ СТИЛЕВОГО ПРОЧТЕНИЯ

Образ «подменной» реальности, созданный Платоновым в романе «Счастливая Москва», рассматривается сквозь призму индивидуального стиля писателя, открывающего его негативное отношение к советской действительности.

Ключевые слова: русская литература, А. Платонов, роман «Счастливая Москва», стиль, поэтика.

Самобытный стиль А. Платонова отчетливо заявляет о себе уже в ранних произведениях писателя, то есть в начале 1920-х гг. При этом его структура оказывается удивительно созвучной типу платоновского сознания – не только «соучастного» (Здесь и далее выделено нами. – Е. Б.), как чаще всего определяют его природу исследователи [1; 5; 8], но и «катастрофического». Речь идет о том, что самые различные и, казалось бы, несовместимые явления современной действительности художник объемлет своим сердцем, необычайно страстно переживая их как часть собственной жизни. Например: «...кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу» [3. С. 487]. Или: «И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта – стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир, ради меня, ради всех людей, и <...> с каждым спяно мое сердце» [3. С. 488].

Коррективы, внесенные в человеческий образ Платонова, существенно углубляют представления и об индивидуальном стиле писателя, обнаруживая в нем другую, хотя и неразрывно связанную с первой («связующей») черту. Мы имеем в виду необычайно драматическую, более того, откровенно нарастающую в своем драматизме сущность платоновского стиля, которая придает ему уникальное звучание в ряду других русских авторов первой трети XX в. – М. Горького, Б. Пильняка. Ведь это именно она сообщает художественной форме Платонова свойство максимальной устремленности к контактам и связям, открывая в этой устремленности труднейший, на пределе всех сил и возможностей, характер движения че-

ловека навстречу другому (миру или человеку).

Сохраняя свое ядро, стиль Платонова обнаруживает поразительные возможности обновления своей «драматически сопрягающей» природы, и это наглядно демонстрирует нам роман «Счастливая Москва» (1933–1936), создававшийся автором в один из самых мучительных для него периодов. Объявленный после публикации повести «Впрок» (1931) враждебной «сволочью» и на пять лет вычеркнутый из советской литературы, Платонов, по его собственным словам, пытается «ломать самому себе кости», хребет своего «ошибочного» мировоззрения и эстетики. Но все это безуспешно, ибо «как ни прорывался он будто бы “вперед” в своих литературно-критических статьях (на деле не раз идя в них на механический компромисс с требованиями времени), “туловище” его художественного творчества упорно тянуло его назад» [6. С. 211]. Иными словами, вопреки искренним стараниям «перестроиться», Платонов неуклонно остается верен самому себе – своему специфическому видению мира и человека. Оно находит воплощение в стилевой структуре, максимально отвечающей мироощущению художника тех лет. Это «структура подмены», а точнее, «подменной, ложной связи» [8], открывающая трагическую (неустранимую) несобранность современного бытия, крайне далекого от подлинного человеческого существования.

Дело в том, что с самого начала художественная реальность «Счастливой Москвы» производит впечатление не столько подлинно гармоничной и многосоставной целостности, сколько кажущейся таковой. Например, она удивляет своей яркостью и многоцветностью, причем достаточно уравновешенной. Ведь в цветовой гамме романа нет откровенно дис-

сонансных сочетаний. Мы можем судить об этом по тем фрагментам текста, где автор использует несколько цветовых показателей одновременно: «розовая чистота, цветущие пространства ее тела»; «смутно-зеленая земля»; «...небо над ней было сначала водяным, потом стало синим и каменным, затем превратилось в золотистое и мерцающее, как будто прорастающее цветами» [4. С. 278]. Тем не менее звучание платоновского текста трудно назвать гармоничным. Удвоенные, «утяжеленные» и откровенно нагнетаемые автором эпитеты создают у читателя ощущение внутреннего дискомфорта и затаенной угрозы.

Не менее показательным в плане сотворения образа мнимой реальности оказывается ее звучание. Не случайно насыщенный самыми различными звуками (природными, техническими, человеческими) мир «Счастливой Москвы» чаще всего маркируется у Платонова образом «гула-шума». Он становится сольной партией современной автору действительности, прежде всего благодаря своей синтетической природе, соединяющей разрозненные и откровенно несочетающиеся между собой звуковые сигналы (шумы стройки социализма – и канализации, звуки ночного города – и сердцебиения человека и т. п.) в мощное и одновременно устрашающее звучание – симфонию бытия.

Однако симфонизм этот совершенно особого свойства. Максимально соответствующий неровному пульсу нового времени, он являет собой пример «дробной», «рваной» целостности. Ведь голоса, составляющие партитуру изображаемого Платоновым мира, зачастую просто не в состоянии «согласиться» друг с другом. Наиболее показателен в этом плане фрагмент из второй главы «Счастливой Москвы», где и возникает ключевое понятие «симфония»: «Он жил в маленькой комнате, освещенной одним окном; гул нового мира доносился на высоту такого жилища как симфоническое произведение – ложь низких и ошибочных звуков затухала на вышине четвертого этажа» [4. С. 239]. Как видим, само слово писателя, подчеркнуто антиномичное и диссонансное по эмоциональной окраске, говорит о невозможности единства. «Верх» не соединяется с «низом» так же, как какофонию и фальшь невозможно возвести в гармонию, что подтверждает и использованный автором глагол «затухала».

Другим веским аргументом в пользу того, что «симфония нового мира» оказывается всего лишь кажущейся, является мысль Л. Фомен-

ко о том, что человеческий голос решительно не вписывается в «музыкальное произведение» новой жизни. Ведь чаще всего платоновский герой «кричит» и «вопит», выражая сильнейшие эмоции отрицательного порядка [7. С. 184]: «грустный крик мертвого», «закричала от внезапного мучения», «обидой и недовольством кричали дети» и т. п.

Помимо цвета и звука ощущение необычайно сложной, разносторонней действительности усиливается в тексте мотивами многолюдства и тесноты: «По окончании девятилетки Москва <...> стала бессознательно искать дорогу в свое будущее, в счастливую тесноту людей...» [4. С. 237]. Однако отчетливо выраженная оксюморонность платоновской фразы позволяет заметить, что с самого начала эти мотивы несут в себе двойную семантику, означая органичную для художественного сознания Платонова идею родственной, но затрудненной близости людей.

С особой наглядностью она проявляется в кульминационной шестой главе романа, где собрание лучших представителей советской молодежи в районном клубе изображается автором как самое идеальное состояние мира («единое человечье общежитие» – В. Маяковский), при котором рушатся все возможные перегородки между «Я» и «другим». Эту его запредельность и даже аномальность мы безошибочно улавливаем благодаря гиперболам, которые активно привлекает для создания этой сцены Платонов. «Собравшиеся <...> долго устраивались со своими местами, ища лучшего соседства, но в конце концов желая *сразу со всеми вблизи*»; «...хотелось выйти и *пригласить ужинать всех*: все равно социализм настанет!» [4. С. 268].

Но наиболее важен в этом плане образ главной героини романа, являющей собой поистине предел сердечности, то есть безграничной любви к миру вплоть до полного растворения в нем. На это указывает принципиальная направленность взгляда Москвы Честновой во вне: «...она наполняла весь мир своим вниманием и следила за огнем фонарей, чтоб они светили, за гулками равномерными ударами паровых копров на Москве-реке, чтоб сваи входили прочно в глубину, и думала о машинах, день и ночь напрягающихся в своей силе, чтоб горел свет в темноте...» [4. С. 247]. Это всецело подтверждает и поведение девушки, демонстрирующее ту же готовность к моментальному «отзыву» на любое явление действительности, что и ее

сознание. Ведь именно в Москве Честновой вневойсковик, который сам о себе говорит: «Я человек ничто» [4. С. 297], – увидел «человека, сочувственно думающего по поводу него» [4. С. 251]. Именно она заставляет Сарториуса откликнуться на просьбу Божко изготовить самые точные и самые экономичные весы. И наконец, сама героиня без размышлений и колебаний спускается под землю, отзываясь на призыв случайно увиденного плаката: «Комсомолец, комсомолка! Иди в шахту метро!...» [4. С. 302].

Последний фрагмент особенно показателен в плане того, как сверхвозвышенное состояние человека (абсолютная отдача себя другим) превращается у Платонова в полную противоположность, свидетельствуя об утрате своей уникальности – того, что, собственно, отличает живые существа от неживых механизмов. Ведь юная девушка, явно выбивающаяся из общего ряда, как это настойчиво подчеркивает Платонов в тексте «Счастливой Москвы», легко замещается здесь безликим (всеобщим) политическим понятием «комсомолка».

Нескончаемую драму платоновской эпохи и человеческого существования в ней еще больше усиливает унисонность звучания сердцебиения Москвы Честновой и всего мира. Сравним: «гул нового мира» (о котором уже говорилось выше) и удары сердца Москвы Ивановны. Последние «происходили настолько *ровно, упруго и верно*, что, если можно было бы соединить с этим сердцем весь мир, оно могло бы регулировать течение событий, – даже комары и бабочки, садясь спереди на кофту Москвы, сейчас же улетали прочь, пугаясь *гула* жизни в ее могущественном и теплом теле» [4. С. 242]. А вот еще несколько характерных фрагментов: «...он слышал ее *равномерное, гулкое сердце*»; «...с прежним *громким сердцем*» [4. С. 243–244].

Нетрудно заметить, что такие свойства, как регулярность и ровность, сознательно нагнетаемые автором, выступают здесь и *пределом сердечности*, и *пределом бессердечности*, поскольку совершенно чужды человеческой (особенно юношеской) природе. И это еще раз убеждает нас в том, что с первых строк «Счастливой Москвы» стройность и «согласованность» изображенного в ней социального мира подвергается категорическому неприятию со стороны автора как мира искусственного, автоматизированного, противоестественного – *мира «без сердца»*.

Другое дело, что негативное отношение Платонова, как мы могли убедиться выше, сначала выражается в тексте весьма сдержанно, почти неявно. И основная роль в решении этой сложной творческой задачи явно отводится авторскому слову. Не случайно наряду с лексикой, имеющей семантику «соединения», наряду с конструкциями, сопрягающими отторгающие друг друга понятия – прошлое и настоящее («*Древний город шумел и озарялся светом, как новостройка...*» [4. С. 268]), жизнь и смерть («...он хотел бы сейчас остаться в самом низу земли, поместиться хотя бы в пустой *могиле* и неразлучно с Москвой Честновой *прожить жизнь до смерти*» [4. С. 274]), Платонов с самого начала множит в тексте слова, акцентирующие *непрочность* и *невозможность* какого бы то ни было соединения. Например: «...любовью соединиться *нельзя*, я столько раз соединялась, *все равно – никак*, только одно наслаждение какое-то...»; «Сарториус обиделся, что его любовь, собранная за всю жизнь, в первый раз *погибла безответно*» [4. С. 281–282].

А вот еще ряд фрагментов, где мотив *связи* легко превращается в свою противоположность – в *мучительный разрыв*. И звучит он особенно остро благодаря активному использованию автором антонимов, отмеченных повышенной экспрессией: «Как мне *жутко быть одному* теперь! Это *вечное совокупление* двух страстей, согревающих мою голову...» [4. С. 288–289]; «...даже само тело наше есть, наверно, *одна сплошная терпеливая язва* или такое *жульничество*, которое нарочно *отделилось от всего мира*, чтобы победить его и *съесть в одиночку...*» [4. С. 306] и т. п.

В процессе же дальнейшего повествования оборотная сторона изображаемого Платоновым мира проступает в «Счастливой Москве» все более и более решительно. А драматический поворот его стиля становится все более и более откровенным. Ведь сокровенный пафос платоновской формы сказывается уже в самых различных и более крупных ее компонентах.

На сюжетном уровне решительный выход в принципиально иную, чрезвычайно далекую от возвышенных представлений главной героини реальность, тщательно подготавливаемый платоновским словом, впервые происходит в третьей главе. В ней автор описывает неудачный прыжок Москвы Честновой с парашютом, после которого она навсегда остается калекой: «Она летела с горячими красными щеками, и воздух грубо драл ее тело, как будто он был не

ветер небесного пространства, а тяжелое мертвое вещество, – нельзя было представить, чтоб земля была еще тверже и беспощадней. «*Вот какой ты, мир, на самом деле! – думала нечаянно Москва Честнова, исчезая сквозь сумрак тумана вниз. – Ты мягкий, только когда тебя не трогаешь!*» [4. С. 245–246].

В композиционном плане авторское неприятие нового мира особенно зримо проявляет мотив пустоты. С самого начала нарастая в романе параллельно с мотивом многолюдства и тесноты, он постепенно обретает поистине гротесковое звучание. В немалой степени этому способствует активное привлечение автором «сверхбольших» числительных и существительных, несущих в себе семантику множественности. Например: «она обошла всю жизнь, пережила ее вместе с несметным числом людей»; «В его неясном воображении представлялось лето, высокая рожь, голоса миллионов людей» [4. С. 285]. А вот еще один весьма показательный фрагмент: «Десять тысяч народа приблизительно находилось в движении на Каланчевской площади» [4. С. 331] и т. п.

Но вся эта «гуща народа» не может преодолеть стойкого ощущения безлюдности бытия, которое Платонов усугубляет буквальным устранением своих героев в конце романа. Куда-то исчезает калека-Москва, окончательно замыкается в кругу научных поисков жизненного вещества Самбикин, а Комягин покупает себе гроб. Причем, как говорят записные книжки Платонова тех лет, подобное завершение сюжетной линии романа далеко не случайно. Оно выражает ставшее вполне определенным и резко негативным отношение автора к советскому бытию и свойственной ему философии «темпов», провозглашенной И. Сталиным: «Такая спешка, такие темпы, такое движение строительства, радости, что человек мечется по коридору своей жизни, ничего не сознавая, живя вполпамяти, трогая работу, не свершая ее, отмахиваясь от людей, от ума – <...> мчится, мчится, *пропадая где-то пропадом* <...>» [1. С. 64–65].

А если вспомнить, что пустота уже в ранних произведениях Платонова несет в себе семантику смерти, то обнаружится еще ряд *метаморфоз*, творящих в романе образ деформированной, потерявшей себя действительности. Так, звучание изображаемого Платоновым мира во второй части произведения уже не имеет даже отдаленного сходства с симфонической музыкой. Звуки, которые слышит Мо-

сква у дома Комягина, не просто подчеркнута диссонансны. Буквально у нас на глазах они вообще утрачивают свою эстетическую природу: «...эта музыка, теряя всякую мелодию и переходя в скрежещущий вопль наступления, все же имела ритм обыкновенного человеческого сердца...» [4. С. 253]. И этот новый голос реальности оказывается под стать ее истинной сущности – грубой и враждебной по отношению к человеку: «Весь мир вокруг нее вдруг стал *резким и непримиримым* – одни *твердые и тяжкие* предметы составляли его и *грубая темная* сила действовала с *такой злобой, что сама приходила в отчаяние и плакала человеческим, истощенным голосом на краю собственного безмолвия*» [4. С. 252–253].

Но и это еще не все. Тяготее к созданию «крайних» форм, максимально созвучных мироощущению писателя, Платонов сменяет разнозвучный голос бытия, звучащий в первых главах «Счастливой Москвы» мощным аккордом, полным молчанием. Так, в предпоследней главе романа старик-музыкант предстает уже не в качестве скрипача, а в качестве нищего. Его скрипка молчит, и это молчание равносильно смерти.

Справедливость подобной интерпретации подтверждают страшные метаморфозы, которые претерпевает и сама главная героиня. Имеется в виду, что «сверхгромкое» и «сверхмощное» сердце Москвы Честновой, напоминающее «пламенный мотор» ее любимых самолетов или гигантский паровой котел, согревающий всех вокруг [2], во второй части романа вообще перестает биться. Мы не слышим его ударов, зато отчетливо слышим стук деревянной ноги героини.

Не менее последовательно рушится в романе и образ советской реальности, кажущейся на первых его страницах такой нарядной и многоцветной. Ведь яркие цвета, символизирующих радость и энергию новой жизни, вытесняются группой цветообозначений (серый, блеклый, белый и черный, темный), несущих в себе семантику «антижизни», как справедливо определяет ее Л. Фоменко [7]: «смертный серый налет», «губы серые, глаза бесцветные», «ум его все больше бледнел»; «она пожелтела и руки ее высохли»; «кровь казалась желтой, истощенной» и т. п.

Причем по мере развития платоновского повествования подобные цветовые формы явно доминируют. Например, темнота становится поистине универсальным свойством

бытия, точнее знаком окончательного его крушения: «...лишь изредка у него болело сердце – настойчиво и долго, в далекой глубине тела, раздаваясь там, как *темный* вопиющий голос» [4. С. 317]; «*темная тишина*», «сердце его стало как *темное*»; «Одно тяжелое и *темное* чувство овладело им» [4. С. 331] и т. п. Не случайно именно в двенадцатой главе меркнет светлый образ темного человека с горящим факелом, который был для Москвы Честновой символом новой жизни. Светлая детская иллюзия оборачивается мрачной прозой жизни – ничтожным человеком, мертвецом при жизни, вневойсковиком Комягиным.

Таким образом, самой жизнью своего стиля, создающего в «Счастливой Москве» бесконечный ряд «подмен» и «замен», Платонов отвергает мир, который предстает антиподом подлинного человеческого существования. Утопически-монолитный и вместе с тем распадающийся на отдельные куски, всеобщий дом, в котором нет места отдельному человеку, образ «подменной», «мнимой» реальности, созданный Платоновым, оказывается удивительно созвучен своему историческому времени, отмеченному различного рода «сдвигами» и «смещениями», грозящими человеку нравственным катастрофами. Ведь суть всех этих «сдвигов» и «подмен», которые открываются в романе постепенно, в результате целенаправленного движения от компонентов, высвечивающих негативное отношение автора к изображаемой реальности неявно и сдержанно, к компонентам, которые проявляют его максимально ярко, заключается в уничтожении все живого и человеческого, в *вытеснении индивидуально-личностного начала началом отвлеченным, «ничьим», государственно-социалистическим*. И

это со всей отчетливостью демонстрирует нам само название произведения, где имя города становится именем девушки. И это удивительно точно почувствовал Ю. Нагибин, назвавший «Счастливую Москву» «самым страшным романом Андрея Платонова» [6. С. 209].

Список литературы

1. Корниенко, Н. «...На краю собственного безмолвия...» / Н. Корниенко // Новый мир. – 1991. – № 9. – С. 58–74.
2. Михеев, М. Платоновская душа (или не получившаяся утопия) / М. Михеев // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М., 1999. – Вып. 3. – С. 159–169.
3. Платонов, А. Собрание сочинений / А. Платонов. – М., 1985. – Т. 3. – 571 с.
4. Платонов, А. Счастливая Москва / А. Платонов // Платонов, А. Повести и рассказы. – М., 2004. – С. 235–346.
5. Свительский, В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня: статьи о писателе / В. А. Свительский. – Воронеж, 1998.
6. Семенова, С. Воскресший роман Андрея Платонова. Опыт прочтения «Счастливой Москвы» / С. Семенова // Новый мир. – 1995. – № 9. – С. 209–226.
7. Фоменко, Л. П. Краски и звуки «Счастливой Москвы» / Л. П. Фоменко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М., 1999. – Вып. 3. – С. 176–186.
8. Эйдинова, В. В. О структурно-пластической природе стиля («подмена» как стилистая структура «Счастливой Москвы» Андрея Платонова) / В. В. Эйдинова // XX век. Литература. Стиль. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 3. – С. 7–19.

Сведения об авторе

Белоусова Елена Германовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета.

belouelena@gmail.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 23–28.*

“HAPPY MOSCOW” BY A. PLATONOV: AN EXPERIENCE OF STYLE INTERPRETATION

E. G. Belousova

Chelyabinsk state university. belouelena@gmail.com

The image of “substituted” reality, created by A. Platonov in his novel “Happy Moscow” is viewed in the article through the prism of the writer’s individual style which reveals author’s negative attitude to Soviet life.

Keywords: *Russian literature, A. Platonov, novel “Happy Moscow”, style, image.*

References

1. Kornienko N. «...Na krayu sobstvennogo bezmolviya...» [“...On the edge of own silence...”]. *Novyy mir* [New world], 1991, no. 9, pp. 58–74. (In Russ.).
2. Mikheev M. Platonovskaya dusha (ili nepoluchivshayasya utopiya) [Platonovsky soul (or not turned out utopia)]. «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* [“Country of philosophers” of Andrey Platonov: creativity problems], iss. 3. Moscow, 1999. Pp. 159–169. (In Russ.).
3. Platonov A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works], vol. 3. Moscow, 1985 (In Russ.).
4. Platonov A. Schastlivaya Moskva [Happy Moscow]. Platonov A. *Povesti i rasskazy* [Stories and stories]. Moscow, 2004. Pp. 235–346. (In Russ.).
5. Svitel’skiy V.A. *Andrey Platonov vchera i segodnya: stat’i o pisatele* [Andrey Platonov yesterday and today]. Voronezh, 1998. 156 p. (In Russ.).
6. Semenova S. Voskresshiy roman Andreya Platonova. Opyt prochteniya «Schastlivoy Moskvy» [The revived Andrey Platonov’s novel. Experience of reading “Happy Moscow”]. *Novyy mir* [New world], 1995, no. 9, pp. 209–226. (In Russ.).
7. Fomenko L.P. Kraski i zvuki «Schastlivoy Moskvy» [Paints and sounds of “Happy Moscow”]. «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* [“Country of philosophers” of Andrey Platonov: creativity problems], iss. 3. Moscow, 1999. Pp. 176–186. (In Russ.).
8. Eydinova V.V. O strukturno-plasticheskoy prirode stilya («podmena» kak stilevaya struktura «Schastlivoy Moskvy» Andreya Platonova) [About the structural and plastic nature of style (“substitution” as style structure “Happy Moscow” of Andrey Platonov)]. *XX vek. Literatura. Stil’* [The XX century. Literature. Style], iss. 3. Ekaterinburg, 1998. Pp. 7–19. (In Russ.).

УДК 81'276
ББК 81-25

Н. В. Васильева, Л. В. Воронина

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН С УСИЛИТЕЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Анализируется оценочный потенциал группы субстантивных производных с усилительным компонентом, функциональный статус которых в лингвистической науке оценивается неоднозначно. Подчеркивается особенность оценочных производных, которая проявляется во взаимодействии в концептуальной структуре субъективного и объективного факторов. Сделан вывод о том, что в основе формирования оценочного смысла производных имен лежит когнитивный механизм концептуальной метафоры.

Ключевые слова: производное слово, субъективный и объективный фактор оценки, эмоции, полуаффикс, концептуальная метафора.

Неотъемлемой частью человеческого сознания является оценочная деятельность, которая представляет собой субъективное отношение к окружающему миру наряду с отражением объективной действительности.

Разделение сферы объективного и субъективного до недавнего времени связывали с дихотомией «когниция – эмоции», «разум и чувства». Противопоставление разума и чувств в философских, лингвистических и психолингвистических исследованиях восходит к научным воззрениям Р. Декарта. Согласно данной традиции человеческая когниция рассматривалась как сфера сугубо рационального, а эмоции – сфера иррационального. Считалось, эмоции не только не важны для когниции, но и способны тормозить познавательные процессы.

Экспериментально-эмпирические исследования последних лет (А. Damasio, G. Roth, M. Schwarz, J. Otto и др., А. Manstead и др., J. Panksepp, Е. Ю. Мягкова и др.) доказывают ошибочность данных представлений и указывают на тесную взаимосвязь когнитивно-процессуальной и эмоционально-аффективной сторон познавательной деятельности. Эмоции детерминируют существенную часть процессов восприятия, мышления и являются мотивационной основой человеческой деятельности.

Процессы обработки языковой информации продуктивного и перцептивного характера сопряжены с эмоциональной информацией и подвержены ее влиянию. Эмоции способны ускорять/тормозить процессы языковой обработки, оптимизировать или ухудшать процессы усвоения, мышления, что свидетельствует о стратегической важности эмоций для когнитивных

процессов: «Emotionen spielen offensichtlich bei kognitiven Prozessen wie Kategorisierungen und Schlussfolgerungen eine wichtige Rolle und können bei der Organisation der Informationsverarbeitung wesentliche strategische Funktionen wahrnehmen. Positive Emotionen erleichtern, beschleunigen und optimieren Lern- und Denkprozesse, insbesondere Problemlöseprozesse, fördern, verbessern den flexiblen und kreativen Umgang mit Situationen und erleichtern Gedächtnisleistungen durch effektivere Wissensorganisation und schnellere Aktivierungen. Dass Emotionen in besonderem Maße die Steuerung spontaner Entscheidungsprozesse leiten, zeigen zahlreiche Untersuchungen... Sprachverarbeitungsprozesse produktiver wie rezeptiver Art unterliegen hemmenden und beschleunigenden Einflüssen emotionaler Faktoren» [6. С. 129].

Так, В. И. Шаховский (2008), опираясь на тезис о единстве рационального и эмоционального в сознании, подчеркивает, что человек переживает отражаемое в сознании, и это переживание проявляется в эмоциональном отношении человека к предмету речи. Объективные и субъективные элементы отражения действительности формируют диалектическое единство в семантике слова как результате этого отражения. Тесная связь оценочности и эмотивности в слове, высказывании обусловлена тем, что эмоция и оценка участвуют синхронно в актах отражения и познания, представляя в них выражение субъективной стороны результатов, оценивающих отношения отражающего субъекта к отражаемым объектам и их свойствам.

В философских исследованиях на необходимость изучения языка в тесной связи с чело-

веком указывал В. фон Гумбольд, подчеркивая тот факт, что язык как деятельность человека пронизан чувствами.

На неразрывность природы оценки и природы человека указывает Н. Д. Арутюнова. Оценка не может быть независима от человека. Чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя. Оценивается то, что необходимо (физически или духовно) человеку. В этой связи оценка встроена в идеализированную модель (картину) мира, в которую входит и то, что уже есть, и то, к чему стремится человек, и то, что он воспринимает, и то, что он создает, и то, как он действует; наконец, в нее входит и сам человек [1].

Человек в процессе познания действительности и взаимодействия с ней не только подводит все многообразие мира под определенные рубрики опыта (категории), но и выражает свое отношение к познаваемым предметам и явлениям – осуществляет оценочную категоризацию, отличительным свойством которой является ее интерпретирующий характер (Болдырев, 2005).

«Можно сказать, что всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово, ибо, поскольку я имею с ним дело в определенной ситуации, с определенным речевым намерением, оно уже проникается моей экспрессией. В обоих последних аспектах слово экспрессивно, но эта экспрессия принадлежит не самому слову: она рождается в точке контакта слова с реальной действительностью в условиях реальной ситуации, который осуществляется индивидуальным высказыванием. Слово в этом случае выступает как выражение некоторой оценивающей позиции индивидуального человека» [3. С. 268].

В рамках данной работы предлагается рассмотреть оценочный потенциал отдельной группы субстантивных производных, функциональный статус которых в разных авторских концепциях оценивается неоднозначно.

В работах М. Д. Степановой, В. Фляйшера, Х.-Ю. Гримма и др. традиционно статус такого рода единиц определяется как промежуточный между композитом и дериватом и получает терминологическое обозначение «аффиксоидные словообразования» или «производные, образованные с помощью полуаффиксов». Основанием введения такого рода единиц выступа-

ет характер значения компонента в структуре формально сложного слова, не фиксируемый в его употреблениях как самостоятельной единицы, что объясняют его частичной десемантизацией.

Г. Д. Шмидт (1987) указывает на бесполезность введения понятия «аффиксоид» в терминологический аппарат словообразования, собственно, как любых словообразовательных категорий промежуточного типа.

В концепции Х. Вайнриха анализируемые единицы определяются как производные с уменьшительными и усилительными суффиксами, а в концепции Э. Доналис рассматриваются как композиты.

В рамках современной парадигмы знаний данная проблема не становилась предметом специального исследования. Как нам представляется, обращение к данному вопросу в рамках когнитивно-дискурсивного подхода позволяет глубже проникнуть в природу и сущность подобных языковых единиц.

Смысловая структура компонентов *Affen-, Bomben-, Bullen-, Höllen-, Mords-, Problem-, Riesen-, Sau-, Sünden-, Star-, Traum-, Tod-* и др. в составе сложного слова может претерпевать изменения, характеризующиеся референциальным сдвигом, а также осложненные оценочностью.

Большая группа оценочных именовании отражает представление об эстетических и этических нормах общества и человека как представителя определенной духовной культуры. Удовлетворение нравственных потребностей связано с духовным миром субъекта оценки, ориентированным на определенные нормы, образцы, идеалы, которые предопределяют его отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности, а также условиям, мотивам, целям действия.

На связь оценки с категорией нормы в своих работах указывает Е. М. Вольф, отмечая, что «ценностная картина мира в представлении говорящих соотносена с нормативной картиной мира, с ее стереотипными ситуациями и их характеристиками и с соответствующими шкалами оценок» [5].

При этом сама норма в градационной шкале находит слабое выражение в языке, оценке субъектом познания подвергаются, прежде всего, ненормативные явления.

Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций [1].

Обратимся к ряду понятий абстрактной природы, которые могут быть выделены на

основе общего оценочного компонента Affen- (*Affenliebe, Affentheater, Affenschande*), который сигнализирует о нарушении норм, принятых в обществе. Данные понятия объединяет единая концептуальная область – ЧЕЛОВЕК. Производные AFFENLIEBE (f. *übertriebene, blinde Liebe*); AFFENTHEATER (n, umg. *übertriebenes, lächerliches Aufhebens, übertriebene, lächerliche Angelegenheit*); AFFENSCHANDE (f, umg. *große Schande*) (Wahrig) – объективируют чувства, поступки, которые человек, соотнося с его стереотипами, представлениями о норме, оценивает как превышающие степень их допустимого проявления. Отклонение от нормы в сторону увеличения получает со стороны субъекта оценки отрицательную характеристику.

На основе вычленения признака объекта «*превышающий норму*» происходит формирование новой категории (LIEBE, THEATER, SCHANDE), которое осуществляется с опорой на данный признак, то есть происходит расчленение целого на части. Выделенными в новой категории являются его признак и оценочная составляющая, включающая как систему ценностей субъекта, так и его эмоциональную реакцию на воспринимаемый объект или явление. Смещение фокуса внимания в формируемых категориях с онтологических признаков на субъективный фактор, связывающий его с конкретным индивидом, детерминирует их дискурсивные характеристики: маркированность разговорного стиля. В системе нравственных ценностей немецкого языкового сообщества в официальной речи принято быть сдержанным в проявлении эмоций.

Эстетическую непривлекательность, нарушение этических норм в немецком языке на словообразовательном уровне может объективировать компонент Sau-, Scheiß-. Производные Sauwirtschaft (f, *derb, vernachlässigte, schlampige Wirtschaft*), Saustall (f, *derb, vernachlässigte, schlampige Wirtschaft, unaufgeräumtes Zimmer*) объективируют небрежное выполнение работы человеком, следствием которой является запущенность хозяйства, комнаты, их непривлекательный вид. Композит Saukerl (m, *derb, schlechter, gemeiner Kerl*), Scheißkerl (m, *derb, erbärmlicher Kerl, Feigling*) репрезентирует неудовлетворенность нравственного чувства субъекта оценки поведением человека, нарушающим принятые этические нормы, а Sauigel (m, *derb, schmutziger Mensch; j-d, der unanständige Witze erzählt*) – этические и эстетические требования, предъ-

являемые к нему. Лабильность компонента Sau- обуславливает возможность в композите *Sauarbeit* (f, *derb, besonders schmutzige oder besonders anstrengende Arbeit; liederliche schlecht ausgeführte Arbeit*) выразить как эстетическую непривлекательность работы, так и неодобрительное отношение субъекта оценки деятельности, требующей затрат физических сил выше принятой нормы.

Признаки, мотивирующие положительную или отрицательную оценку, нестабильны и зависят от требований и ценностей самого индивида. Вследствие этого лексема *Riesenarbeit* (f, umg. *sehr große, übermäßige Anstrengung*) хотя и объективирует работу, деятельность, сопряженную также с затратой физических сил больше общепринятой нормы, однако отражает положительную оценку субъекта.

Н. Д. Арутюнова, изучая частнооценочные значения, выделяет группу сенсорных оценок – оценок, связанных с ощущениями человека, его чувственным опытом: физическим или психическим. Физические и психические ощущения важны для человека, поскольку они позволяют ориентироваться ему в природной и социальной среде, способствуя его аккомодации, достижению комфортности [1].

Как показывает анализ, большую группу оценочных именных производных в немецком языке составляют единицы, репрезентирующие удовлетворенность или неудовлетворенность субъекта оценки физическим, психическим состоянием, а также социальной ролью. Сама оценка может быть направлена как на самого человека, так и на окружающие его явления, события, объекты и других индивидов.

Физический или психический дискомфорт в немецком языке могут выражать компоненты Affen-, Bullen-, Sau-, Scheiß-. В этом случае субъект оценки выступает как психический или физический рецептор. Так, единицы *Affenhitze* f, *Bullenhitze* (umg. *sehr große Hitze*) объективируют неприятные ощущения, дискомфорт физического состояния, вызванные внешним фактором: жарой. *Saukälte* (*derb, große, strenge Kälte*), *Sauwetter*, *Scheißwetter* (*derb, sehr schlechtes Wetter*) – некомфортные ощущения, причиной которых является холод, холодная или сырая погода.

Отрицательную оценку могут получать сенсорные ощущения, обусловленные восприятием звуковых сигналов, неприятных, некомфортных для человека в силу их интенсивности. На словообразовательном уровне данный

смысл могут объективировать единицы Mords-, Höllen-: Höllenlärm (*m, umg. gewaltiger Lärm*); Mordsspektakel, Höllenspektakel (*m, umg. großer Lärm, Krach, lauter Auftritt*), Mordsgeschrei (*n, großes Geschrei*), Mordskrach (*m, umg. großer Krach, heftiger Zank, Streit*).

Физическое состояние человека зависит от своевременного удовлетворения естественных потребностей в еде и пище. Неудовлетворенность такого рода потребностей также может становиться объектом оценки, сигнализируя о дискомфорте, испытываемом субъектом оценки: Mordsdurst, Mordshunger (*großer Durst, großer Hunger*).

Глубину психических переживаний в немецком языковом сознании способны репрезентировать компоненты Sau-, Höllen-: Sauwut (*f, derb, große, heftige Wut*), Höllenangst (*f, furchtbare Angst*), Höllenqual (*f, umg., sehr große Qual*), Höllenpein (*f, sehr große Pein*).

Высшую степень удовлетворенности физической формой, психологическим состоянием, а также достижениями человека как представителя социума отражает репрезентант Bomben-: Bombenform (*f, umg., sehr gute Form*), Bombenstimmung (*f, umg., sehr gute Stimmung*), Bombenerfolg (*m, umg. großer Erfolg*), Bombenrolle (*f, umg. bes. erfolgssichere Rolle für einen Schauspieler*), Bombenstellung (*f, sehr gut bezahlte Stellung*), Bombengeschäft (*n, umg. Riesengeschäft, großer Verkaufserfolg*), Bombenstimme (*f, umg., eindrucksvolle Stimme eines Sängers od. einer Sängerin*). Объектом оценки в данном случае может выступать как сам человек, так и любые объекты, события окружающей его действительности.

Положительная оценка этой группы связана с представлением о потенциальных требованиях, предъявляемых к физическому и психическому состоянию человека как социальному существу, а также его деятельности.

Особенность оценочных производных проявляется во взаимодействии в концептуальной структуре субъективного и объективного факторов. Объективный фактор оценки детерминирован связью с категориями ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ и НОРМА. Субъективный фактор предопределен, с одной стороны, условностью норм, их зависимостью от социальной позиции, мировоззрения, уровня духовного и интеллектуального развития индивида, с другой стороны, сопряженностью отражения свойств объективной реальности с чувственными впечатлениями и соответствующей

эмоциональной реакцией человека. На языковом уровне это выражается в связи категории ОЦЕНКИ с категорией ЭМОЦИИ.

Так, концептуальная структура SAUWETTER объективирует как объективные признаки непогоды, так и отношение воспринимающего субъекта. Объективные признаки встроены в систему представлений о разных категориях погоды. Отношение субъекта связано с удовлетворением его потребностей в приятных ощущениях.

В дискурсе когнитивно выделенным может быть как объективный, так и субъективный фактор. В следующем контексте: «Wir haben bei unserem Tanz mit dem Berg kaum gemerkt, wie oft wir dieselbe Strecke benutzen. Als es am letzten Kurstag so heftig stürmt, dass uns die Schneeflocken ins Gesicht klatschen, findet die Mannschaft, sie habe bei solchem Sauwetter noch nie so gute Laune gehabt. Die wattig-nebliche Piste ist unser Tummelplatz» (Die Zeit, 21.01.2008) – выделенным оказывается объективный фактор: категория SAUWETTER выделена на основе объективно воспринимаемых признаков (буря, мокрый снег, густой туман), однако некомфортные внешние раздражители не способны испортить хорошее настроение женщины.

В следующем дискурсе, напротив, когнитивно выделенным оказывается субъективный фактор: психологический дискомфорт, причиной которого может стать одиночество человека, которое, словно изнуряющая жара, опустошает человека в любое время года: «So wirst Du also in Zukunft mit Dir allein sein, allein in Deinem Fiebertraum, und kein Mensch wird Dich necken, keiner ein Auge auf Dich werfen oder gar heimlich bewundern. Dann wirst Du sehr einsam sein in der Affenhitze des Sommers, dem kein Winter auf dem Fuße folgt, nur Frau Nichts und Herr Niemand und die dürre Zeit. Schade eigentlich» (Die Zeit, 21.3.2007).

В качестве интенсификатора признака и выражения эмоции на словообразовательном уровне в немецкой культуре могут выступать имена, объективирующие ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (Affe, Bulle, Riese, Sau, Star); его ВИТАЛЬНЫЕ (биоморфные) признаки (Tod, Mord); ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА (Hölle, Problem, Sünde, Traum); ПРОДУКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ / ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Bombe, Mist); ФОРМУ (Spitze).

Данные интенсификаторы способны расположить определенные объекты, явления на шкале субъективной оценки, выражая край-

ную степень восхищения (*Spitzenposition*) или крайнюю степень осуждения (*Todfeind*).

Чтобы выявить причину референциального сдвига, следует обратиться к фреймовой структуре, актуализируемой данными компонентами. В отличие от концепта, который может выражать любую единицу знания, в том числе неструктурированного, фрейм – «это всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [4. С. 29].

При формировании значения производных существительных происходит обращение к производящим именам существительным и соотносимыми с ними концептами, которые, вслед за Е. Л. Боярской, Л. В. Бабиной, мы будем рассматривать как объемный фрейм, состоящий из формального, конститутивного и целевого подфреймов.

Формальный подфрейм включает информацию о вхождении данного объекта в более общую группу подобных объектов, которая занимает определенное место в иерархии знаний. Конститутивный подфрейм включает информацию о внешнем виде объекта, а также выводную информацию. Он состоит из собственно-конститутивного и собственно-инферентного слотов. Онтологические характеристики объекта (форма, цвет, составные части и т. п.) наполняют собственно-конститутивный слот. В конститутивно-инферентном слоте представлены менее важные характеристики объекта, имеющие индивидуальный, субъективный, оценочный характер, поэтому список данных признаков не является жестко фиксированным. Целевой подфрейм содержит знания о функции, предназначении данного объекта действительности. Целевой подфрейм также состоит из двух слотов: собственно-целевого и инферентно-целевого. Собственно-целевой слот содержит знания о прототипических действиях, связанных с определенным объектом. Инферентно-целевой слот включает знания, выводимые человеком на основе инферентного вывода и экстралингвистического знания. Это знания о нетипичном использовании объекта, сведения о субъективно оцениваемых действиях объекта и т. п. [2].

Знание об объекте действительности многоаспектно, существенной его составляющей является представление об его онтологических свойствах и характеристиках, имеющих субъек-

тивный, оценочный характер, который отражен в конститутивном и целевом подфреймах.

Так, если мы обратимся к анализу фреймовой структуры, актуализируемой лексемой *der Affe*, обнаруживающей самый богатый ассоциативный ряд (ср.: *Affe m – zur Unterordnung der Herrentiere (Primates) gehörendes Säugetier mit Greifhand u. gut entwickeltem Gehirn (Wahrig)*), то сможем сделать вывод о том, что формальный подфрейм содержит информацию о том, что референт *der Affe* соотнесен с категорией млекопитающих животных. Его онтологическую сущность как представителя данной категории характеризуют признаки, вычленимые человеком на основе *перцептивных* опор: особенности рук и формы головы – эти данные составляют основу собственно-конститутивного слота конститутивного подфрейма. В конститутивно-инферентном и инферентно-целевом слотах представлена информация, имеющая субъективный оценочный характер: представители немецкого этноса приписывают обезьяне *die Ausgelassenheit* (распущенность, буйную веселость, резвость); *das närrische Benehmen* (глупое, шутовское, сумасбродное поведение); *übertriebene Zärtlichkeit* (чрезмерную утрированную нежность, ср.: *Affenmutter ihr Junges vor Zärtlichkeit fast erdrückt und auffrisst*); скорость, подвижность и свойство сильно потеть (*Duden*).

Способность данного имени выражать тот или иной тип оценки связана с метафорическим переносом, основанном на проецировании отдельных признаков области-источника на структуру оцениваемой области-мишени. Так, в основу значения производных *Affenliebe* и *Affenschande* перенесен признак *‘Übertriebenheit’*, производного *Affentheater – ‘Übertriebenheit’, ‘Lächerlichkeit’*.

Вследствие переноса характеристики исходной концептуальной структуры на оцениваемую структуру, которой она не свойственна, появляется оценочная составляющая, которая фиксирует субъективное отношение, мнение человека.

В контексте дискуссии о функциональном статусе такого рода языковых единиц, следует отметить, что данные словообразовательные компоненты, хотя и актуализируют в составе сложного слова иное значение, нежели в простых словах, однако их сочетаемость для порождения слов по аналогии ограничена конкретными группами единиц.

По механизму порождения они подобны композитам, смысл которых сформирован на

основе действия механизма концептуальной метафоры.

В заключение следует отметить, что имена существительные способны объективировать признаковую семантику и служить основой для формирования новых категорий на основе когнитивного выделения признака.

Именам, репрезентирующим живое существо, его духовный мир, жизнедеятельность, свойственна референциальная подвижность и способность участвовать в процессах оценочной категоризации.

На основе вычленения признака, имеющего субъективный характер и отражающего эмоциональную реакцию субъекта, может происходить формирование новой категории, в которой выделенным оказывается эмотивная составляющая. В основе формирования оценочного смысла лежит когнитивный механизм концептуальной метафоры.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабина, Л. В. Концептуальные основы словообразования / Л. В. Бабина // Когнитивные исследования языка. – М.; Тамбов, 2009. – Вып. IV. – С. 128–149.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979.
4. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопр. когнитив. лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
5. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М., 1985. – 228 с.
6. Schwarz, M. Einführung in die Kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2008. – 298 s.

Сведения об авторе

Васильева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН (Москва).

vasileva-natalia@yandex.ru

Воронина Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета.

voronina@bsu.edu.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 29–35.*

ESTIMATION POTENTIAL OF DERIVATIVE NAMES WITH AN AMPLIFYING COMPONENT

N. V. Vasilyeva

Institute of Linguistics. vasileva-natalia@yandex.ru

L. V. Voronina

Belgorod State University. voronina@bsu.edu.ru

The authors analyze the evaluation potential of the group of substantive derivatives with an amplifying component, functional status of which remains a controversial issue in linguistic science. The estimating derivatives' peculiarity, manifesting itself in the interaction in the conceptual structure of subjective and objective factors, is emphasized. It is concluded that the basis for the formation of estimating sense of derivative names is a conceptual metaphor cognitive mechanism.

Keywords: *derivative, subjective and objective factor of estimation, emotions, semi-affix, conceptual metaphor.*

References

1. Arutjunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.).
2. Babina L.V. Konceptual'nye osnovy slovoobrazovanija [Conceptual bases of formation]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [The cognitive study of language], iss. IV. Moscow; Tambov, 2009, pp. 128–149. (In Russ.).
3. Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. (In Russ.).
4. Boldyrev N.N. Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki [Conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2004, no. 1, pp. 18–36. (In Russ.).
5. Vol'f E.M. *Funkcional'naja semantika ocenki* [Functional semantics assessment]. Moscow, 1985. 228 p. (In Russ.).
6. Schwarz M. *Einführung in die Kognitive Linguistik*. Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2008. 298 p. (In German).

УДК 81'276
ББК 81-25

М. В. Енева

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ВОСТОРГ/DELIGHT В СОЧИНЕНИЯХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО И Д. Б. ПРИСТЛИ

Представлен сравнительный анализ эмоционального концепта ВОСТОРГ/DELIGHT на материале художественной эссеистики К. Г. Паустовского и Д. Б. Пристли. Приводятся определения понятий «эмоциональный концепт» и «эмоциональная картина мира». Также приводится объяснение методики сравнительного анализа эмоционального концепта ВОСТОРГ/DELIGHT. Выводы, представленные в заключительной части статьи, демонстрируют сходства и различия в индивидуально-авторской картине мира относительно эмоционального состояния «восторга».

Ключевые слова: *эмоциональный концепт, эмоциональная картина мира, структура эмоционального концепта.*

Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу эмоционального концепта ВОСТОРГ/DELIGHT в художественно-публицистической эссеистике К. Г. Паустовского и Д. Б. Пристли.

Тема исследования находится на перекрестке важнейших областей современной лингвистики: эмотиологии, лингвокультурологии, лингвоконцептологии и психолингвистики.

Изучением эмоциональных концептов занимались и продолжают заниматься многие русские и зарубежные лингвисты: Анохин (1964), Апресян (1993), М. Арнольд (1960), Бабенко (1990), Вежбицкая (1997, 2001), Изард (1980, 2000), Красавский (2001), Р. Лазарус (1991), Мягкова (1990), Телия (1987), Шаховский (1995), Buller (1996), Ekman, Friesen (1981), Kövecses (1986, 1990, 2000) и др.

Целью данного исследования является выявление специфики реализации эмоционального концепта ВОСТОРГ/DELIGHT в идиолектах К. Г. Паустовского и Д. Б. Пристли на материале художественной эссеистики. Данная цель предполагает решение таких задач, как определение основных факторов, каузирующих экспликацию эмоционального состояния восторга и моделирование эмоциональной концептосферы ВОСТОРГ/DELIGHT в сочинениях К. Г. Паустовского и Д. Б. Пристли.

Материалом исследования послужили художественные эссе в собрании сочинений К. Г. Паустовского и сборник эссе Д. Б. Пристли ("Essays of delight"). Общий объем проанализированного материала составил 541 страницу (271 страница сочинений К. Г. Паустовско-

го и 270 страниц эссе Д. Б. Пристли), общий объем выборки – 259 словоупотреблений.

Проанализированные нами художественные эссе К. Г. Паустовского и Д. Б. Пристли напрямую или косвенно описывают восторженное состояние, переживаемое авторами в различных жизненных ситуациях. Общность тематики, близкий по времени период написания и обозримый для анализа объем обусловили выбор художественных эссе К. Г. Паустовского и Д. Б. Пристли для сопоставительного анализа.

Исследование эмотивной лексики в настоящее время является одним из наиболее активно развивающихся направлений в лингвистике, так как эмоции отражают ментальность определенного народа и формируют наряду с другими факторами языковую картину мира. Под *эмоциональной картиной мира* мы понимаем вслед за Н. А. Красавским «совокупность эмоциональных представлений, эмоциональных понятий, передаваемых отдельными концептами». Эмоциональная языковая картина мира является оценочной деятельностью человеческого сознания при ментальном освоении мира. Единицей эмоциональной картины мира является эмоциональный концепт [3].

А. Т. Хроленко определяет *эмоциональный концепт* (далее ЭК) как разновидность культурного концепта, который представляет собой ментальную единицу высокой степени абстракции, отражающую в языковом сознании многовековой опыт народа в виде общеуниверсальных и культуроспецифических представлений об эмоциональном переживании. Эмоциональные концепты реализуются в язы-

ке различными способами. Так, у одного и того же концепта может быть несколько способов обозначения [8].

Можно выделить языковой фактор, определяющий структуру толкования эмоций, – наличие в языке симптоматических выражений двух типов [1]. К первому типу относятся выражения, описывающие физиологическую, наблюдаемую реакцию человека, испытывающего эмоции (в данном случае чувство восторга): *сердце бьется от восторга, чмокать от восхищения* и т. п. Второй тип составляют метафорические выражения, отражающие не реально наблюдаемые эффекты, а концептуализацию эмоции говорящим: *сердце выиграло от восторга, сердце встrepенулось от восторга, сердце запрыгало от восторга, таять от восторга, искриться от восторга* и т. п. Как видно, в основе системы концептуализации эмоций в языке лежит единый принцип уподобления реакции души реакции тела.

Вербальная репрезентация эмоций осуществляется тремя способами: языковой номинацией, экспрессией и дескрипцией. Соответственно выделяются три группы лексики: лексика, обозначающая эмоции (прямая номинация – *delight, happiness*), выражающая (*whoopie! / ogo-go!* – возглас, выражающий восхищение, радость, восторг) и описывающая (*sing, purr, smile, laugh*) эмоции [9].

ЭК имеет полевою организацию. Опираясь на теории о структурной организации концепта В. И. Карасика (1996), Г. Г. Слышкина (2000) и Ю. С. Степанова (1997), можно смоделировать структуру ЭК. Ядро ЭК представлено эмоциональным понятием, включает в себя дефиницию номинанта ЭК и его этимологические признаки. ЭК обладает широкой образно-оценочной периферией, представленной концептуальными метафорами, метонимиями и их оценочными характеристиками.

В связи с растущим взаимодействием разных культур, границы в обозначении тех или иных эмоций становятся все более размытыми и нечеткими. Поэтому, согласно В. Ю. Апресян, межъязыковое сравнение необходимо проводить, основываясь на сравнении семантических полей, а не отдельных слов [1]. При анализе целых кластеров эмоций лингвистические данные рассматриваются в контексте всей языковой системы. При этом в каждом кластере приводится основная масса лингвистических средств, выражающих разные стороны эмоции, а именно:

1) во-первых, это весь спектр синонимов и аналогов в разных частях речи, представляющих разные типы и оттенки эмоции (например, для кластера «страх» – *бояться, пугаться, трусить, страшиться, опасаться, страх, боязнь* и пр. для русского; *to be afraid, to be scared, to fear, fear, dread* и пр. для английского);

2) во-вторых, это весь спектр частеречно разнородных средств, представляющих разные аспекты появления и протекания эмоций – каузацию (*пугать, страшный*), внутреннее эмоциональное состояние (*грустно, страшно*), поведение, мотивированное эмоцией (*ужасаться, жалеть*), физиологические реакции на эмоцию (*побелеть, побагроветь, похолодеть*); поведенческие реакции на эмоцию (*убежать в ужасе, ударить кулаком по столу от досады*). Проанализированный материал дает возможность установить как сходства, так и различия в концептуализации эмоций в русском и английском языках, а также в семантическом устройстве этих полей.

Моделирование эмоциональной концептосферы К. Г. Паустовского и Д. Б. Пристли на материале сборников сочинений и эссе поможет нам выявить индивидуально-авторское представление о мире, уникальное восприятие и переживание разнообразных явлений действительности писателями.

Анализируя концепт ВОСТОРГ/DELIGHT по методу кластерного описания эмоциональных концептов В. Д. Апресян, мы выделили стимулы, внутреннее эмоциональное состояние, поведение, мотивированное данным эмоциональным состоянием и физиологическую реакцию.

1) Стимулы

Исследование показало, что оба писателя испытывают чувство восторга от соприкосновения с природой, при этом особая роль в стимулировании данной эмоции отводится запахам (*smelling invisible blossoms, одуряющий запах растений, опьяняюще пахнущий край*), цветам (*необыкновенно тускло-желтого цвета закат, the blue above is most delicately pale*), звукам (*тихий, восторженный гул, the silent universe of bright stars and black space*).

Большее место природе в своих сочинениях отводит К. Г. Паустовский (68 словоупотреблений из 115). Она вызывает у него целый спектр восторженных чувств: *большущая радость, глубокая любовь к России, спокойное, верное счастье, наслаждение. «Самое большое, простое и бесхитростное счастье я на-*

шел в лесном Мещерском краю» [4. С. 33]. У Пристли (33 словоупотребления из 144) также находим «*I admire the landscape and seascape of the Mediterranean region, with its classical air, its odd mixture of smiles and severity*» [10].

Однако особое место в эссе Д. Б. Пристли (35 словоупотреблений из 144) занимает чувство восторга, вызванное полученным удовольствием от обыденных повседневных видов деятельности, таких как *поход по маленьким провинциальным магазинам, прочтение детективов перед сном, написание какой-либо работы и обновленное ощущение свободы и пытливости*. Также значительное место в сочинениях писателя отводится искусству (27 словоупотреблений из 144) в таких его проявлениях, как литература, театр, музыка и так далее: *the magic of painting, delightedly preparing to play my part as a ripe and rum old character, delightedly binding our bodies when dancing*.

2) Внутреннее эмоциональное состояние определило семантические поля концепта ВОСТОРГ/DELIGHT и помогло нам выявить сходные и различные подтипы «восторга» в сочинениях авторов. Что касается схожих черт, обоим писателям свойственно переживать *безудержную радость, ощущение полного счастья, безмятежности и наслаждения, спокойное и верное счастье, трепет человеческой души; feeling pleased, satisfaction, felicity, solace, glory, joy, enrapture, happiness*. Что касается отличительных черт, необходимо отметить доминирование таких подтипов восторга у Пристли, как *happy delirium, ecstasy, fun, gaiety, being silly, going berserk*, что свидетельствует о наличии состояния чрезмерного эмоционального возбуждения и подъема в исследуемом концепте.

3) Поведение, мотивированное эмоцией

В качестве неконтролируемой реакции на стимулы и внутренние эмоциональные состояния соответственно оба автора выделяют улыбку и смех (*laughter, засмеяться громко*), самозабвение и неконтролируемость своего поведения (*going delightfully mad, бессвязно петь как одержимый*), желание остановить время (*хочется остановить время, forgetting the ticking of the clock, catching a glimpse of a moment frozen for ever*). У К. Г. Паустовского мы также находим «*причмокивать от восхищения губами*», «*ахать от восхищения*», «*приоткрыть рот*». («*А возница – сытый мингрел – только причмокивал от восхищения губами: – Ай, как ты говоришь красиво, кацо!*»)

[4]. В целом, в эссе Пристли неконтролируемая реакция на стимулы выражена более экспрессивно (при помощи вербальных и невербальных средств): *screaming with laughter, the mind quivers in ecstatic surrender, exclaiming in a kind of rapture, capering, making sounds of wonder, admiration and joy, clapping hands, crying out in delight*, тогда как в сочинениях Паустовского внутренние эмоциональные состояния кажутся более сдержанными: *растерянные от счастья лица, влажные сияющие глаза, широко открытые радостные глаза, смотреть как зачарованный и так далее*.

4) Физиологическая реакция

Можно выделить некоторые симптоматические (*dazzled eyes, itching in my insteps, sweating, головокружение*) и метафорические («*радость зазеленела, запела у нее на сердце*», «*хаос радости, что бьется в груди*», «*feeling that spring in my heels and my head towering in the golden air*») выражения, связанные с переживанием восторженного эмоционального состояния.

В целом, концептуальные карты «восторга» в сочинениях Д. Б. Пристли и К. Г. Паустовского пересекаются: были выявлены идентичные подтипы «восторга» – *радость, счастье, наслаждение*; был выявлен универсальный стимул, вызывающий «восторг» – это природа во всех своих проявлениях (*подлинное великоление ничтожных травинок; discovering the coming landfall by smelling copra, decayed fish*); объединяющей реакцией на эмоцию является смех и неспособность контролировать себя (*going delightfully mad; бессвязно петь как одержимый*). («*But with hot wars and cold wars we have already tried going drearily mad. Why not try going delightfully mad?*» [10. С. 26]; «*Мне хотелось целовать эти косы, этот ветер, эту холодную родниковую землю. Но я не мог этого сделать и только бессвязно пел, как одержимый, и удивлялся красоте неба*» [5].

Что касается отличительных черт, нам удалось распознать некоторые дополнительные подтипы эмоции «восторг» в эссе Д. Б. Пристли – *satisfaction, a happy adventure, curiosity*; ряд стимулов в сочинениях Д. Б. Пристли, которые связаны с повседневной деятельностью и обыденностью (*trying new blends of tobacco; leisurely sea travel, etc.*); физиологическая реакция оказалась более эксплицитно выражена у К. Г. Паустовского, благодаря чему нам удалось установить некоторые симптоматические и концептуальные метафоры, типа «ВОСТОРГ – ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ», «ВОСТОРГ –

ГЛУХО БЬЮЩЕЕСЯ СЕРДЦЕ». («Такая тишина бывает только безветренной ночью, когда легкий хруст сухой травинки застаёт вас врасплох и заставляет сердце биться глухо и торопливо»).

Полученные данные раскрывают специфику авторского мироощущения и особенности стиля художественной публицистики того и другого автора. Так, читатель обнаруживает романтическую приверженность К. Г. Паустовского, способного замечать необычное буквально во всем: «в монотонном осеннем дожде и в зеленой ряске на пруду» [5. С. 6]. Умение вкладывать смысл в обычные вещи и видеть в них то, что сокрыто от глаз окружающих, особенно характерно для эссе Д. В. Пристли: «*There was a time when merely wearing long trousers brought me delight*» [10. С. 130].

Паустовский писал: «Мое состояние можно было определить двумя словами: восхищение перед воображаемым миром и – тоска из-за невозможности увидеть его» [4]. Но, как известно, в середине 1950-х гг. к Паустовскому пришло мировое признание. Он получил возможность путешествовать по Европе, побывал в Болгарии, Чехословакии, Польше, Турции, Греции, Швеции, Италии и других странах. Впечатления от этих поездок легли в основу рассказов и путевых очерков 1950–1960-х гг. «Итальянские встречи», «Мимолетный Париж», «Огни Ламанша» и др.

По словам писателя, «счастье дается только знающим. Чем больше знает человек, тем резче, тем сильнее он видит поэзию земли там, где ее никогда не найдет человек, обладающий скудными знаниями» [4]. Надо отметить, что ко времени своего признания Паустовский накопил уже достаточно знаний, чтобы поистине оценить всю красоту и восхититься миром, но уже не воображаемым, а реальным.

Что касается Д. В. Пристли, он также был способен видеть прекрасное в малом, восхищаться новым днем с его новыми надеждами, новыми началами и чем-то таинственным и необыкновенным на горизонте. «*I have always*

been delighted at the prospect of a new day, a fresh try, one more start, with perhaps a bit of magic waiting somewhere behind the morning» [10. С. 20].

Изучение эмоциональных концептов на материале эссе целесообразно, поскольку оно является своеобразным «портретом» слова, в котором заключена как лингвистическая, так и страноведческая, в целом культурологическая информация. В эссе представлен опыт, знания человека об эмоциональном мире.

Список литературы

1. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1993. – № 3.
2. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – 259 с.
3. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 495 с.
4. Паустовский, К. Г. Муза дальних странствий / К. Г. Паустовский. – М., 1988. – 382 с.
5. Паустовский, К. Г. Собрание сочинений : в 6 т. / К. Г. Паустовский. – М., 1956–1958. – Т. 2. – С. 487–699.
6. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М., 2000.
7. Степанов, Ю. С. Константы / Ю. С. Степанов // Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – 824 с.
8. Хроленко, А. Т. Свод русского фольклора и этнографии / А. Т. Хроленко // Русский фольклор 23 : сб. науч. тр. – Л., 1985.
9. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж, 1987. – 191 с.
10. Priestley, J. V. *Essays of delight* / J. V. Priestley. – London, 2009. – 272 с.

Сведения об авторе

Енева Марина Викторовна – аспирант кафедры английского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета.

enevamarina@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 36–40.*

THE EMOTION CONCEPT *VOSTORG/DELIGHT* IN PAUSTOVSKIJ'S AND PRIESTLEY'S ESSAYS

M. V. Eneva

Tyumen State University. enevamarina@gmail.com

The article under consideration provides a comparative analysis of emotion concept *VOSTORG/DELIGHT* in Paustovskij's and Priestley's essays. The author gives some basic definitions, such as *emotion concept* and *emotion-based view of the world*, thus providing the theoretical footing for the analysis. Before carrying out the study, the explanation of employed methods is being thoroughly presented. The overall research material includes 541 pages and 259 words and word units. The applied method of cluster analysis of emotion concepts by Apresjan enabled to reveal both differences and similarities in the authors' perception of 'delight'. The aspects of cluster analysis scrutinized in this particular article comprise – *stimuli, emotional state, justified behavior, physiological reaction*. The results this study reveals might be conducive to further research of this topic, as well as contribute to cultural studies and emotion science.

Keywords: *emotion concept, emotion-based view of the world, the structure of emotion concept.*

References

1. Apresjan V.Yu., Apresjan Yu.D. Metafora v semanticheskom predstavlenii jemocij [Metaphor in the semantic representation of emotions]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems in general linguistics], 1993, no. 3. (In Russ.).
2. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v jazyke [Cultural dominants in language]. *Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty* [A linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd; Arhangelsk, 1996. 259 p. (In Russ.).
3. Krasavskij N.A. *Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah* [Emotion concepts in German and Russian language cultures]. Volgograd, 2001. 495 p. (In Russ.).
4. Paustovskij K.G. *Muza dal'nih stranstvij* [The muse of long-distance traveling]. Moscow, 1988. 382 p. (In Russ.).
5. Paustovskij K.G. *Sobranie sochinenij : v 6 t.* [The collection of essays in 6 volumes], vol. 2. Moscow, 1956–1958. Pp. 487–699. (In Russ.).
6. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse* [Linguocultural concepts of precedent texts in mind and discourse]. Moscow, 2000. (In Russ.).
7. Stepanov Yu.S. Konstanty [Constants]. *Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija* [The encyclopedia of Russian culture. The experience of study]. Moscow, 1997. 824 p. (In Russ.).
8. Hrolenko A.T. *Svod russkogo fol'klora i jetnografii* [The collection of Russian folklore and ethnography]. *Russkij fol'klor 23* [The Russian folklore 23]. Leningrad, 1985. (In Russ.).
9. Shahovskij V.I. *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka* [The categorization of emotions in the lexico-semantic language system]. Voronezh, 1987. 191 p. (In Russ.).
10. Priestley J.B. *Essays of delight*. London, 2009. 272 p.

УДК 80

М. В. Загидуллина

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРЕДАНИЯ, «ВИДИМЫЙ ТЕКСТ» И ЭПОХА «ЦИФРЫ»: К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ СМЫСЛАХ РЕВИЗУАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Рассматриваются размышления Т. Бредехофта о визуализации текста и «электронном повороте» в письменности, а также теории коммуникации в аспекте философии культуры. На перекрестке этих трех основных тезисов возникает основная идея о реконфигурации культурного поля в связи с переходом к хранению языковой информации в новых типах архивов, возвращающих древнейшие практики коммуникационного обмена.

Ключевые слова: визуализация языка, цифровые формы культуры, цифровая революция, прагматика фольклора, письменность, хранение информации.

Томас А. Бредехофт, издавший в 2014 г. в серии «Оксфордские текстуальные перспективы» книгу «Видимый текст: текстуальное продуцирование и репродуцирование от “Беовульфа” до “Мауса”» [3], смело сопоставляет эпоху первых шагов письменности с современным «электронным поворотом». Однако это сопоставление лишь намечено в заключительных частях книги и явно провоцирует дискуссию, в рамках которой и написана настоящая статья.

Было бы логично указать на суть концепции Т. Бредехофта. По его мнению, раннеписьменные этапы культуры были тесно связаны с фольклорным сознанием, наделенным рядом значимых черт: вниманием к устному слову, разработкой различных мнемотехник для передачи значимой информации от поколения к поколению. Письменные знаки, позволяющие запечатлеть культурно-значимую информацию, неизбежно открыли перед человечеством новый виток развития, и фольклорные формы стали отесняться на периферию культуры (общее движение письменности и текстуальной культуры подробно описывает К. Вандендроп [12]).

Однако в то же время этот раннеписьменный период донес до нас образцы сакрализации письменности. Т. Бредехофт подробно останавливается на таком древнем артефакте, как «ларец Франка», хранящийся в Британском музее. Это шкатулка из китового уса, украшенная руническими надписями со всех сторон. По Бредехофту, резьба по китовому усю не является аналогом «письма по бумаге» – это поистине трудоемкий и творческий процесс, и материал (а также и его форма – ларец) является неотъемлемой частью текста. Будучи перенесенный на бумагу (для перевода), текст теряет свою

соотнесенность с расположением на ларце – а вместе с этим теряет и смыслы. Здесь текст не «читался», а именно «рассматривался». Это же касается и ряда других известных памятников англо-саксонской культуры. Чрезвычайно интересно следующее наблюдение Бредехофта: стела в виде каменного креста с нанесенным на него текстом представляла собой не просто «памятник вообще», а вполне конкретное, имеющее географическую привязку «послание»: такой крест создавался для определенного сообщества, возможно, воспринимающего текст на кресте в совершенно иных смыслах, чем сейчас воспринимаем мы [3].

Визуализация текста (текст для рассматривания) во многом может быть соотнесена с фольклорной эпохой, когда слагание песен об эпическом прошлом начинало соотноситься с потребностью поиска иного «хранилища» сакрализованного знания о предыстории народа, чем только мнемотехника и расчет на запоминание/выучивание следующим поколением, ведь такая технология оказывалась слишком уязвимой: выучивший текст исполнитель мог погибнуть, не передав «песни» своему преемнику. Запись текста становилась аналогом архива «на века»: оставалось позаботиться о качестве этой записи. Здесь мы видим иную репрезентацию прагматической функции фольклора, выявленной при взгляде сквозь теорию информационного обмена.

Манускрипты «Беовульфа» как раз и показывают, что запись была здесь не столько способом «тиражирования» («репродуцирования» в терминах Бредехофта), сколько решением задачи создания уникального артефакта, который будет священен потому, что на нем изо-

бражены сказания, составляющие «Беофульф» [4; 5]. Здесь текст как таковой оказывался в ситуации добавочных смыслов: важно, как изображены буквы, как они расположены в пространстве текста. Чем качественнее и сложнее было исполнение рукописи, тем больше шансов у нее было выжить в борьбе со временем. Как полагает Т. Бредехофт, утилизация ждала любые артефакты, выполненные без внимания к этой «консервирующей» силе искусства (красота, впечатляющее исполнение оказывались «спасителями» от разрушения и гибели под ногами следующих цивилизаций).

Мы могли бы развить и продолжить мысли оксфордского профессора: в сфере информационного обмена каждый раз побеждает та система, которая наиболее приспособлена к консервации смыслов, их упаковке и спасению от утилизации.

При переходе ко времени печатного станка мы оказываемся в ситуации «репродуцирования» *текста* – язык «отвлекает» письменность от ее носителя, делая его качество и другие особенности неважными. Если в культуре наступает момент, когда один и тот же текст можно читать на разных «свитках» (во многих экземплярах), то, собственно, мастерство исполнения «артефакта» отступает на второй план. А уж когда начинается эра тиражирования, то текст и вовсе эмансипируется от своего носителя. Неслучайно Ж. Женнет вводит понятие «паратекста» – обрамляющей части книги, где фиксируется авторство [7], а М. Фуко указывает на фиктивность авторской фигуры [6].

Между тем суть книгопечатания – получение большого числа копий одного текста, «авторизованного» разными способами (либо самим автором, либо издающим его текст лицом – редактором). Эти копии уже нельзя «подправить», они расходятся среди читателей, а значит, возникает гарантия неизменности авторского слова. Фольклорная традиция лишь иногда требовала неизменности, но вариативность – такое же значимое основание фольклора, как и повторяемость. Книгопечатание преодолевало эту потребность, заменяя ее «однозначным» (и безвариантным) текстом.

Эра эмансипации текста от своего носителя немедленно привела и к росту рисков утилизации книг: они теряли свою значимость, переставали быть очень дорогим (и ценным в глазах человека) объектом. Если мы вернемся к принципу хранения информации, то логика дальнейшего развития была простой: «обязательный

экземпляр» надо было поместить в специальное место, где этот экземпляр будет спасен от разрушения – то есть утилизации. Так возникают национальные библиотеки и книгохранилища. Теперь они выполняют функции «ларца Франка»: так же как невозможно было разрушить или уничтожить ларец (даже при утрате понимания, что на нем написано) – и столетие за столетием поколения осознавали его ценность (а значит, текст продолжал свою жизнь в культурном пространстве), так теперь невозможно было «утилизировать» книги (вырывать из них листы для бытовых нужд, разжигать ими печь и т. п.) – то есть библиотека институционально оказывалась на страже книги.

Но при этом сакральность книги возрастала только тогда, когда она становилась «редкой» (даже независимо от ее содержания). Во всех остальных случаях «тиражность» девальвовала ценность отдельного экземпляра. Именно поэтому в начале 90-х гг. в России сжигались книги по марксизму-ленинизму: их совокупный тираж казался столь чудовищно большим, что никакое уничтожение не воспринималось как вандализм.

Все эти наблюдения приобретают совершенно иное значение, когда мы рассматриваем их сквозь современное состояние коммуникационного обмена. Цифровая эпоха открыла новый поворот в развитии коммуникаций, и принятые в разных странах концепции перехода к информационному обществу придали работе по «оцифровке действительности» поистине ускоренный характер. С точки зрения политиков, «информационные супермагистрали» должны были пронизать страны и открыть новые, фантастические возможности для населения: рассматривать мировые шедевры живописи, слушать великолепные оперы и читать потрясающие книги благодаря своему ПК. Задача «перевода в цифру» национальной библиотеки выглядит как совершенно логичная и единственно отвечающая вызовам момента. Именно поэтому в эту работу были вовлечены целые поколения специалистов.

Но – оцифровывая тексты – мы лишаем их последнего «приюта» – бумажной страницы, а заодно уж и крышки книги – их дома. Это одновременно абсолютно логично (так развивается техника) и социально небезопасно (до сих пор не существует четкого ответа на вопрос, как влияет восприятие оцифрованной информации на человека; не решен и вопрос о сохранности информации в цифровом виде).

Сегодня на страницах научных и научно-популярных журналов развернулась широкая дискуссия о судьбе чтения, о месте книги в культуре. Ответы на многие вопросы скрываются в самой логике трансформаций моделей культурного обмена. Если когда-то от фольклорной традиции был совершен переход к письменной фиксации информации; от фиксации в виде артефактов, подлежащих рассматриванию в той же мере, что и чтению, произошел переход к чтению без рассматривания, то далее неизбежно должен быть переход к иному способу передачи и фиксации мыслей в принципе. В современной научной мысли размышления о «начале конца» (или о перевертышах в культуре) становятся все более частыми [9; 10; 11]. Отметим, что многие аргументы в споре о «цифре» и «книге» кажутся недостаточно серьезными: например, тезис о легкой уничтожимости электронной информации (вспомним Александрийскую библиотеку) или тезис о точном фиксировании мысли (воли) автора исключительно в печатном образце (отметим, что типографский способ издания не является гарантом сохранения этой воли, о чем неоднократно сожалел Дж. Толкиен [1]).

В связи с этим практики скорочтения, например, оказываются частью общей эмансипации текстов не только от своих носителей, но и от букв как таковых (чтение ведется не буквенно-словным способом, но именно «абзацным», где отдельные слова «кидают» в мозг сигналы, достаточные для «схватывания» целого). Этот процесс (по контрасту с традиционным «вчитыванием») можно было бы назвать «считыванием». Практики скорочтения развивались в рамках книжной культуры под количественным напором книг: их становилось так много, что прочтение даже небольшой части книг «по вопросу» оказывалось проблематичным. Отсюда один шаг к новому уровню развития информационного обмена.

Если оцифровка дает нам возможность «прокрутки» текста перед глазами для скорейшего считывания, а «материальные свойства» книги отступают на самый последний план, то тогда неизбежно культура начинает переживать рождение нового базового способа обмена информацией.

Тот же Т. Бредехофт обращается к комиксам как к новому варианту чтения (рассматривание картинок становится, как он полагает, разновидностью чтения – перед глазами читателя формируются смыслы, последовательный

нарратив [3]). Однако чем тогда этот вариант отличается от видеоформата как такового? То есть нет сомнений, что визуальный поворот в культуре, относимый определенно к столетней давности событиям (упрочению фото и рождению ТВ), вполне может восприниматься как обретение (или чаяние) нового языка.

При этом мысль о том, что «письменное» слово останется главным фиксатором информации, многократно повторяется, но не находит убедительного обоснования. Письменность вполне может оказаться одним из культурных этапов в развитии человечества, а на смену ей может прийти иной способ фиксирования информации. Сама эта мысль не кажется «революционной», однако для культуры это, несомненно, переход на новый уровень, когда, возможно, грядет эпоха неофольклора – передачи наиболее ценной информации «устно» (а в еще более отдаленном будущем – «мысленно»). Здесь особого внимания заслуживают рассуждения о соотношении устного и письменного в современной культуре, когда первое воспринимается как способ совершенствования и улучшения спонтанного устного потока. Произнесенный (или задуманный) текст записывается и правится, произнесение текста в ответственной ситуации зависит от того, «по писанному» или нет говорит автор.

«Электронный поворот» означает, что текст превращается в набор линейных символов, имеющих иную природу, чем буква, но, главное, «скрытых» от понимания того, кто передает или получает информацию. Кодирование текста в цифру формирует у человека *доверие* к такому способу хранения и передачи информации – в то время как электронный протокол вполне может нести свои ошибки и сбои конфигурации, не считываемые при восприятии декодированного текста – если получившийся вариант воспроизведения «похож» на осмысленный (а не превращает текст в грудку нечитаемых символов).

Но по логике изобретение нового языка для передачи «старого» есть лишь переходный период [2]. Если человечеству окажется более удобным передавать информацию («тексты») с помощью *иной* конфигурации кодов, чем буквы, то почему, собственно, полагать, что это совершенно фантастично? Закон экономии трудовых усилий неизбежно будет вести к оптимизации процессов чтения и письма как процессов кодирования и декодирования информации. Два кода (алфавитно-буквенный, под которым понимаются любые символьные

изображения звуков речи на письме, и двоичный программный код, под которым понимается оцифровка текста) неизбежно вступят в борьбу, и рано или поздно старое сдаст свои позиции. Уже сегодня нетрудно себе представить ситуацию, что человек вместо привычных букв использует некие двоичные комбинации (как в азбуке Морзе, скажем). Но в случае с будущим культуры, прочитанным сквозь логику ее развития, оказывается актуальной тема перехода к рассматриванию и слушанию – то есть подключению «отдыхавших» ранее органов чувств человека. Если эти действия начнут заменять чтение и письмо, то культурный ландшафт планеты изменится. И это не будет «оболванивание» или «новое варварство», напротив, в таком витке «назад» к синкретичным формам культуры фольклорных времен, можно увидеть огромный шаг вперед: от аналитических моделей, представленных письменностью, к синтетическим моделям создания, передачи и хранения информации в будущем.

Список литературы

1. Anderson, D. A. Note on the text / D. A. Anderson // Tolkien, J. R. R. *The Lord of the Rings* / J. R. R. Tolkien. – Houghton; Boston: Mifflin, 2004. – P. 11–17.
2. Bolter, J. D. *Remediation: understanding new media* / J. D. Bolter, R. Grusin. – Cambridge: MA, MIT Press, 1999.
3. Bredehoft, T. A. *The visible text: textual production and reproduction from Beowulf to*

Maus / T. A. Bredehoft. – Oxford: Oxford UP, 2014. – 182 p.

4. Brown, M. P. *The triumph of the codex: the manuscript book before 1100* / M. P. Brown // *A companion to the history of the book*. – Oxford: Blackwell, 2007. – P. 179–193.

5. Derolez, A. *The palaeography of gothic manuscript books from the twelfth to the early sixteenth century* / A. Derolez. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

6. Foucault, M. *What is an Author?* / M. Foucault // *The Foucault Reader*. – New York: Pantheon, 1984. – P. 101–120.

7. Genette, G. *Paratexts: thresholds of interpretation* / G. Genette. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

8. Harvey, R. C. *Comedy at the juncture of word and image* / R. C. Harvey // *The language of comics: word and image*. – Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2001. – P. 75–96.

9. Hathaway, R. *Reading Art Spiegelman's Maus as Postmodern Ethnography* / R. Hathaway // *Journal of folklore research*. – 2011. – № 48.3. – P. 249–267.

10. McCloud, S. *Understanding Comics: The Invisible Art* / S. McCloud. – New York: Harper-Perennial, 1994.

11. Raeburn, D. *Building a Language* / D. Raeburn. – New Haven: Yale University Press, 2004. – P. 6–26.

12. Vandendorpe, C. *From papyrus to hypertext: towards the universal digital library* / C. Vandendorpe. – Urbana: University of Illinois Press, 2009.

Сведения об авторе

Загидуллина Марина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

mzagidullina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).

Philology. Arts. Issue 97. Pp. 41–45.

FOLKLORE LEGENDS, “VISIBLE TEXT” AND THE DIGITAL ERA: THE QUESTION OF PHILOSOPHIC SENSE OF REVISUALIZATION OF LANGUAGE

M. V. Zagidullina

Chelyabinsk State University. mzagidullina@gmail.com

In this paper, the author proceeds from thinking T. Bredehoft of text rendering and “electronic turn” in writing, and communication theory in terms of the philosophy of culture. The author opens and

discusses the idea of the reconfiguration of the cultural field because the transfer to the storage of verbal information in new types of reservoirs returning the ancient practice of communication exchange. The questions of writing as just a temporal sort of fixing of information is discussed. The author suggests that the folklore model of “sacralization” of the most significant information was changed by writing but the target of this function was kept as stable needs of mankind (to produce, to collect, to safe, to change the information). Now the writing as a cultural practice is in the same situation of marginalization as a folklore before. The theory of folklore, theory of mass communication and the phenomenon of the “visible text” cross in one point: how the new stage of civilization could be configured if the previous system of “writing” and “reading” will disappear gradually. The analyses of the current cultural landscape shows the opportunity of the serious shift in a global culture.

Keywords: *visualization language, digital forms of culture, the digital revolution, pragmatics folklore, writing, information storage.*

References

1. Anderson D.A. Note on the Text. Tolkien J.R.R. *The Lord of the Rings*. Boston, 2004. Pp. 11–17.
2. Bolter J.D., Grusin R. *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, 1999.
3. Bredehoft T.A. *The visible text: textual production and reproduction from Beowulf to Maus*. Oxford, 2014. 182 p.
4. Brown M.P. The Triumph of the Codex: The Manuscript Book Before 1100. *A Companion to the History of the Book*. Oxford, Blackwell, 2007. Pp. 179–193.
5. Derolez A. *The Palaeography of Gothic Manuscript Books from the Twelfth to the Early Sixteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003.
6. Foucault M. What is an Author? *The Foucault Reader*. New York, Pantheon, 1984. Pp. 101–120.
7. Genette G. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.
8. Harvey R.C. Comedy at the Juncture of Word and Image. *The Language of Comics: Word and Image*. Jackson, MS, University Press of Mississippi, 2001. Pp. 75–96.
9. Hathaway R. Reading Art Spiegelman’s *Maus* as Postmodern Ethnography. *Journal of Folklore Research*, 2011, no. 48.3, pp. 249–267.
10. McCloud S. *Understanding Comics: The Invisible Art*. New York, Harper-Perennial, 1994.
11. Raeburn D. *Building a Language*. New Haven, Yale University Press, 2004. Pp. 6–26.
12. Vandendorpe C. *From Papyrus to Hypertext: Towards the Universal Digital Library*. Urbana, University of Illinois Press, 2009.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)

Н. Л. Зыковская

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАПАХИ В ПРОЗЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Рассматривается творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина через важную составляющую: воссоздание социальных запахов. Анализируются различные ольфакторные приемы, при помощи которых Салтыков-Щедрин представляет модель общественной жизни. Выявляются ключевые характеристики запаха героев произведений, выстраивается сквозная ольфакторная оппозиция: «вонь» – «благоухание».

Ключевые слова: *проза, творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина, социальные запахи, ольфакция.*

Отношение человечества к запахам составляет одну из устойчивых доминант культуры. Однако оценка запаха как части традиционной культурной системы в анализе русской художественной прозы носит эпизодический характер, не претендующий на актуальное комплексное решение указанной задачи. Формируя представление о картине мира, человек перерабатывает информацию, полученную при помощи разных органов чувств. Известно, что 90 % этой информации он получает через зрительные ощущения, но не говорить о других 10 % – значит не представить цельную, законченную картину мира. Речь в предлагаемой статье пойдет об ольфакторности – совокупности обонятельных впечатлений, которые в ходе коммуникативной практики нуждаются в языковом воплощении: в литературных произведениях русской национальной традиции.

Растущий интерес к проблеме вербализации запахов в тексте (хотя и не в полной мере) отражен в комплексно-обобщающих научных подходах и концепциях и осознается большинством исследователей как назревшая необходимость. Среди всех пяти органов чувств обоняние занимает далеко не равную позицию. Видеть и слышать – две главные функции, которые обеспечивают безопасность, обоняние в этой связи оказывается ощущением факультативным. Без него в принципе можно обойтись, его можно рассматривать как рудимент, доставшийся нам от животных предков, чье обоняние было развито лучше и выполняло всю ту же защитную роль. Но осмысление запаха всегда занимало человеческое сознание. История культивирования обонятельных реакций может рассматриваться как процесс «приручения» и «окультуривания» естественного рецеп-

тора: вся история парфюмерии есть история воплощения искусственного в сфере запахов (вплоть до искусственных заменителей природных источников запахов).

В оппозиции «естественное» – «культурное» обоняние может рассматриваться как площадка непрекращающегося эксперимента, что и объясняет во многом настойчивое стремление человека перевести на язык простой ментальности сложную рецепторную работу обоняния. Общая теория обоняния создана и освоена, понятны механизмы распознавания запахов, раскрыта связь восприятия запаха с деятельностью центральной нервной системы, в общих чертах воссоздана физиологическая обонятельная картина. Однако психическая составляющая, в том числе и коммуникативный потенциал запахов и их распознавание, во многом остается неизученной областью. И именно литературный текст призван восполнить эту лауну, ведь его главная задача – включение запаха в общую стереокартину мира, которую он стремится создать, максимально стирая знаки собственной искусственности.

К наиболее концентрированным попыткам «обнаружения запаха в тексте» мы можем отнести исследование лексики восприятия в романах М. А. Булгакова, осуществленное Е. В. Свинцицкой [11]; анализ сенсорной лексики в произведениях Ю. Н. Куранова в исследовании Л. О. Овчинниковой [7], изучение прилагательных, образующих домен «запах» в английском и русском языках у Л. В. Лаенко [5]; попытки реактуализации одорической лексики в художественном тексте в работе А. В. Дроботун [2], значимый труд по выявлению общих характеристик лексико-семантического поля «запах» в русском языке Н. С. Пав-

ловой [8]; изучение поэзии Серебряного века с позиций ольфакторности Н. А. Рогачевой [9]; интересные философско-культурологические интерпретации ароматов работы на стыке культурологии у И. А. Манкевич [6].

В настоящей статье осуществлен анализ ольфакторных метафор, при помощи которых представлено описание общественной жизни в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. Описание «миазмов» общественной жизни – важнейшая задача автора. Его чувствительность к запахам в конечном счете сказывается в развитости метафорического ольфактория: «Всякому, вероятно, случалось, проходя мимо клоаки, не только зажимать нос, но и стараться не дышать; точно такое же насилие должен делать над собой человек, когда вступает в область, насыщенную празднословием и пошлостью. Он должен притупить в себе зрение, слух, обоняние, вкус; должен победить всякую восприимчивость, одеревенеть. Только тогда миазмы пошлости не задушат его» [10. Т. XIII. С. 165] («Господа Головлевы»).

Запах денег иногда оказывается «реализованной метафорой»: «А сверх того, Разуваев имеет простодушно-наглое убеждение, что стоит только помахать у помещика под носом ассигнацией, чтоб он сейчас же, от одного ассигнационного запаха, впал в изнеможение» [10. Т. XIII. С. 347] («Убежище Монрепо»); «– Это бывает, – ответил он, – в моей практике я и не такие чудеса видел. Позвали меня однажды к попу. Прихожу, лежит мой поп, как колода, языком не владеет, не слышит, не видит, только носом нюхает. Домашние, разумеется, в смятении; готовят горчишники, припарки. «Не нужно, говорю, ничего, а вот поднесите ему к носу ассигнацию». И что ж бы вы думали? как только он нюхнул, вдруг вскочил как встрепанный! Откуда что полезло: и заговорил, и прозрел, и услышал! И сейчас же водки попросил» [10. Т. XI. С. 459] («Благонамеренные речи»). У Салтыкова-Щедрина частотными являются и случаи использования выражения «пахнуть чем-то» в значении метафорического описания какого-то человека, события, качества, явления: «От Прелестнова пахло публицистикой, просонками и головною болью» [10. Т. X. С. 385] («Дневник провинциала в Петербурге»); «легко пишутся проекты, в которых реформаторские затеи счастливым образом сочетаются с запахом сивухи и с тем благосклонным отношением к жульничеству, которое доказывает, что жульничество – сила

и что с этой силой необходимо считаться» [10. Т. X. С. 497] («Дневник провинциала в Петербурге»); «Как только появилась моя тень, так тотчас же комната присяжных наполнилась тем острым «запахом миллиона», который в наши дни решает судьбу не гарантированных правительством предприятий...» [10. Т. X. С. 495] («Дневник провинциала в Петербурге»); «– И богатство есть, и фабрики, и заводы; даже полиция есть. Но чтоб была цивилизация – вот с чем я никогда не соглашусь! Плоха, брат, та цивилизация, от которой мертвечиной пахнет, в которой жизни духа нет!» [10. Т. XI. С. 424] («Благонамеренные речи»); «Отправился ретивый начальник по начальству. Видит: дом, где начальник живет, новой краской выкрашен; швейцар – новый, курьеры – новые. А наконец и сам начальник – с иголки. От прежнего начальника вредом пахло, а от нового – пользой» [10. Т. XV. С. 195].

Салтыков-Щедрин отыскивает самые разные смыслы ольфакторных фрагментов. Запах тления от человека означает консерватизм и неактуальность мышления («Жарь! – вот извечный секрет непечатых, но уже припахивающих тлением людей, секрет, в котором замыкается и идея возмездия, и идея поучения. Всех жарь, а в том числе и их, прохвостов, ибо они и своей собственной шкуры не жалеют» – «Письма к тетеньке» [10. Т. XIV. С. 325]); тот же смысл и в выражении «запах несвежей провизии»: «Они, Пафнутьевы, Дракины, Хлобыстовские, которые уж в качестве лудильщиков успели наполнить вселенную воплями? Тетенька, да разве они «свежие»? помилуйте! ведь от них уже с которых пор несвежей провизией припахивает! Но припахивает или нет, а они явились» [10. Т. XIV. С. 323] («Письма к тетеньке»). Восприятие одного и того же запаха в разное время обитания в нем становится метафорой смены отношения к жизни: «Я ничего не читал в газетах о подвигах вашего Пафнутьева, но слышал, что он был в Петербурге и нюхал. Сначала находил, что пахнет амбре, потом, по мере того как надежды на «проникновение» померкали, стал относиться к запахам с притворным равнодушием и, наконец, пустился в почтительное сквернословие. И так как Петербург нынче переполнен Пафнутьевыми, которые все приехали понюхать, чем пахнет, то у всех у них ваш Пафнутьев был с визитом и всем говорил, что надобно «взглянуть на положение вещей серьезно», и прежде всего начать с оздоровления корней» [10. Т. XIV. С. 325] («Письма к тетеньке»).

«Вонь», как и в других примерах, приведенных выше, оказывается метафорой безнравственности: «В это же время бодрствует в своей конуре и шпион. Он приводит в порядок собранные матерьялы, проводит их сквозь горнило своего понимания и, чувствуя, что от этого «понимания» воняет, сдабривает его клеветой» [1. Т. XIV. С. 67] («За рубежом»).

Запах вообще может выступать метафорой сути того или иного явления: «— Ну, теперь, благодаря мсье Корепанову, вы, верно, уж достаточно знакомы со всем крутогорским обществом? — перебила княжна Анна Львовна, садясь возле меня. — Нет еще, княжна, — отвечал Корепанов, — Николай Иваныч покамест более познакомился со мной, нежели с здешним обществом... Впрочем, здешнее общество осязательно изобразить нельзя: в него нужно самому втравиться, нужно самому пожить его жизнью, чтоб узнать его. Здешнее общество имеет свой запах, а свойство запаха, как вам известно, нельзя объяснить человеку, который никогда его не обонял. — Вы злой человек, мсье Корепанов!» [10. Т. II. С. 283] («Губернские очерки»). Настолько же метафорично выражение «вонь и грязь»: «И между тем — замечательная вещь! — даже личность, одаренная наиболее деликатными нервами, редко успевает отделаться от сокрушительного влияния этой миниятурной и, по наружности, столь непривлекательной жизни! Не вдруг, а день за день, воровски подкрадывается к человеку провинциальная вонь и грязь, и в одно прекрасное утро он с изумлением ощущает себя сидящим по уши во всех крошечных гнусностях и дешевых злодеяниях, которыми преизобилует жизнь маленького городка» [10. Т. II. С. 78] («Губернские очерки»).

В последнем примере мы наблюдаем буквальное соответствие выражению «по уши в грязи», где совпадает представление об онтологической грязи, отличающей провинциальный быт, и грязи нравственной, как и в другом месте того же произведения: «Приедешь иной раз в город — ну, такая, братец, там мерзость и вонь, что даже душу тебе воротит! Кляузы, да сплетни, да франтовство какое-то тупоумное!.. А воротись в деревню — какая вдруг божья благодать всю внутренность твою просветлит!» [10. Т. II. С. 292] («Губернские очерки»).

То, что пустота провинциальной жизни выступает как «нравственное зловоние», показательно для образной манеры Салтыкова-Щедрина, более того, обонятельное отвращение переходит в «пищеварительную» реакцию — от

этого «запаха» тошнит. Интересно, что Щедрин избегает натуралистических описаний запахов, настоящей вони, а использует все эти «сильные» ольфакторные образы исключительно в переносном смысле: «О, вы, которые живете другою, широкою жизнью, вы, которых оставляют жить и которые оставляете жить других, — завидую вам! И если когда-нибудь придется вам горько и вы усомнитесь в вашем счастье, вспомните, что есть иной мир, мир зловоний и болотных испарений, мир сплетен и жирных кулебяк — и горе вам, если вы тотчас не поспешите подписать удовольствие вечному истцу вашей жизни — обществу!» [10. Т. II. С. 226] («Губернские очерки»).

«Зловонными испарениями» называет Салтыков-Щедрин «лесть и ласкательство» в том же произведении. В том же смысле вводит он окказионализм «злоуханный» (встречается только у Салтыкова-Щедрина: «Обитатель Монрепо потухает сам собой, естественно, неизбежно. Потухает с отрадным убеждением, что последние его мерцания не отравили окрестности запахом злоуханной гари, которая при других, менее благоприятных условиях непременно вконец измучила бы человека, заменив подлинную жизнедеятельность искусственным калечеством» [10. Т. XIII. С. 325] («Убежище Монрепо»)).

Отметим также и эпитет «пахучий», применяемый к самым разным предметам в разных смыслах. Внимание к обонянию как значимому органу, доставляющему не только «органолептическую», но «высшую», нравственную «информацию», позволило Салтыкову-Щедрину развить образ человека «вынюхивающего».

Здесь «вынюхивать» означает «разведывать», узнавать скрытые обстоятельства: «Вот вам и вся эпопея пафнутьевского пребывания в Петербурге. Рассказал мне ее один из недонюхавшихся нюхателей, который и в палкинском бунтовстве запевалой был, но успел счастливо ускользнуть, да вдобавок еще и ложку, впопыхах, в карман запрятал» [10. Т. XIV. С. 307] («Письма к тетеньке»); «Кровопийца! — так и вертелось на языке у Анниньки. Но она сдержалась, быстро налила себе стакан воды и залпом его выпила. Иудушка словно нюхом отгадывал, что в ней происходит» [10. Т. XIII. С. 167] («Господа Головлевы»); «Молчит Фейер, только усами, как таракан, шевелит, словно обнюхивает, чем пахнет. Вот и приходит как-то купчик в гостинный двор в лавку, а в зубах у него цигарка» [10. Т. II. С. 31] («Губернские

очерки»); «Или, бывало, желательно губернии перед начальством отличиться. Пишут Фейеру из губернии, был чтоб бродяга, и такой бродяга, чтобы в нос бросилось. Вот и начнет Фейер по городу рыскать, и все нюхает, к огонькам присматривается, нет ли где сборища» [10. Т. II. С. 28] («Губернские очерки»).

Не просто принюхивание, но даже «поднюхивание» (окказионализм, основанный на значении глагола «подглядывать») оказываются главным действием героев-«шпионов»: «Во-вторых, мы, глуповцы, хотя и простодушный народ, но имеем чутье острое и цепкое. Мы как раз поднюхаем, что ты не впрямь глуповец, а только прикидываешься им. А поднюхавши, мы скажем друг другу: «Эге! да он мошенник! да к тому же, слава богу, и трус!»» [10. Т. III. С. 281] («Сатиры в прозе», «К читателю»); «...у глуповца имеется своего рода чутье; он нюхает день, нюхает два, и наконец поднюхивает-таки в вас нечто несродное Глупову. И с этой поры он вас ненавидит, хотя и продолжает целовать ваши руки; он ненавидит вас тем сильнее, что любовь к картам и снисхождение к водке кажутся ему с вашей стороны лишь преднамеренным притворством» [10. Т. III. С. 472] («Сатиры в прозе», «Клевета»).

Близко к самому этому процессу «поднюхивания» стоит и поиск «духа», враждебного общему взгляду начальства: «Даже несомненно консервативные «корни и нити», которыми он еще так недавно щеголял, показались ему мелкими и презренными. Все это пустая и лишняя процедура. Ему нужно совсем не то; ему нужен не факт, а «дух»... – Я этот «дух» уничтожу! – вопиял он на всех перекрестках и распутиях. – Я этот «дух» из них выбью! И вслед за тем давал Ноздреву поручение поднюхать, чем пахнет. Но ни он, ни Тарас Скотинин не могли определить, в чем состоит тот «дух», который они поставили себе задачей сокрушить: «Тайные помышления бог судит, ибо он один в совершенстве видит сокровенную человеческую мысль...» Нынче все так упростилось, что даже становой, нимало не робея, говорит себе: «А дай-ка и я понюхаю, чем в человеческой душе пахнет!» И нюхает. Я сижу дома и, запершись от людей, Поль де Кока читаю, а становой уже нечто насчет «превратных толкований» умозаключил!» [10. Т. XI. С. 116] («Благонамеренные речи»).

Описание человека в мире Салтыкова-Щедрина с точки зрения ольфакторной поэтики обычно негативно или условно-негативно. Это

всегда резкие, неприятные запахи, эпитеты «пахучий», «вонючий» применяются к самым разным источникам запахов. Важной чертой ольфактория становится сопоставление «благополучия» и «вони». Именно неприятные запахи, маркирующие жилище героев и их самих, есть одновременно и символ жизни, не-смерти, которая сама по себе обычно обозначается отсутствием запахов, запахами заброшенности, пустоты, покинутости. В то же время для ольфакторной картины мира Салтыкова-Щедрина значим «второй этаж смыслов» – переносные значения понятий «вонь», «благоухание». Но в большей степени, конечно, именно «вонь». Именно она и обозначает нравственное неблагополучие жизни, именно она и является ольфакторной доминантой существования людей – подглядывающих, подслушивающих, «поднюхивающих». Салтыков-Щедрин, несомненно, ближе к традиционной ольфакторной вертикали, чем Толстой или Тургенев. Но тем не менее и в его творчестве мы видим усиление натуралистической, физиологической составляющей.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии в описании языков / А. Вежбицкая // Яз. рус. культуры. – М., 1999. – 780 с.
2. Дроботун, А. В. Лексика обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Дроботун. – М., 2006. – 24 с.
3. Жаркова, О. С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Жаркова. – М., 2005. – 22 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2002. – 264 с.
5. Лаенко, Л. В. Перцептивный признак как объект номинации / Л. В. Лаенко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2004. – № 2. Филология. Журналистика. – С. 71–77.
6. Манкевич, И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации / И. А. Манкевич. – СПб., 2011. – 712 с.
7. Овчинникова, Л. О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. О. Овчинникова. – Калининград, 2010. – 22 с.

8. Павлова, Н. С. Лексика с семей «запах» в языке, речи и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006. – 18 с.

9. Рогачева, Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX в.: проблемы поэтики / Н. А. Рогачева. – Тюмень, 2010. – 404 с.

10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М., 1965–1977.

11. Свинцицкая, Е. В. Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М. А. Булгакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Свинцицкая. – Самара, 2004. – 18 с.

Сведения об авторе

Зыховская Наталья Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) (Челябинск).

ladoga122@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).

Philology. Arts. Issue 97. Pp. 46–51.

SOCIAL SMELLS IN THE PROSE OF SALTYKOV-SHCHEDRIN

N. L. Zykhevskaya

Southern Ural state university (national research university). ladoga122@gmail.com

The article is devoted to the understanding of creativity of Saltykov-Shchedrin through the important component – the reconstruction of social odors. The author analyzes the different olfactory methods which Saltykov-Shchedrin used to represent a model of social life. Author identifies key characteristics of character's smell. This helps to build sequentially olfactory opposition, “stink” – “savor”.

Keywords: *prose, M. E. Saltykov-Shchedrin's creativity, social smells, olfaction.*

References

1. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii v opisani i yazykov [Semantic universals in the description languages]. *Yazyki russkoj kul'tury* [Languages Russian culture]. Moscow, 1999. 780 p. (In Russ.).

2. Drobotun A.V. *Leksika obonyaniya v yazyke hudozhestvennoj prozy M.A. Sholohova* [Vocabulary smell in the language of fiction Sholokhov]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russ.).

3. Zharkova O.S. *Leksika oshchushcheniya, vospriyatiya i chuvstvennogo predstavleniya kak sredstvo nominacii i predikacii v poemah S. Esenina* [Vocabulary sensation, perception and sense-perception as a means of nomination and predication in the poems of Esenin]. Moscow, 2005. 22 p. (In Russ.).

4. Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 2002. 264 p. (In Russ.).

5. Laenko L.V. Perceptivnyj priznak kak ob'ekt nominacii [Perceptual features as an object of nomination]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija «Lingvistika I mezhkul'turnaja kommunikacija»* [Bulletin of VGU, Series “Philology. Journalism”], 2004, no. 2, pp. 71–77. (In Russ.).

6. Mankevich I.A. *Poetika obyknovennogo: opyt kul'turologicheskoj interpretacii* [The poetics of the ordinary: the experience of cultural urological interpretation]. St. Petersburg, 2011. 712 p. (In Russ.).

7. Ovchinnikova L.O. *Sensornaya leksika kak sredstvo vyrazheniya cennostnoj kartiny mira Yu.N. Kuranova* [Touch vocabulary as a means of expressing the value picture of the world Kuranova]. Kaliningrad, 2010. 22 p. (In Russ.).

8. Pavlova N.S. *Leksika s semoj "zapah" v yazyke, rechi i tekste* [Vocabulary meaning "odor" in language, speech and text]. Ekaterinburg, 2006. 18 p. (In Russ.).

9. Rogacheva N.A. *Ol'faktornoe prostranstvo russkoj poezii konca XIX – nachala XX vv.: problemy poehtiki* [Olfactory space Russian poetry of the end of XIX – early XX centuries: problem of poetics]. Tyumen, 2010. 404 p. (In Russ.).

10. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochinenij : v 20 tomah* [Collected works in 20 volumes]. Moscow, 1965–1977. (In Russ.).

11. Svincickaya E.V. *Realizaciya hudozhestvenno-ehsteticheskogo potenciala leksiki vospriyatiya v romanah M.A. Bulgakova* [Implementation of artistic and aesthetic potential of language perception in the novels of Bulgakov]. Samara, 2004. 18 p. (In Russ.).

УДК 811.581
ББК Ш1

Н. В. Иванченко

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КОНФУЦИАНСКИХ ИДЕОЛОГЕМ

Рассматривается явление прецедентности, обсуждаются характеристики прецедентных феноменов, излагается авторское понимание прецедентных идеологем. Особое внимание уделено прецедентным идеологемам китайского языка, традиционно используемым в конфуцианском дискурсе.

Ключевые слова: *прецедентность, прецедентная идеологема, идеология, конфуцианство, чэньюй, дао, сяокан, языковая личность.*

В настоящее время понятие прецедентности и прецедентные феномены рассматриваются как составляющие когнитивной базы представителей определенного социума.

Мы солидарны с Д. Б. Гудковым и В. В. Красных, которые дают дефиницию прецедентного феномена с опорой на определение прецедентного текста в работах Ю. Н. Караулова. В настоящем исследовании под прецедентными феноменами понимаются феномены, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе языковой личности [3].

Названные характеристики объединяют прецедентные феномены любого типа: вербальные (тексты в самом широком смысле этого слова) и невербальные (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения и так далее) (подробнее см. цикл статей о прецедентных феноменах в рамках научного семинара «Текст и коммуникация» под авторством И. В. Захаренко, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных и Д. В. Багаева; филологический факультет МГУ, 1997).

В «Полном словаре лингвистических терминов» Т. В. Матвеевой понятие «прецедентные тексты» интерпретируется следующим образом: «<...> культурные знаки текста, отсылающие адресата к другим текстам национального или мирового фонда. Прецедентные тексты указывают на определенные прецеденты, хранимые народом в качестве культурной ценности или на целый культурный слой» [5. С. 337]. Вполне логично, что во всем кор-

пусе прецедентных текстов выделяются те, которые могут быть отнесены к конкретному культурному слою.

Китайская традиционная литература включает множество прецедентных феноменов, возникших в рамках китайской культуры или перешагнувших за эти рамки. Среди прецедентных текстов широкую известность приобрели романы «Троецарствие» (кит. 三国演义), «Речные заводи» (кит. 三国演义), «Путешествие на запад» (кит. 西游记) «Цзиньпинмэй» (кит. 金瓶梅, рус. «Цветы сливы в золотой вазе») и др.

Нами ранее были рассмотрены характеристики устойчивых языковых единиц *чэньюй*, воплощающих национально-культурное своеобразие китайской языковой картины мира [2]. Данные единицы также вполне обоснованно можно относить к прецедентным феноменам.

В настоящей работе мы опираемся на классификацию уровней прецедентности, предложенную Д. Б. Гудковым. Согласно его концепции, *автопрецеденты* являются отражением значимых феноменов в сознании индивида, *социумно-прецедентные феномены* составляют коллективное когнитивное пространство социума, *национально-прецедентные феномены* входят в когнитивную базу конкретного лингвокультурного сообщества, а *универсально-прецедентные феномены* принадлежат универсальному когнитивному пространству человечества [6].

В соответствии с этой классификацией большинство китайских идеологем относится к социумно-прецедентным (в качестве границ социума рассматривается круг индивидов, значимых с конфуцианской идеологией) и национально-прецедентным феноменам (китайское лингвокультурное сообщество). Следовательно, с большой вероятностью можно говорить

об устойчивой системе конфуцианских идеологем, которые, будучи многообразно представленными в китайском языке, служат словесным выражением духовных ценностей китайского народа и обладают прецедентным характером, то есть являются *прецедентными идеологемами*.

При анализе данных идеологем важно уделить особое внимание характеристикам китайского языка, связанным с иероглифической системой письма. Лексика и грамматика в подобных языках отражает своеобразную систему членения мира, совмещающую различные характеристики объектов, что позволяет иероглифическому символу объединять разные аспекты обозначаемого явления.

Переходя к рассмотрению конкретных идеологем, считаем необходимым дать краткую этимологию соответствующего языкового знака и определить место каждой идеологемы в картине мира китайского языка, выявив степень ее прецедентности.

Прежде всего, обратимся к идеологемам, которые имеют общефилософский характер и широко известны в концептосфере китайского языка, как, например, *Дао*. Идеологема *Дао* (道 кит. путь, дорога) относится к самым изученным в восточной и китайской философии. Соответствующее слово имеет множество абстрактных значений: «путь», «истина», «поведение», «продвижение», «учение», «искусство», «путь государя и Неба». В сборнике высказываний Конфуция (Лунь Юй) *Дао* – это благополучное течение общественных событий и человеческой жизни, зависящее как от «предопределения», так и от отдельной личности. Его носителем может выступать и индивид, и государство, и все человечество (Поднебесная) [1].

Помимо Лунь Юя, существует ряд других конфуцианских канонов, посвященных интерпретации названной идеологемы. Например, *Дао Дэ Цзин* (道德经 кит. Канон пути и морали) – выдающийся памятник китайской философской мысли – содержит множество упоминаний идеологемы *дао*, трактуемой как естественный порядок вещей, не терпящий вмешательства извне, «небесная воля», «чистое бытие» и др.

Для *Дао Дэ Цзин* характерны хрестоматийность, общеизвестность, эмоциональная и познавательная ценность, реинтерпретируемость (многократная интерпретация), то есть данный текст обладает всеми характеристиками прецедентного текста [3]. Таким образом, *Дао Дэ*

Цзин, являясь прецедентным текстом, включает в свое содержание прецедентную идеологему *дао*.

Помимо прецедентности, вытекающей из характеристик текста как реинтерпретирующего феномена, идеологема *дао* находит отражение в устойчивых языковых единицах *чэньюй*, которые сохраняют особенности письменного языка вэньянь и находятся в постоянном употреблении в дискурсе китайской языковой личности. Указанные единицы являются национально прецедентными феноменами, что позволяет говорить о реинтерпретируемости и хрестоматийности входящей в них прецедентной идеологемы *Дао*.

В качестве примера приведем следующие *чэньюй*:

- 背道而驰 bèidàoérchí досл.: мчаться в разные стороны (в знач.: идти в диаметрально противоположных направлениях);
- 道不同不相为谋 dàobùtóngbùxiāngwéimóu досл.: если расходятся дороги, значит нельзя вместе планировать (в знач.: людям с разными интересами и стремлениями невозможно сотрудничать);
- 道听途说 dàotīngtúshuō досл.: слышал в пути, что говорят на дорогах (в знач.: питаться слухами; сплетничать, болтать; сплетни, пустые слухи, обрывочные сведения; за что купил – за то продал);
- 离经叛道 líjīngpàndào досл.: отходить от канонов и изменять истинному пути (в знач.: изменять общепринятым нормам, впадать в ересь, еретический; вызывающий, эксцентричный);
- 能说会道 néngshuōhuìdào: уметь хорошо сказать; красноречивый;
- 一张一弛, 文武之道 yīzhāngyīchíwénwǔ zhīdào: чередовать труд и отдых;
- 怨声载道 yuànshēngzàidào досл.: голоса обиженных на дорогах (в знач.: всеобщее недовольство, возмущение, ропот) и др. [8].

Таким образом, прецедентная идеологема *Дао* находит свое отражение не только в классической литературе, но и в идиоматических выражениях современного китайского языка.

Другая конфуцианская идеологема – *сяокан* – представляет иной круг прецедентных идеологем, а именно идеологем политического дискурса в рамках китайского языка, неразрывно связанного с конфуцианством как официальной идеологией.

Статус «официальной идеологии» был закреплён за конфуцианством в течение дли-

тельного времени. После идеологического разгрома в 1970-х годах (кампания «критики Линь Бяо и Конфуция»), конфуцианство успешно реанимируется и развивается в КНР как идеология, являющаяся отражением национальных идей [1].

В документах партийных и государственных форумов КНР термином *сяокан* обозначалось предполагаемое состояние китайского общества к началу XXI в. В официальных переводах на западные языки *сяокан* обычно интерпретировалось как «достижение средней зажиточности», «среднего достатка». Однако *сяокан* (小康 букв. «малое благополучие», «малое процветание») обладает гораздо более широким значением и является ментальной универсалией, включающей ряд критериев, которыми определяется экономический уровень жизни населения. И что более важно, данная ментальная сущность является специфической для китайской картины мира, так как в современном западном политическом дискурсе отсутствует аналогичное понятие.

В китайском языке понятие *сяокан* впервые упоминается в одном из классических произведений конфуцианской литературы – сборнике «Ши Цзин». Выражение *сяокан* впервые встречается в песне «Народ страждет» в конце первой фразы первой строфы. Сочетание иероглифов *сяокан*, вместе с еще четырьмя фонетически и морфологически сходными выражениями (*сяо су* ([немного] передохнуть), *сяоси* ([слегка] вздохнуть), *сяоци* (немного дух перевести), *сяоань* (чуть-чуть покоя)) образует параллелизм, все члены которого семантически идентичны. Все они означают потребность уставшего от казенных работ народа в передышке, чтобы заняться собственными хозяйственными делами [7].

В средние века концепция *сяокан* встречается в трактатах эпохи Цзинь (265–420 гг.) и Сун (960–1279 гг.), где оно раскрывается как спокойствие и экономическое улучшение внутри государства и символизирует относительную зажиточность семьи.

В конце прошлого века в период политики модернизации страны идеологема *сяокан* была

востребована как концепция этапа в построении общества «Великого единения» [4]. Позднее идея о построении «общества среднего достатка», заимствованная из конфуцианской идеологии, была преобразована в концепцию формирования «гармоничного общества». Таким образом, прецедентность идеологема *сяокан* проистекает из ее связи с традициями философской и общественно-политической мысли Китая.

Круг китайских прецедентных идеологем, безусловно, шире и включает в себя не только рассмотренные выше *дао* и *сяокан*. К числу таких единиц можно отнести идеологема *Жу Ю* (конфуцианство), *Хэ и* (гармония), *Ли* 禮/礼 (этикет культура), *Де* 德 (благодать), *Жень* 仁 (гуманность) и др. Их рассмотрение требует дальнейшего изучения проблемы прецедентности китайских идеологем.

Список литературы

1. Духовная культура Китая : в 5 т. – М., 2006. – Т. 1. – 727 с.
2. Иванченко, Н. В. Чэньюй как прецедентные высказывания в китайском языке и культуре / Н. В. Иванченко // Шестые Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия» : материалы междунар. науч. конф. / Челябинск, 2013. – Ч. 1. – С. 217–220.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2010. – 264 с.
4. Лукьянов, А. Е. Из истории идеологема *сяокан* / А. Е. Лукьянов, Л. С. Переломов // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 3.
5. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д, 2010. – 562 с.
6. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – М., 2004. – 204 с.
7. Ши цзин (Канон песен) // Сы шу у цзин (Четыре книги [и] Пять канонов) : в 2 т. – Тяньцзинь, 2007. – Т. 2. – 850 с.
8. 中国成语1000 : 汉英对照 / 王雷编著. – 北京 : 北京大学出版社, 2011. – 279 p.

Сведения об авторе

Иванченко Надежда Вадимовна – аспирант кафедры теории языка, преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.

Nadezhda_ivanchenko@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 52–55.*

PRECEDENTIAL FEATURE OF CONFUCIANISM IDEOLOGEMS

N. V. Ivanchenko

Chelyabinsk State University. Nadezhda_ivanchenko@mail.ru

The article discusses the phenomenon on of precedence, common features of precedential units and it states the author's position about precedential ideologems. Particular attention is paid to precedential ideologems of Chinese language, which are considered to be traditionally used in Confucianism discourse.

Keywords: *precedency, precedential ideologem, ideology, Confucianism, chengyu, dao, xiaokan, linguistic identity.*

References

1. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual culture of China], vol. 1. Moscow, 2006. 727 p. (In Russ.).
2. Ivanchenko N.V. Chen'yuy kak pretsedentnye vyskazyvaniya v kitayskom yazyke I kul'ture [Chengyu as precedential statement in Chinese language]. *Shestye Lazarevskiechteniya «Likitraditsionnoy kul'tury v nachale XXI stoletiya»* [Sixth Lazarevski reading "Faces of traditional culture in the beginning of the XXI century"], ch. 1. Chelyabinsk, 2013. 335 p. (In Russ.).
3. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk I yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.).
4. Luk'yanov A.E., Perelomov L.S. *Iz istorii ideologem ysaokan* [History of ideologem xiaokan]. *Problemy dal'negovostoka* [Problems of the Far East], 2003, no. 3. (In Russ.).
5. Matveeva T.V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, 2010. 562 p. (In Russ.).
6. Prokhorov Yu.V. *Deystvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow, 2004. 204 p. (In Russ.).
7. Shi tszin (Kanon pesen) [Shi jin (Canon of songs)]. *Syshu u tszin (Chetyre knigi [i] Pyat' kanonov)* [Si shuwujin (Four books and five canons)], vol. 2. Tianjin, 2007. 850 p. (In Russ.).
8. *Zhongguochengyu 1000: hanyuduizhao* [1000 Chinese idioms: Chinese English comparison]. Beijing, 2011. 279 p.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=Рус)6-8

Л. И. Колобродова

АВТОР И ГЕРОЙ В ДВУЧАСТНОМ РАССКАЗЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АБРИКОСОВОЕ ВАРЕНЬЕ»

Рассматривается своеобразие взаимосвязи «автор-герой» в двучастном рассказе А. И. Солженицына «Абрикосовое варенье», где приемы создания характеров персонажей свидетельствуют о следовании автора традициям русского реалистического письма.

Ключевые слова: автор, герой, реализм, двучастный рассказ, заглавие, композиция, прототип, имя героя, портрет, речевая характеристика.

А. И. Солженицын является продолжателем традиций русской реалистической литературы и в 1990-е гг. в своем жанре двучастных рассказов выступает как «носитель концепции всего произведения» (М. М. Бахтин). Характеры героев его новых рассказов, где обе части связаны «общей темой или идеей, а персонажи – совсем разные» [16. С. 69], призваны активизировать читательский интерес к сотворчеству, к поиску истины в диалоге двух полярных мнений. При этом мотивы и образы русской классики «подсвечивают» систему персонажей в прозе Солженицына так, что, несмотря на идеологические напластования десятилетий, в читательском сознании постоянно присутствует этический потенциал отечественной словесности с ее вниманием к маленькому человеку, уважением и верой в духовные силы народа.

Важно, что героев своего «Абрикосового варенья» (1995) писатель помещает в пространство русской культуры, пополняемое в наши дни «возвращенными» произведениями и книгами русского зарубежья. Об этом говорит заглавие рассказа: «один из рамочных компонентов, задающих установку восприятия» [13. С. 84]. Тема «чаепития с вареньем» как примета спокойной, благополучной жизни задана в русской классике Ф. М. Достоевским. «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?» [6. С. 174] – недоуменно вопрошает его «подпольный» человек, перефразируя знаменитое «Что делать?». Позднее у В. В. Розанова в «Эмбрионах» (1899) встретится: «Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с эти вареньем чай» [11. С. 211]. По-видимому, этот «совет» вспомнится А. М. Ремизову, создателю «Взвихренной Руси» (1927), где герой вопрошает: «Революция или чай пить?» [11. С. 53], – поскольку

именно Розанова «Ремизов считал “самым живым” человеком и мыслителем из круга старших своих современников» [8. С. 27]. Во «Взвихренной Руси» ответ автора, произведения которого возвращаются в наши дни из русского зарубежья, звучит в пользу «чая». По сути, это признание «права личности иметь собственный голос, права “быть собой”. <...> Образ “чая”, повторяясь и видоизменяясь, становится синонимом, даже символом чего-то глубинно человеческого, домашнего, доброго, утешаемого вихревым временем» [8. С. 26]. Возможно, А. И. Солженицын, рассматривая в своем творчестве тему «личность и история» с точки зрения разрушительного движения по России «красного колеса» революции, заглавием «Абрикосовое варенье» словно напоминает об «альтернативной», но несбыточной рекомендации В. В. Розанова.

Это подчеркивает и контрастность композиционного построения анализируемого произведения, в котором (как и в ряде других двучастных рассказов) «связь половинок» состоит в «предмете, <...> коснувшемся обеих» [16. С. 69]. У Солженицына речь о варенье идет в обеих частях, но как по-разному оно видится героям! В первой – это воспоминания Федора, сына раскулаченных крестьян, о золотой поре детства, когда они «с братьями <...> пенками облачивались» [14. С. 372]. Здесь подробность (абрикосовое варенье – из плодов своего сада) выполняет сюжетную роль, возвращая память Федора и к той поре, когда «раскулачники» уничтожили «лучшее дерево», а с ним – саму жизнь крестьянского рода. Во второй части подробность – «абрикосовое варенье» – выполняет психологическую функцию, характеризуя Писателя, литературного «чиновника» советских лет, которому власть обеспечивает комфорт и

благополучие в обмен на полную лояльность и отсутствие даже намека на критику. На столе у этого самодовольного и пресыщенного персонажа, понятия не имеющего о сложностях земледельческого труда, даже «два сорта рассыпных печений и два варенья – вишневое и абрикосовое» [14. С. 381]. Таким образом, абрикосовое варенье контрастно подчеркивает угнетенное положение Федора, представляющего «соль земли», и привилегированное положение «обласканного властью» Писателя в стране, провозгласившей социальное равенство.

По справедливому замечанию И. В. Великановой, авторская позиция «проявляется уже в самом выборе героя» [3. С. 46]. Сказовая манера повествования передает крайнюю степень отчаяния Федора: «От веку жили мы в селе... Но положили отруб нашему понятию жизни: назвали нас кулаками...» [14. С. 372]. А за этим – допросы-пытки, утрата здоровья, каторжный труд в нечеловеческих условиях, о которых читатели узнают из письма Федора именитому Писателю. Анализируя «экранные» главы «Красного Колеса», исследователь Урманов приходит к выводу: в них Солженицын стремится «к замене номинации явлений действительности самими этими явлениями, показываемыми напрямую, как бы без посредства собственно-авторских экспрессивно выраженных языковых и ассоциативно-образных средств» [17. С. 386]. Не исключено, что и «невмешательство» в письмо Федора является проявлением максимального «доверия автора» к очевидцу и участнику событий. А события последнего времени слились в сознании Федора в один бесконечный день с его изматывающей работой: «Котлован копали круглые сутки, чтобы за ночь земля не могла замерзнуть» [14. С. 375]. Не исключено, что образ котлована – аллюзия на одноименную повесть А. П. Платонова, только в 1987 г., спустя почти полвека со дня ее создания, пришедшую к нашим соотечественникам. В ней бесконечное рытье всеми слоями общества котлована под фундамент общепролетарского дома становится символом расставания с мечтой о счастье: «Колхоз шел вслед за ним [Чиклиным. – Л. К.] и, не переставая, рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована» [10. С. 533]. Кажется, среди персонажей антиутопии Платонова, где «мир дан изнутри, через чувства его единичного обладателя, претерпевающего на себе его

законы» [4. С. 219], можно обнаружить и измученного Федора из «Абрикосового варенья» Солженицына, который в нечеловеческих условиях теряет к жизни всякий интерес: «Я стал слабеть и уже безразличен, что со мной будет» [14. С. 376]. Но все-таки в нем не угасает память о прошлом, о своем доме, и, в отличие от персонажей Андрея Платонова, он живет, не опуская головы. Вот и сейчас его взгляд устремлен вверх, то есть к «верхам», до которых он пробует «достучаться». Последняя его надежда – письмо известному Писателю, чьи публицистические выступления, в которых немало высоких слов о русском народе, он прочитал в больнице. Солженицын наполняет письмо своего персонажа «перелицованными» цитатами из «книжки статей» А. Н. Толстого. Кстати, некоторые из них созданы писателем и публицистом позднее 1930–1932 гг., времени действия первой части рассказа. Например, Федором «цитируются» следующие выступления А. Н. Толстого: «23 июня 1935 г. на Первом международном конгрессе писателей в защиту культуры в Париже. <...> 29 ноября 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов» [14. С. 645–646]. «Фактическая» данность не нарушает логики подачи художественного материала, а лишь подтверждает умение Писателя, признанного «мастера культуры», после возвращения в СССР не сбиваться с «вех» советской идеологии. Таким образом, персонажи обеих частей «Абрикосового варенья» оказываются знакомыми друг другу, но заочно, в реальности между ними – пропасть.

Судьба человека «из народа» – традиционная для А. И. Солженицына тема: Иван Денисович и праведница Матрена Тимофеевна – образы из рассказов 1960-х, где «крупным планом» представлены военные и послевоенные годы. В 1990-е, характеризуя многотрудную судьбу русского крестьянства в XX столетии, автор направляет взгляд читателя к событиям Гражданской войны (рассказы «Эго», «На краях») и периоду коллективизации («Абрикосовое варенье»), подтверждая свою мысль о назначении революционных «преобразований», открыто выраженную им в «Архипелаге ГУЛАГ» (1973): «Искоренять сотни самых трудолюбивых, распорядливых, смысленных крестьян, тех, кто и несли в себе остойчивость русской нации» [15. С. 312]. Пример судьбы Федора – неопровержимое тому доказательство. Его семья была раскулачена, поскольку считалась зажиточной, а «богатства»-то было:

«крыша из оцинкованной жести, четыре лошади, три коровы и хороший сад при доме» [14. С. 372]. Однако, потеряв свой дом и близких, Федор сохраняет ценные качества своей натуры, свойственные честному крестьянину-труженику: он не озлобляется, отказывается возглавить банду малолетних преступников, усердно работает и в тыловом ополчении.

И в конце XX в., оставаясь верным реалистическому методу, Солженицын воссоздает психологию героя, используя такие средства, как характеристика его имени, портрет, речь, поступки и др. В «Абрикосовом варенье» самохарактеристика Федора исключает подробный портрет, но содержит значимые элементы описания внешности, характеризующие последствия раскулачивания-разорения: «Всю хорошую одежду у нас забирали... Был я в обносках: затертый пиджак и брюки крестьянского изготовления, на сапогах потрескались подошвы, скоро буду босой» [14. С. 374]. Взвод тылового ополчения не улучшил внешности героя: «В моем пиджаке и в верхней рубаше протерлись дыры на локтях, брюк одно колено лопнуло, а на сапогах переда распались...» [14. С. 375]. Несмотря на физические лишения, именно этот сын кулака удостоивается за свое трудолюбие трехдневного отпуска и «подарков» для улучшения быта в бараке, где «стенки из двух слоев досок..., и ветер ходит...» [14. С. 374–375]: «Выдали мне одеяло, две пары нательного белья...» [14. С. 377]. Сапоги тоже выдали новые, но «на деревянной негибаемой подошве – трудно в них по скользкому месту» [14. С. 377]. Иронично подмеченная деталь подчеркивает иллюзию «счастливой минуты», переживаемой персонажем.

Несмотря на все невзгоды, выпавшие на его долю, Федор остается верен себе и не допускает катастрофической деформации собственной души, проявляя истинно христианское смирение. А его решение все-таки обратиться с просьбой к Писателю как «голосу народа» есть не что иное, как «бунт» одного, но выражение мыслей многих. Тон его письма, поначалу иронично-упрекающий («...Вы и про границу много, как там плохо, и сколько раз вы замечали на себе завистливые взгляды: вот, мол, русский идет. Так я вот тоже русский, зовут меня Федя, хотите Федор Иванович» [14. С. 372]), становится исповедально-молящим («Смилосердствуйтесь...» [14. С. 377]), поднимаясь до высоты предсмертного призыва к состраданию, которого никто не слышит.

Выбор героя важен и для второй части «Абрикосового варенья», где Солженицын изображает некоторых «служителей Муз», обслуживающих власть в тоталитарном государстве. Автор воссоздает светскую беседу Писателя, Критика и профессора киноведения, имеющих непосредственное отношение к «массовому» воспитанию общества, послушного режиму. Писатель и Критик – своего рода «генералы от культуры», занимающие высокие посты в социальной иерархии. Материальное благополучие все дальше уводит их от мыслей о «добром, светлом», все глубже погружает в мир «вещный»: эту сановную «знать» не печалит проблемы народа, на «иждивении» которого она находится, ей не введома забота «милость к падшим призывать». Вот почему письмо Федора – лишь «строительный» материал для «языка Писателя», имитирующего в своих публичных выступлениях глубокое знание народной жизни.

Важно обратить внимание на то, что для Солженицына «имя является воплощением внутренней сущности человека» [17. С. 46]. Недаром героя первой части рассказа зовут Федор, что обозначает «божий дар» («от. греч. theos – бог, dōron – дар» [9. С. 215]). Семантика имени в сочетании с его распространенностью в крестьянстве подчеркивают авторское стремление к созданию образа достойного человека. Сам себя герой называет по отчеству – Федор Иванович, подтверждая уважение к предкам, что еще раз подчеркивает близость «возвращенного» творчества А. Платонова художнику 1990-х: «Отсутствие личных имен у строителей общепролетарского дома... уродливо... Но была и другая Россия, отраженная А. Платоновым, Россия, которая еще держалась прежних традиций, в которой еще не утратилась ценность личных имен, а следовательно, и личных судеб. Это Россия в основном крестьянская, с традиционными именами, она представлена жителями раскулачиваемой деревни: Егор Семенович, Никанор Петрович и др.» [18. С. 178–179].

Антипатия автора к центральному персонажу во второй части рассказа проявляется в отсутствии у того имени собственного. Хотя, по мнению исследователей, он «повадками и биографией совпадает с Алексеем Николаевичем Толстым, а высказываниями повторяет его почти дословно» [14. С. 645], Солженицын намеренно «обезличивает» персонажа, уводя читателей от конкретного прототипа и подчеркивая распространенность такого явления: официально приветствовались и существова-

ли на «поверхности» литературного процесса только те, кто не признавал «темных» сторон действительности, огорчающих власть. Все они и вошли в собирательный образ Писателя с «большой буквы».

Не менее важным представляется и отступление от имен прототипов других персонажей во второй части произведения. Профессор киноведения носит имя Василий Киприанович. Автор упоминает его «происхождение с Дона» [14. С. 379]. Поскольку в рукописи рассказа имеется замечание, позже, правда, устраненное писателем: «преподавал <...> в киноинституте» [1. С. 345], можно предположить, что в основе и этого образа – подлинная личность: Туркин Валентин Константинович, который родился в 1887 г. в Новочеркасске, центре казачества. Ко времени действия рассказа он уже получил звание профессора и заведовал кафедрой кинодраматургии («С 1928 – преподаватель ГТК (затем – ГИК и ВГИК), с середины 30-х гг. – профессор и зав. кафедрой кинодраматургии» [21]). Сходство лишь начальных букв имени, отчества литературного персонажа и его прототипа, по-видимому, означает стремление Солженицына и в этом случае создать «универсальный» образ представителя «самого массового искусства» – кино.

Угадываются реальные лица и в образе гостя-критика Ефима Мартыновича. Версию о том, что его прототипом является критик Бескин Осип Мартынович, изложил В. В. Радзишевский в комментариях к рассказу «Абрикосовое варенье». Несмотря на совпадение отчества у своего персонажа с отчеством реального исторического лица, автор устраняет их полную идентификацию, делая литературный образ «вместимым» и для «рапповца» Авербаха Леопольда Леонидовича (Леопольдовича), с недобрим именем которого связан «разгром и группы Воронского, и школы Переверзева» [14. С. 381]. Заменяя имя «Леопольд», но, вплетая в литературную биографию своего персонажа факты из жизни Авербаха («Член бюро ВАПП и РАПП, генеральный секретарь РАПП (1926–1932)» [19. С. 297–298]), художник создает обобщенный портрет непримиримого критика-«ревнителя», «охранителя» устоев, не гнушающегося лжи, оговора, доноса, прикрываемых фразами о верности советской власти. Отчетливости в изображении «деятели советской культуры» Солженицын добивается благодаря тому, что в этой части авторский взгляд порой совмещается с точкой зрения профессора

киноведения, гостя Писателя. Этот повествовательный прием – характерное свойство работы Солженицына в последний период творчества. Так, в «Красном Колесе», с одной стороны, автор ведет изложение от третьего лица, при этом «изображаемая действительность пропущена через сознание персонажа», с другой же – автор из-за своих вставок-замечаний занимает «позицию всеведущего повествователя, находящегося не только внутри создаваемого мира (вместе со своими героями), но и где-то над изображаемой им действительностью, над художественно реконструируемой в произведении <...> эпохой» [17. С. 396–397]). Этот прием в организации повествования наблюдается и в «Абрикосовом варенье»: путешествие на дачу Писателя, ее интерьер и образ самого хозяина «пропущены» через сознание угодливого и лукавого профессора киноведения, но намеченное автором-повествователем сходство персонажей с «мертвыми душами» Н. В. Гоголя едва ли не окарικатуривает все, что возникает перед глазами посетителя, восторгающегося роскошью высокопоставленного «дачника». Взгляду Василия Киприановича представлена дача Писателя, похожая на усадьбы гоголевских помещиков: есть здесь и «крепостные души» («сторож <...> старорежимного вида» [14. С. 379]) и пожилая прислуга «с простонародным лицом» [14. С. 381]. Интерьер дачи: «просторный светлый кабинет», «крупные белые плиты кафельной печи», «большой дубовый письменный стол», «мощный чернильный прибор» [14. С. 379–380] в сочетании с «широкой фигурой» Писателя буквально повторяет гоголевское: «И я тоже Собакевич!» [5. С. 91]. Однако «душистый высокий сорт» табака, который курит новоявленный «помещик», «антикварная мебель, резной диван», электрический холодильный аппарат, привезенный «из Парижа» [14. С. 380], будто говорят: «И я тоже избранный», – подчеркивая элитарность писательского положения, значимость его персоны. Наличие у советского писателя, работающего на благо народа, столь дорогих предметов и слуг – проявление в реальности «поэтики несуразности» (Ю. В. Манн), являющейся одной из основных характеристик художественного мира классика XIX в. Отблески гоголевской сатиры ложатся в рассказе Солженицына и на образ Писателя, напоминая о вопросе критика С. П. Шевырева, современника и друга Гоголя: «Знаете ли, что Собакевичи есть даже и в литературе?» [20. С. 365]. Образ литератора-ку-

лака, охарактеризованный во второй части статьи С. П. Шевырева «Похождения Чичикова, или Мертвые души», поэма Н. Гоголя» (1842), как нельзя лучше помогает понять замысел Солженицына: раскулаченный Федор из первой части «Абрикосового варенья» не был «зажиточником» и пострадал невинно, а «идол» советской литературы показан как настоящий «кулак», которого власть приветствует и поощряет. Вместе с тем Солженицын не стремится сделать Писателя «отрицательным персонажем». По мнению Е. В. Жуйковой, «после того как автор дает не самую лестную характеристику герою, он сразу же должен уравнивать впечатление читателя о нем» [7. С. 123]: Писатель «талантлив <...> богато» [14. С. 378], усиленно учится «могуче <...> писать» [14. С. 382] на примере «судебных актов Семнадцатого века» [14. С. 385], искренне восхищается «первозданным языком» [14. С. 385] письма Федора, говорит с «покоряющей широкодушной искренностью» [14. С. 384]. Автор-повествователь также уточняет, что герою в беседе с гостями «хватало <...> юмора» [14. С. 383] и самокритичных вздохов о своем «несовершенстве», и вообще «симпатия он был» [14. С. 384]. Однако Солженицыну удается показать мнимое и временное величие Писателя: лицо «крупное», «низы щек и подбородок – уже расплывчаты, начинали свисать» [14. С. 380]. В портретной характеристике – черты приближающейся старости, «снижающие» представление о советском «небожителе», хотя «на этой веранде, за этим столом, под тихим теплым светом, играющим в цветах варений, – вполне выглядело так, что это все установилось на века» [14. С. 182].

Примечателен также портрет Критика: в первую очередь замечается сходство с «зав. промтоварной базой»: «неинтеллигентное лицо, глаза проворные, волосы с рыжинкой» [14. С. 381]. Отталкивающая внешность персонажей, беседующих о высоком в литературе и искусстве, создает образы циников, в угоду моменту легко свергающих признанные авторитеты. Так, фразу: «Если бы Лев Толстой мыслил так ясно, как товарищ Сталин, – он не путался бы в длинных фразах [14. С. 384]», – провозглашает лицемерный Писатель, который всегда «складно плел» [14. С. 378]. Завистливый взгляд профессора, мечтающего о собственной даче, сопровождается саркастическим замечанием автора о некоторых «неудобствах» в теперешней жизни персонажа: Василию Киприанычу «по общему голодному

времени» [14. С. 378] приходится на съемную дачу возить «чемоданами и корзинами – сахар, чай, печенье, копченую колбасу и корейку» [14. С. 378]. Эти персонажи «окружены всенародным почетом» [14. С. 382], но не хотят знать о проблемах простых людей. Писателя томит только один вопрос: «Как стать ближе к языку народа?» [14. С. 384]. Получив письмо Федора, он, не замечая боли и мольбы о помощи, «вычитывает» из него яркие слова и выражения: «“нашел себе пребывалище”, “втужались в работу”» [14. С. 385]. Он надеется, что они помогут ему в «литературном деле»: Писатель, печатая «прямо на машинку» [14. С. 380], «перерабатывает» трилогию, в которой «недостаточно показана организующая роль партии» [14. С. 384]. Очевидно, Солженицын напоминает о созданной в угоду власти и сегодня знакомой только историкам литературы повести А. Н. Толстого «Хлеб» (1937), замысел которой близок по времени к периоду действия в «Абрикосовом варенье». Можно сказать, что данный рассказ – своего рода новый «опыт художественного исследования» А. И. Солженицына, находящий свое подтверждение в литературоведческих трудах нового тысячелетия. У биографа А. Н. Толстого встречается: как «депутат Верховного Совета, он будет получать множество писем от замордованных советской жизнью <...>, и мало кому из них поможет, но неуязвимую позицию неприкасаемого классика, мыслящего категориями общими, а не частными, Алексей Толстой выстрадал... <...> вся цель толстовского существования в СССР заключалась в том, чтобы обезопасить себя от той участи, что ждала многих» [2. С. 368]. Однако как бы ни старался Писатель уловить «общие категории», русский язык – инструмент чуткий: он противится фальши, не поддается имитации. Народ сам пишет свою правдивую историю, о чем говорит в рассказе «Абрикосовое варенье» А. И. Солженицын, доверяя своему Федору право воссоздать без прикрас образ эпохи первых пятилеток с его блистательным «фасадом» и «котлованами», поглотившими «миллионы убитых задешево» (О. Э. Мандельштам).

Список литературы

1. Александр Солженицын: Из-под глыб : рукописи, документы, фотографии. – М.: Рус. путь, 2013. – 372 с.
2. Варламов, А. Н. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом /

- А. Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 591 с.
3. Великанова, И. В. Автор и герой в прозе Б. Екимова / И. В. Великанова // Вестн. Волж. гос. ун-та. Сер. 8. – 2011. – Вып. 10. – С. 46–54.
4. Гальцева, Р. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий / Р. Гальцева, И. Роднянская // Новый мир. – 1988. – № 12. – С. 217–230.
5. Гоголь, Н. В. Мертвые души. Том первый / Н. В. Гоголь // Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. / Н. В. Гоголь. – М.: Наука, 2012. – Т. 7. – Кн. 1. – 808 с.
6. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1973. – Т. 5. – С. 99–180.
7. Жуйкова, Е. В. Композиция двучастных рассказов как форма выражения авторской позиции / Е. В. Жуйкова // Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст. – Благовещенск: БГПУ, 2011. – С. 119–128.
8. Колобаева, Л. А. Петербург А. М. Ремизова и петербургский текст русской литературы / Л. А. Колобаева // Кафедральные записки: Вопросы новой и новейшей русской литературы. – М.: МГУ, 2002. – С. 21–29.
9. Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – М., 1980. – 384 с.
10. Платонов, А. П. Котлован / А. П. Платонов // Платонов, А. П. Полное собрание сочинений / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – Т. 3. – С. 413–534.
11. Ремизов, А. М. Взвихренная Русь / А. М. Ремизов // Ремизов, А. М. Собрание сочинений / А. М. Ремизов. – М.: Рус. кн., 2000. – Т. 5. – 688 с.
12. Розанов, В. В. Эмбрионы / В. В. Розанов // Розанов, В. В. Собрание сочинений / В. В. Розанов. – М.: Республика, 2008. – Т. 26. – С. 211–218.
13. Семухина, И. А. Автор – герой – читатель: право на свободу («Отцы и дети» И. С. Тургенева) / И. А. Семухина // Филологич. класс. – 2012. – № 4 (30). – С. 83–87.
14. Солженицын, А. И. Абрикосовое варенье / А. И. Солженицын // Солженицын, А. И. Собрание сочинений / А. И. Солженицын. – М.: Время, 2006. – Т. 1. – С. 372–385.
15. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части V–VII / А. И. Солженицын // Солженицын, А. И. Собрание сочинений / А. И. Солженицын. – М.: Время, 2010. – Т. 6. – 624 с.
16. Солженицын, А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть четвертая (1987–1994) / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 11. – С. 32–97.
17. Урманов, А. В. Художественное мироздание Александра Солженицына / А. В. Урманов. – М.: Русский путь, 2014. – 624 с.
18. Хижняк, Л. Г. Имя персонажа как образ видения России в романе XX века / Л. Г. Хижняк // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра. – Саратов, 2001. – С. 175–180.
19. Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. – М., 2004. – 576 с.
20. Шевырев, С. П. «Похождения Чичикова, или Мертвые души», поэма Н. Гоголя / С. П. Шевырев // Москвитянин. – 1842. – Ч. IV. – № 8. Критика. – С. 346–376.
21. Энциклопедия кино. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_cinema/19278/ТУР-КИН. – Дата обращения: 17.07.2015.

Сведения об авторе

Колобродова Лариса Игоревна – учитель-словесник, соискатель кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

KLarisaI@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 56–63.*

AUTHOR AND HERO IN THE TWO-PART STORY «APRICOT JAM» BY A. I. SOLZHENITSYN

L. I. Kolobrodova

Volgograd State Pedagogical University. K.LarisaI@yandex.ru

The article discusses the peculiarity of the relationship of the author and the hero in the two-part story «Apricot Jam» by A. I. Solzhenitsyn. Artistic techniques used by the author to create the characters, show that A. I. Solzhenitsyn follows the traditions of Russian realistic writing.

Keywords: *author, hero, realism, two-part story, title, composition, prototype, the hero's name, portrait, voice response.*

References

1. *Aleksandr Solzhenitsyn: Iz-pod glyb : rukopisi, dokumenty, fotografii* [Alexander Solzhenitsyn: From Under the Rubble: manuscripts, documents, photographs]. Moscow, 2013. 372 p. (In Russ.).
2. Varlamov A.N. *Krasnyj shut. Biograficheskoe povestvovanie ob Aleksee Tolstom* [Red jester. Biographic story of Alexei Tolstoy]. Moscow, 2006. 591 p. (In Russ.).
3. Velikanova I.V. Avtor i geroj v proze B. Ekimova [Author and hero in the prose B. Yekimova]. *Vestnik VolGU* [Bulletin of the VSU], 2011, ser. 8, iss. 10, pp. 46–54. (In Russ.).
4. Gal'ceva R., Rodnjanskaja I. Pomeha – chelovek. Opyt veka v zerkale antiutopij [Disturbance – people. Experience century in the mirror of dystopia]. *Novyy mir* [New World], 1988, no. 12, pp. 217–230. (In Russ.).
5. Gogol' N.V. Mertyye dushi. Tom pervyj [Dead Souls. Volume One]. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters], vol. 7, book 1. Moscow, 2012. 808 p. (In Russ.).
6. Dostoevskij F.M. Zapiski iz podpol'ja [Notes from Underground / Dostoevsky]. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [The Complete Works], vol. 5. Leningrad, 1973. Pp. 99–180. (In Russ.).
7. Zhujkova E.V. Kompozicija dvuchastnyh rasskazov kak forma vyrazhenija avtorskoj pozicii [Composition dvuchastnyh stories as a form of expression of the author's position]. *Malye zhanrovye formy v tvorchestve A. Solzhenitsyna: Hudozhestvennyj mir. Pojetika. Kul'turnyj kontekst* [Small genre forms in the works of Alexander Solzhenitsyn: The art world. Poetics. The cultural context]. Blagoveshensk, 2011. Pp. 119–128. (In Russ.).
8. Kolobaeva L.A., Peterburg A.M. Remizova i peterburgskij tekst russkoj literatury [The Petersburg of A.M. Remizov and St. Petersburg's Text of Russian Literature]. *Kafedral'nye zapiski: Voprosy novoj i novejshej russkoj literatury* [Cathedral notes: Issues of modern and contemporary Russian literature]. Moscow, 2002. Pp. 21–29. (In Russ.).
9. Petrovskij N.A. *Slovar' russkih lichnyh imen* [Russian Dictionary of personal names]. Moscow, 1980. 384 p. (In Russ.).
10. Platonov A.P. Kotlovan [Pit]. Platonov A.P. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 3. Moscow, 2011. Pp. 413–534. (In Russ.).
11. Remizov A.M. Vzvihrennaja Rus' [Whirlwind in Russia]. Remizov A.M. *Sobranie sochinenij* [Collected Works], vol. 5. Moscow, 2000. 688 p. (In Russ.).
12. Rozanov V.V. Jembriony [Embryos]. Rozanov V.V. *Sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 26. Moscow, 2008. Pp. 211–218. (In Russ.).
13. Semuhina I.A. Avtor – geroj – chitalel': pravo na svobodu («Otcy i deti» I.S. Turgeneva) [Author – character – reader: the right to freedom (“Fathers and Sons” Turgenev)]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2012, no. 4 (30), pp. 83–87. (In Russ.).
14. Solzhenitsyn A.I. Abrikosovoe varen'e [Apricot Jam]. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 1. Moscow, 2006. Pp. 372–385. (In Russ.).

15. Solzhenicyn A.I. Arhipelag GULAG: Opyt hudozhestvennogo issledovanija. Chasti V–VII [The Gulag Archipelago: Experience of art research. Parts V–VII]. Solzhenicyn A.I. *Sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 6. Moscow, 2010. 624 p. (In Russ.).

16. Solzhenicyn A.I. Ugodilo zernyshko promezh dvuh zernovov. Oчерki izgnanija. Chast' chetvertaja (1987–1994) [Ground of the grain Intermedia two millstones. Essays exile. Part Four (1987–1994)]. *Novyj mir* [New World], 2003, no. 11. Pp. 32–97. (In Russ.).

17. Urmanov A.V. *Hudozhestvennoe mirozdanie Aleksandra Solzhenicyna* [Artistic universe of Alexander Solzhenitsyn]. Moscow, 2014. 624 p. (In Russ.).

18. Hizhnjak L.G. Imja personazha kak obraz videnija Rossii v romane XX veka [Character name as a way of seeing Russian novel of the XX century]. *Russkij roman XX veka: Duhovnyj mir i poetika zhanra* [Russian novel of the XX century: The spiritual world and the poetics of the genre]. Saratov, 2001. Pp. 175–180. (In Russ.).

19. *Cenzura v Sovetskom Sojuze. 1917–1991* [Censorship in the Soviet Union]. Moscow, 2004. 576 p. (In Russ.).

20. Shevyrev S.P. «Pohozhdenija Chichikova, ili Mertvyje dushi», pojema N. Gogolja [“Adventures of Chichikov, or Dead Souls”, the poem N. Gogol]. *Moskvitjanin* [Moskvityanin], 1842, part IV, no. 8. Pp. 346–376. (In Russ.).

21. *Jenciklopedija kino* [Encyclopedia of Film]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_cinema/19278/TURKIN, accessed 17.07.2015. (In Russ.).

УДК 81-119 81'33
ББК 81.2

М. В. Коновалова

ЭВОКАТИВНЫЙ АСПЕКТ СМЕШАННОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Рассматривается явление смешанной коммуникации в медиадискурсе, а также эвокативный аспект данного явления. Феномен смешанной эвокации анализируется с лингвистических и коммуникативных позиций, рассматриваются типы смешанной коммуникации, а также место и функция в медиакommunikации. Являясь ярким примером функционирования медийной коммуникации, смешанная коммуникация отражает эклектичность передачи информации при помощи различных технологий.

Ключевые слова: *смешанная коммуникация, медиадискурс, эвокация, коммуникативная лингвистика, коммуникативистика, медиалогия.*

С позиций лингвистического подхода феномен смешанной коммуникации является прямым следствием функционального многообразия речи, отмечаемой представителем Пражского лингвистического кружка Л. П. Якубинским, рассматривающим проблему форм речевого высказывания через оппозиции непосредственной и опосредованной, перемежающейся и длительной коммуникации между людьми. Согласно Тезисам Пражского лингвистического кружка, речевая деятельность рассматривается в качестве средства общения, в функционировании которого выделяют два центра формирования речевых высказываний – «ситуативный» (или практический) язык и теоретический язык (или язык формулировок). Практический язык подразумевает использование языка и внелингвистического контекста; теоретический язык стремится через использование слов-терминов и фраз-суждений сформировать когерентное высказывание с высокой степенью точности и полноты. Вместе с тем взаимодействие языкового и неязыкового в коммуникативной ситуации является функциональным проявлением языка в конкретных условиях его существования.

Учет положения о взаимосвязи речевых произведений и коммуникативной ситуации позволил лингвистам типизировать коммуникацию с языковой точки зрения, выделить различные типы коммуникации. За основу типологии берутся законченные речевые произведения в качестве продуктов-объектов коммуникации, категоризируемые по принципу зависимости-независимости от коммуникативной ситуации (К. Гаузенблаз). Автор типоло-

гии выделяет коммуникативные манифестации (речевые произведения), подразделяющиеся, в свою очередь, на языковые, неязыковые и смешанные. Соотносятся они с продуктом-объектом коммуникации, с деятельностным и системным аспектами коммуникации. При коммуникации-деятельности единицами являются коммуникативные акты, в коммуникации-системе составными частями или подсистемами становятся речевые произведения и статическая составляющая – текст. В итоге мы получаем коммуникацию в целом с очевидной связью с речевым обменом информацией между людьми.

Таким образом, смешанная коммуникация с точки зрения обмена информацией представляет собой тип коммуникации при необходимом условии когерентного соединения языковых и неязыковых элементов в процессе коммуникации. Необязательной коммуникацией может быть чтение стихов, рэпа, при скандировании. Смешанная коммуникация состоит из двух элементов: языка и неязыкового компонента, обеспечивающего неязыковую коммуникацию. Согласно лингвистической информационной концепции, неязыковая коммуникация оперирует тремя родами средств: параязыком, специальными языковыми системами и неязыковыми средствами в семиотической функции (Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников, А. А. Чувакин и др.).

К первой группе относятся параязыковые фонационные и графические средства, передающие содержательную информацию в процессе коммуникации. Вторая группа параязыковых средств представлена специализирован-

ными подъязыками, исследуемыми коммуникативной лингвистикой, а также вторичными семиотическими системами. Третья группа состоит из ситуативных средств, примечательных тем, что их первичная функция находится вне коммуникации как обмена информацией. Это внеязыковые средства, которые из-за ситуативных условий протекания оказались вовлеченными в коммуникацию. О неартикулируемых знаках писал еще Ш. Балли, исследуя речевое высказывание, и выделял среди них ситуативные знаки, которые фигурируют в речи лишь в момент коммуникативного акта, будучи воспринимаемыми нашими чувствами.

А. А. Чувакин отмечает, что явление смешанной коммуникации из языкового и неязыкового объясняется коммуникативной потребностью человека и обеспечивается разными видами языковой и неязыковой коммуникации, сферой социо-коммуникативной деятельности. Поэтому «человек говорящий» обладает следующими видами смешанной коммуникации: 1) лингво-параязыковая; 2) лингво-соматическая; 3) лингво-перцептивная; 4) лингвистическая и средства вторичных языковых систем; 5) языко-ситуативная [5].

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических аспектов смешанной коммуникации в работах известных лингвистов и исследователей медиа. Задачи заключаются в выявлении теоретических положений, соответствующих явлению смешанной коммуникации в онтогенезе, отмеченных и зафиксированных в работах исследователей. Ярким примером смешанной коммуникации, как уже говорилось выше, является медийная коммуникация, то есть коммуникация, осуществляемая посредством различных медиа. Исследователи медиа и коммуникативисты рассматривают процесс коммуникации сквозь призму медиа, которые подразумевают обязательное наличие аудио-визуальных неязыковых компонентов при передаче информации. Г. М. Маклюэн в период распространения телевизионной техники сформулировал постулат «medium is the message». В данной интерпретации процесс коммуникации сужается до сообщения и канала передачи информации: видимо, предполагалось, что вся атрибутика медийных процессов будет отражена в сообщении. Коммуникативный процесс передачи сообщения, таким образом, должен напрямую зависеть от медиа, его функций и характеристик.

В концепции Г. М. Маклюэна и других медийных исследователей процесс коммуни-

кации раскладывается на отдельные, непере-секающиеся составляющие, которые призваны заменять, вытеснять друг друга. Однако смешанная коммуникация предполагает использование языковых и неязыковых коммуникационных компонентов. С позиции же Г. М. Маклюэна формы передачи информации и коммуникации зависят от уровня развития общества и форм общественной жизни. При рассмотрении развития информационной составляющей жизни человеческого общества в рамках данной концепции выделяются устный дописанный этап, потом второй письменнопечатный, вытесняющий устные формы передачи информации, современный третий этап, заменяющий печатную передачу информации многомерной аудио-визуальной.

Можно согласиться с выделением первого этапа: действительно, в дописанную эпоху не существовало печатных носителей и в большинстве случаев передача информации осуществлялась при помощи устной речи. Второй и третий этапы сомнительны, поскольку до эпохи Гутенберга существовали носители для передачи информации посредством письменной речи (руническое письмо на камнях, клинопись на глинобитных табличках, пергаментные и папирусные послания, книги и свитки), а значит, она все-таки существовала. В то же время и при изобретении печатного станка Гутенбергом следует учитывать тот факт, что он изобретался для материального воплощения именно письменной речи. Письменная речь чаще перепечатывалась, чем воплощалась с устной речи напрямую, поскольку непосредственное преобразование устной речи в письменную тогда было доступно лишь при записи чьих-то слов от руки, печатных машинок не было вплоть до XX в.

Знаковым отличием третьего этапа можно считать многомерность и онлайн-динамичность передачи информации на основе новых телекоммуникационных технологий. Многомерность передачи и восприятия информации действительно обеспечивается непосредственно техническими достижениями в сфере телекоммуникации, однако были созданы условия для телевизионной передачи визуальной информации в динамике. Изобретение телекоммуникаций позволило письменной, в данном случае изображаемой не только символами, но и зрительными образами, информации быстро передаваться одному или нескольким реципиентам одновременно, то есть визуально тиражироваться.

Доступность телекоммуникационных медиа широкому кругу пользователей, необязательно профессиональных медиаведов, практиков и теоретиков, все равно не способствует тому, чтобы пользователи передавали информацию исключительно многомерно, то есть каждое сообщение обязательно содержало бы языковую (знаково-содержательную, устную и письменную) и неязыковую (аудио-визуальную) составляющую. Чаще всего непрофессиональный пользователь доступных медиа выбирает наиболее удобную для него форму передачи сообщения: устную в форме аудио-записи, визуальную письменную в виде печатного текста, визуальную образную, включающую когерентный визуальный ряд. Сочетания выделенных форм передачи информации в телекоммуникационную эпоху достигают той или иной степени многомерности в понимании Г. М. Маклюэна.

Важно отметить при этом, что сочетания форм напрямую зависят от эвокативных возможностей (воспроизведения и воздействия) субъекта коммуникативной деятельности, а также от когерентности, полноты и завершенности содержания сообщения, соответствующей интенции его автора и возможностям восприятия реципиента. Г. М. Маклюэн был совершенно прав, говоря о многомерности передаваемого через телекоммуникационные устройства сообщения. Однако данное видение обозначало передачу сообщения слишком широко, обозначая сферы передачи в соответствии с традиционным разделением человеческих каналов восприятия, особенно учитывая тот факт, что человеческие каналы передачи информации значительно уже, чем у современных технических средств. Например, передача изображения нам недоступна, хотя мы вполне способны его воспринимать – и воспринимать многомерно. Далее Г. М. Маклюэн, а вслед за ним и Э. Тоффлер, не учли эклектичности передаваемых сообщений, которая отнюдь не противоречит многомерности каналов передачи. Эклектичность передачи сообщений объясняется тем, что каждая составляющая, языковая и неязыковая, а также каждая телекоммуникационная сфера передачи задействованы в коммуникации любого вида сообразно содержанию сообщения. Каждый субъект коммуникативной деятельности стремится передать сообщение максимально экономично с точки зрения наиболее оптимального отражения определенного набора смысловых единиц, необходимых для

когерентного, завершенного предоставления информации реципиенту, а также максимально полно при использовании телекоммуникационных средств. Например, при передаче сугубо информативного сообщения (различного вида справок, отчетов и т. п.) без эстетической составляющей достаточно написать или напечатать текст, а для передачи художественного замысла автора в киносюжете используются языковые и неязыковые аспекты смешанной коммуникации: текстовые (титры) и аудио-визуальные (звук и видеоряд) и так далее.

Таким образом, феномен смешанной коммуникации в медиадискурсе представлен довольно широко и активно используется всеми субъектами коммуникативной деятельности. Эвокативный аспект медийной коммуникации заключается в использовании смешанной коммуникации всеми субъектами коммуникативной деятельности для передачи сообщений посредством различных телекоммуникационных технологий. Воспроизведение информации в медиадискурсе зависит от содержания сообщения, что несколько противоречит привычным медийным коммуникативным формулам «medium is the message», «messenger / user is the message», «medium is what remedies». Эвокативный аспект медиакоммуникации эффективней отразила бы формула «message is what is reproduced and sended with media», использование которой при дальнейших исследованиях в сравнении с указанными выше формулами могут привести к интересным результатам.

Список литературы

1. Голев, Н. Д. Принцип детерминизма и его значение для исследования языка: методологический аспект / Н. Д. Голев, Л. А. Кощей, А. А. Чувакин // Функционирование значимых единиц языка: детерминационные отношения в системе и тексте. – Барнаул, 1990. – С. 2–22.
2. Горелов, И. Безмолвный знак: рассказы о невербальной коммуникации / И. Горелов, В. Енгальчев. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 240 с.
3. Колшанский, Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский // Лингвистическое наследие XX века. – М.: Лененд, 1994. – 100 с.
4. Землянова, Л. М. Журналистика и коммуникативистика / Л. М. Землянова. – М.: Новости, 2012. – 187 с.
5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

6. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. – Киев: Ника-Центр, 2003. – 432 с.
7. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.
8. Чувакин, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте / А. А. Чувакин. – Барнаул: Алтайск. гос. ун-т, 2014. – 138 с.
9. Чувакин, А. А. Эстетическое значение функций смешанной, языко-ситуативной коммуникации в эпической прозе / А. А. Чувакин // Семантико-стилистические исследования слова и предложения. – Барнаул, 1990. – С. 35–42.
10. Чувакин, А. А. Город как средоточие коммуникаций / А. А. Чувакин, И. М. Волчкова, Э. А. Лазарева. – Екатеринбург: Архитектон, 2009. – 300 с.

Сведения об авторе

Коновалова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
makonovalova@yandex.ru, ermolvam1@gmail.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 64–68.*

ЭВОКАТИВНЫЙ АСПЕКТ СМЕШАННОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

M. V. Konovalova

Chelyabinsk state university. makonovalova@yandex.ru, ermolvam1@gmail.com

The article discusses evocative aspect of mixed communication in media discourse. The phenomenon of mixed evocation is analyzed from the linguistic and communicative positions, the types of mixed communication and the place and the function of this phenomenon in media communications are considered.

Keywords: *mixed communication, media discourse, evocation, communicative linguistics, communication study, mass media.*

References

1. Golev N.D., Koshhej L.A., Chuvakin A.A. Princip determinizma i ego znachenie dlja issledovanija jazyka: metodologicheskij aspekt [The principle of determinism and its significance for the study of language: methodological aspects]. *Funkcionirovanie znachimyh edinic jazyka: determinacionnye otnoshenija v sisteme i tekste* [Operation meaningful units of language: Determination relations in the system and the text]. Barnaul, 1990. Pp. 2–22. (In Russ.).
2. Gorelov I., Engalychev V. *Bezmolvnyj znak: rasskazy o neverbal'noj kommunikacii* [Silent sign: stories about the non-verbal communication]. Moscow, 1991. 240 p. (In Russ.).
3. Kolshanskij G.V. Paralingvistika [Paralinguistics]. *Lingvisticheskoe naslednie XX veka* [Linguistic Crown of XX century]. Moscow, 1994. 100 p. (In Russ.).
4. Zemljanova L.M. *Zhurnalistika i komunikativistika* [Journalism and communication science]. Moscow, 2012. 187 p. (In Russ.).
5. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of the discourse theory]. Moscow, 2003. 280 p. (In Russ.).
6. McLuhan H.M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenje cheloveka pechatnoj kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: the making of typographic Man], iss. 1. Kiev, 2003. 432 p. (In Russ.).
7. McLuhan H.M. *Ponimanie Media: vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: the extensions of Man]. Moscow, 2011. 464 p. (In Russ.).

8. Chuvakin A.A. *Smeshannaja kommunikacija v hudozhestvennom tekste: osnovy jevokacionnogo issledovanija* [Mixed communication in a literary text: fundamental evocation research]. Barnaul, 2014. 138 p. (In Russ.).
9. Chuvakin A.A. *Jesteticheskoe znachenie funkcij smeshannoj, jazyko-situativnoj kommunikacii v jepicheskoj proze* [Aesthetic value features of the mixed language-situational communication in the epic prose]. Barnaul, 1990. Pp. 35–42. (In Russ.).
10. Chuvakin A.A., Volchkova I.M., Lazareva Je.A. *Gorod kak sredotochie kommunikacij* [The city as a center of communication]. Ekaterinburg, 2009. 300 p. (In Russ.).

УДК 81'42 + 81'27
ББК Ш100.0

Н. Н. Кошкарлова

КНИГА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛЕЙ КОНФЛИКТНОГО И КООПЕРАТИВНОГО ТИПОВ ДИСКУРСА

Осуществляется анализ книги, функционирующей в межкультурном политическом пространстве. Предлагается определение такого пространства и разновидностей дискурса (конфликтный дискурс и кооперативный дискурс), модели которых являются релевантными для данного типа текста в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *книга, межкультурное политическое пространство, конфликтный дискурс, кооперативный дискурс, деструкция дискурса.*

Современный этап мирового развития характеризуется постоянным контактом культур, лингвокультурных сообществ, аксиологических ценностей и установок. Не всегда это взаимодействие носит позитивный и конструктивный характер. В случае столкновения культурных взглядов и идей речь, на наш взгляд, может идти о таком типе речевого взаимодействия, как конфликтный дискурс. Под конфликтным дискурсом мы понимаем деструктивную деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание речевого поведения коммуникантов, и в том числе – актуализацию их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности.

Речевая интеракция с конструктивным прагматическим потенциалом трактуется нами как область функционирования кооперативного дискурса. Соответственно последний определяется как речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, в стремлении участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, к реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, к конструированию толерантного и вежливого сценария межличностного и межнационального взаимодействия вследствие полного (или по крайней мере частичного) совпадения аксиологических при-

оритетов коммуникантов, их психологических и эмоциональных установок, вербальных и невербальных ожиданий. Одним из валидных способов познания действительности является моделирование. На необходимость отражения в модели новых знаний об объекте указывает автор монографии «Моделирование и философия» В. А. Штофф: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [11. С. 19]. По мнению К. И. Белоусова, именно такое понимание модели и моделирования должно быть принято за основу в модельной лингвистике [1].

Такой подход представляется нам вполне обоснованным при построении моделей конфликтного и кооперативного дискурса, когда эти гипотетические конструкты трактуются как комплексные образования, включающие аксиологическую, жанрово-стилистическую и лингвопрагматическую составляющие. В модель конфликтного дискурса включены следующие компоненты:

I. Функционально-аксиологический блок.

1. Функции конфликтного дискурса:

- информативная;
- воздействующая;
- аналитическая;
- интерактивная;
- оценочная;
- манипулятивная;
- интерпретативная.

2. Ценности конфликтного дискурса.

II. Жанрово-стилистический блок.

1. Жанровый корпус конфликтного дискурса.
  2. Тематика конфликтного дискурса.
  3. Участники конфликтного дискурса.
  4. Хронотоп конфликтного дискурса.
  5. Речевые средства конфликтного дискурса.
- III. Лингвопрагматический блок.

1. Стратегии и тактики конфликтного дискурса.

2. Факты деструкции дискурса.

Данная номенклатура компонентов сохраняется и при описании модели кооперативного дискурса, однако прагматические характеристики последнего диктуют смену функций, реализуемых данным типом интеракции (для кооперативного дискурса характерны информирующая, оценочная, гармонизирующая и прогностическая функции), а также вариативность последнего элемента, определяющего формы конструктивной направленности кооперативного дискурса.

Представленные модели представляют собой модификацию последней, разработанную и подробно описанную на материале различных видов дискурса (педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский) В. И. Карасиком [3; 4; 5; 6]. В предложенную нами модель конфликтного дискурса включены также компоненты, выделенные Н. Б. Руженцевой и Ю. А. Антоновой при анализе межнационального дискурса (жанровый корпус, деструкция) [9].

Целью настоящего исследования является описание той вариативной реализации компонентов инвариантных моделей, которые характерны для книги при ее функционировании в межкультурном политическом пространстве. Материалом для исследования послужил роман Е. П. Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы», события которого происходят во Франции в 2048 г. С лингвистической точки зрения текст романа представляет совокупность аллюзий: на первый исторический роман на французском языке «Собор Парижской Богородицы» Виктора Гюго; на роман-антиутопию «1984» английского писателя Джорджа Оруэлла (действие анализируемого романа происходит в 2048 г.). В этом смысле на первое место из анализируемых моделей выходит такой компонент предложенных моделей, как хронотоп, то есть место и время публикации романа. Анализируемое произведение было опубликовано в 2005 г., за несколько месяцев до массовых беспорядков в Париже (последовали как реакция на гибель двух подростков североафриканского проис-

хождения, пытавшихся скрыться от полиции). В этом отношении роман «Мечеть Парижской Богородицы» можно характеризовать как социально-политический роман, под которым Д. Б. Дядык понимает «крупное эпическое произведение, посвященное наиболее общим проблемам общества и государства, находящим отражение в ситуациях, характерных современной автору действительности» [2. С. 4]. К современной или последовавшей за временем публикации романа действительности относятся и события 2015 г., когда группа вооруженных исламистов ворвалась в редакцию сатирического журнала после его карикатур на пророка Мухаммеда и одного из лидеров исламистской террористической организации.

Таким образом, можно предположить, что хронотоп как релевантный для анализируемого произведения компонент моделей связан со следующим элементом (в данном случае конфликтного дискурса) – его деструкцией. Под деструкцией дискурса применительно к межкультурному политическому пространству мы понимаем нарушения кодирования/декодирования информации, влияющие на процесс восприятия и интерпретации мировых событий и обусловленные культурными различиями, этноцентризмом, стереотипами, свойственными участникам коммуникации. Однако в случае с уже опубликованным романом деструкция будет носить скорее гносеологический характер, когда она не только «позволяет представить новые аспекты исследуемого явления», но и «формировать отношение к тому или иному событию, явлению или феномену» [7. С. 32].

Несмотря на преобладание в романе деструктивных явлений и критическое отношение к нему прессы, общественности и читателей, в книге реализуются функции как конфликтного, так и кооперативного типов дискурса. Роман не только воздействует на целевую аудиторию, интерпретирует действительность, но и в какой-то степени прогнозирует развитие политических событий в будущем. К возможным перспективам исследования мы относим более детальный анализ речевых средств, которые позволяют нам отнести изучаемое произведение к области функционирования деструктивных или конструктивных жанровых интенций.

Список литературы

1. Белоусов, К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реаль-

ности / К. И. Белоусов // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2010. – № 1 (117). – С. 94–97.

2. Дядык, Д. Б. Жанровые традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина и русская проза 2000-х годов : дис. ... канд. филол. наук / Д. Б. Дядык. – Челябинск, 2010. – 198 с.

3. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999. – С. 3–18.

4. Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999. – С. 5–19.

5. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

7. Мишанкина, Н. А. Метафора как инструмент моделирования конфликтного исторического события в научном дискурсе / Н. А. Мишанкина // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 20–33.

8. Наместникова, И. В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен : дис. ... д-ра философ. наук / И. В. Наместникова. – М., 2003. – 330 с.

9. Руженцева, Н. Б. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. – Екатеринбург, 2013. – 292 с.

10. Чудинова, Е. П. Мечеть Парижской Богоматери / Е. П. Чудинова. – М., 2012. – 315 с.

11. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – М., 1966. – 304 с.

Сведения об авторе

Кошкарлова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Челябинск).
nkoshka@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).

Philology. Arts. Issue 97. Pp. 69–72.

BOOK IN INTERCULTURAL POLITICAL SPACE: REALIZATION OF CONFLICT AND CONGRUOUS DISCOURSES' MODELS

N. N. Koshkarova

South Ural State University (Chelyabinsk). nkoshka@rambler.ru

The paper is devoted to the analysis of models of conflict and congruous discourses on the basis of a book. The latter functions in the intercultural political space. The models under analysis are viewed as cluster models including axiological, genre and stylistic, linguistic and pragmatic constituent parts. The following components are the most relevant ones for a book functioning in the intercultural political space: chronotope, discourse destruction, functions.

The material for analysis is the book “The Mosque of Nortre Dame in Paris” by E. P. Chudinova which is viewed as a socio-political novel when it is devoted to the general problems of the society and state being reflected in the situations of the contemporary reality. But the author of the article comes to the conclusion that the novel can not only reflect the modern situation but also predict the events in the political sphere in the future.

In this meaning the novel under discussion possesses epistemological potential when it presents the new way of studying the phenomena and moulds the attitude to the event, fact or phenomenon.

Keywords: *book, intercultural political area, conflict discourse, congruous discourse, discourse destruction.*

References

1. Belousov K.I. Model'naja lingvistika i problemy modelirovanija jazykovej real'nosti [Model linguistics and the problems of language reality modelling]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Orenburg State University], 2010, no. 1 (117), pp. 94–97. (In Russ.).
2. Djadyk D.B. *Zhanrovye tradicii M.E. Saltykova-Shhedrina i russkaja proza 2000-h godov* [Genre tradition Saltykov-Shchedrin and Russian prose of the 2000s]. Chelyabinsk, 2010. 198 p. (In Russ.).
3. Karasik V.I. Harakteristiki pedagogicheskogo diskursa [Features pedagogical discourse]. *Jazykovaja lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki* [Language personality: aspects of linguistics and linguistics]. Volgograd, 1999. Pp. 3–18. (In Russ.).
4. Karasik V.I. Religioznyj diskurs [Religious discourse]. *Jazykovaja lichnost': problemy lingvokul'turologii i funkcional'noj semantiki* [Language personality: problems of linguistic, cultural and functional semantics]. Volgograd, 1999. Pp. 5–19. (In Russ.).
5. Karasik V.I. O tipah diskursa [About types of discourse]. *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000. Pp. 5–20. (In Russ.).
6. Karasik V.I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. 477 p. (In Russ.).
7. Mishankina N.A. Metafora kak instrument modelirovanija konfliktnogo istoricheskogo sobytija v nauchnom diskurse [Metaphor as a modeling tool for conflict historic event in the scientific discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Tomsk State University], 2011, no. 4, pp. 20–33. (In Russ.).
8. Namestnikova I.V. Mezhhkul'turnaja kommunikacija kak social'nyj fenomen [Intercultural communication as a social phenomenon]. Moscow, 2003. 330 p. (In Russ.).
9. Ruzhenceva N.B., Antonova Ju.A. *Mezhnacional'nyj diskurs: model' v kontekste jepohi* [Interethnic discourse: model in the context of the epoch]. Ekaterinburg, 2013. 292 p. (In Russ.).
10. Chudinova E.P. *Mechet' Parizhskoj Bogomateri* [Mosque of Notre Dame]. Moscow, 2012. 315 p. (In Russ.).
11. Shtoff V.A. *Modelirovanie i filosofija* [Modelling and philosophy]. Moscow, 1966. 304 p. (In Russ.).

УДК 82-1
ББК Ш5(2Рос=Рус)-9

А. Г. Максимовских

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ЛИРИКЕ ПОЭТА ЗАУРАЛЬЯ Б. Е. ЧЕРЕМИСИНА

С позиции лингвокультурологии анализируется олицетворение в пределах фрагментов концепта «Природа» в лирике зауральского поэта Б. Е. Черемисина. В этой связи описан состав олицетворений в рамках фрагментов концепта, выявлены особенности их использования, установлена роль в передаче авторского мировосприятия поэта Зауралья.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект, концепт, фрагменты концепта «Природа», средства вербализации концептов, олицетворение.

Изучению природы концепта в современном языкознании уделяется первостепенное значение. В настоящее время термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки: когнитивистика, семантика, лингвокультурология.

В лингвокультурологическом аспекте концепт рассматривается как элемент художественного осмысления мира: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3. С. 30], это «объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность”» [2. С. 32].

Природа является предметом изучения многих фундаментальных наук и составляющей многих искусств. Однако до сих пор природа не имеет общей концепции в пределах какой-либо одной науки или целого направления. Природа играет большую роль в жизни человечества. Окружающий мир, природные объекты и явления всегда входили в культурный мир людей.

Борис Ефимович Черемисин (р. 17.08.1950–2009) – известный поэт Зауралья. Родился в городе Шадринске Курганской области. В 1971 г. окончил факультет русского языка и литературы Шадринского педагогического института, в 1980 г. – аспирантуру Московского государственного педагогического института.

Несколько лет (1971–1974 гг.) Борис Ефимович проработал учителем в школе, затем в Шадринском педагогическом институте (1975–1977 гг.), в университете города Печ в Венгрии (1984–1986). С 1990 г. он стал заве-

дующим кафедрой литературы Шадринского педагогического института. Его стихи печатаются с 1988 г.

Материалом для нашего исследования послужили сборники стихов Б. Е. Черемисина («Изморозь времени, зовы любви» (1994), «Души сиреневые тени» (1996), «На перекрестии душ и времен» (1998), «В полусвете вечернем» (2000), «Визитки зимы» (2006). Он писал песни в содружестве с композиторами Ю. Гавриловым, В. Орловой. Его работы переведены на венгерский язык. В 1999 г. Б. Е. Черемисину присуждено звание Члена Союза Писателей России, в 2000 г. он стал лауреатом Курганской областной премии.

В воплощении концепта «Природа» важная роль принадлежит образным средствам языка, которые помогают ярче описать созданное мастером слова.

Предметом нашего исследования в данной статье являются олицетворения в рамках концепта «Природа» в лирике поэта Зауралья Б. Е. Черемисина.

Олицетворение – один из приемов, статус которых однозначно не определен в филологической науке.

Многие ученые исследовали прием олицетворения (О. С. Ахманова, Е. А. Бахмутова, Ю. А. Бельчиков, Я. И. Гин, А. И. Гудавичюс, Н. О. Гучинская, А. П. Квятковский, В. П. Ковалев, А. Ф. Лосев, Е. А. Некрасова, Н. Н. Ничики др.).

Являясь широко распространенным и достаточно узнаваемым в художественном тексте способом эстетического словопреобразования, олицетворение часто трактуется не как самостоятельный троп, а как один из видов мета-

форизации (Е. А. Бахмутова, В. П. Ковалев, Е. А. Тихомирова и др.) или как форма аллегорического иносказания (Ю. А. Бельчиков, Н. О. Гучинская, М. М. Ланглобек).

Ким Хэ Ран [2] отмечает, что в исследованиях лингвистов, посвященных изучению грамматических и стилистических особенностей художественного приема олицетворения, отмечены важные его свойства: многообразие языковых средств выражения олицетворения в тексте, связь не только с парадигматическим, но и с синтагматическим аспектом языка. Особенности тропа описываются применительно к идиостилю конкретного писателя или в связи с анализом специфики определенного жанра.

В нашем исследовании под олицетворением понимается художественный прием, состоящий в ассоциативном перенесении внешних признаков и внутренних характеристик человека на предметы, явления, животный и растительный мир, а также в приписывании им антропоморфных свойств.

Выделим олицетворения в пределах концепта «Природа» в лирике зауральского поэта Б. Е. Черемисина.

Б. Е. Черемисин использует олицетворения, в основе которых лежит одушевление или олицетворение (антропоцентрические). Данный художественный прием встречается в следующих фрагментах:

1) Фрагмент «Растительный мир»: «*Я вышел, не задев палас, В вечерний лес, где грелись ели...*» («Новогодний бал»); «*В саду есенинские клены Неспешно иллют земле поклон*» («Поздняя весна»); «*Ивушки хвалятся косами, Стайкой сбегая в овраг*»; «*В дурман опутав нас, Глазели ели*» («Юрмала. Полночь»); «*И леса, замирая в предчувствии Бесконечного зимнего сна...*» («Нестерпимо тоскую по осени...»); «*Первый снег. И октябрь на исходе. Оловянная озера гладь. В эти ночи в лесу леший бродит – Деревам не дает засыпать*» («Первый снег. И октябрь на исходе») и др.

Олицетворения, выраженные существительным, содержат в себе скрытые сравнения: «*Клонясь под тяжестью убора, На снег оперся дуб-старик*» («Январский бор»); «*Толпы воинов-листвен в щитами в резьбе Ветер хищно и зло по аллеям разносит*» («Я люблю сентябри с поздним восходом зари...»).

Фрагмент «Атмосферные явления»: «*Безголосый певец расставанья – Дождь затянет знакомый мотив...*» («Нестерпимо тоскую по осени»); «*Метель раздаривает сказ-*

ки, Где лунный серп колядовал» («Новогодний бал»); «*Дождь тоскливо и нудно бормочет, Да от церкви плывет перезвон...*» («Шестнадцатый этаж»); «*...Чтоб за окном метель плясала, Косясь на вспыхнувший камин...*» («Любимой, далекой»); «*А потом будет землю одаривать Осторожный немой снегопад...*» («Возвращение») и др.

Атмосферные явления в стихах Б. Е. Черемисина выступают такими образами, которые решают или влияют на судьбу лирического героя: «*И ливень с грозой отметит тот день Далекого черного лета, Когда Он неспешно встал в горную тень, Прощально сверкнув эполетом...*» («Ты помнишь?»); выступают другом: «*Напиться синего простора И утереться рукавом, И взявшись за руки, – как здорово! – Бежать с вихрастым ветерком*» («Осеннее»). Поэт спрашивает у природы, пытается найти ответ на вопрос, но не получает его: «*Не ответит снежная пурга. Почему? – мне не ответят ветры: Ты бываешь далека за два шага И близка – за сотни километров*» («То ль во сне, а может, наяву»).

Фрагмент «Небесное пространство и небесные светила»: «*А туча низко надо мной Летела и дышала...*», «*И звезды жадно, по-звериному, Пьют отраженный, свой же, свет...*» («Январский бор»); «*...На небе месяц остывающий Мне усмехается в лицо*» («Январь простуженно закашляет...»); «*Лениво май струится по сирени, Шмели гудят в пестреющих цветах, Лиловые легли узоры-тени, И солнце задремало в облаках*» («Двор детства») и др.

В большинстве случаев олицетворена в стихах Б. Е. Черемисина луна, которая передает грусть поэта о чем-либо. Например: «*Как ты беззаботно хохотала, Танцевать тянула нас, куряк. И луна нас сторожит устала – Вечный спутник бардов и бродяг...*» («Канаши»).

Одушевляющие олицетворения проявились и во фрагменте «Звуковые явления»: «*Январь простуженно закашляет, Стучась в осеннее окно*» («Январь простуженно закашляет...»); «*Ночь, ты зря клялась и уверяла, Будто это вечность, а не миг!..*» («Ночь»); «*Осень стыло и как-то негромко О своих заявляет правах*» («Осенний мотив»); «*Осень спросит за все: чей ты враг, чей ты друг, И обиды, и раны смиренно залижет...*» («Я люблю сентябри...»).

Фрагмент «Световые явления и огонь»: «*Ноченька звезды развесила, Древний свершая обряд*» («Возвращение»); «*Мне навстречу, вставая, сугулятся Тени ада без-*

молвной толпой...» («К. Н. К.»); «И ночь, все просеки **минуя**, **Помчалась** дальше наугад» («Ночь»); «Пугливо-прозрачные **тени Спешат** в разнотравье упасть...» («Этюд»); «**Мигнет** за озером **закат** Полуслепым кровавым глазом...» («Осенний лес, встречай меня»); «Увидеть, как в лиловой мгле **Метнутся тени**, полночь чуя, И знать, что ждет, тебя врачаю, Раскрытый Бунин на столе...» («Осенний лес, встречай меня») и др.

Олицетворения данного фрагмента связывают концепт «Природа» с концептом «Любовь». У Б. Е. Черемисина природные явления часто отражают состояние души в период влюбленности или разлуки.

Фрагмент «Особенности земной поверхности» немногочисленный: «**Путь** предо мной лежит **болеющий**, **Настороженная луна**...» («Январь простуженно закашляет...»); «**Земля замирает в покое**, **Готовясь к недолгому сну**» («Из венгерской тетради»).

Менее вербализован фрагмент «Водное пространство»: «**Ручьи**, по-свойски **тараторя**, **Ныряют бойко под забор**» («Лик весны»).

Итак, в рассмотренных фрагментах представлен пласт олицетворений растений, природных стихий и небесных тел, земной поверхности и даже звуки у поэта «живые», вся природа – «живая». «Святое таинство природы», – пишет поэт в стихотворении «Поздняя весна». Для Б. Е. Черемисина любовь и природа взаимосвязаны. Природа жалеет поэта, помогает ему набраться силы, «служит» воспоминанием о прошлой несчастной любви. Поэт активно

употребляет олицетворения с метафорическим глаголом и его формами, в проанализированном материале единиц такого типа большинство. Олицетворения помогают передать чувства и восприятие реальности.

Таким образом, с помощью олицетворений образ природы у Б. Е. Черемисина приобретает символику грусти, тоски в настоящем, и чистоты, надежды, праведности в будущем.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М., 2001. – 288 с.
2. Ким Хэ Ран Семантика средств олицетворения в идиостиле И. Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хэ Ран Ким. – М., 2008. – 18 с.
3. Степанов, Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века / Ю. С. Степанов // Язык и культура конца XX века. – М., 1995. – С. 7–34.
4. Черемисин, Б. Е. Изморось времени, зовы любви: стихи / Б. Е. Черемисин. – Шадринск, 1994.
5. Черемисин, Б. Е. Души сиреневые нити / Б. Е. Черемисин. – Шадринск, 1996.
6. Черемисин, Б. Е. На перекрестии душ и времен / Б. Е. Черемисин. – Шадринск, 1998.
7. Черемисин, Б. Е. В полусвете вечернем / Б. Е. Черемисин. – Шадринск, 2000.
8. Черемисин, Б. Е. Визитки зимы / Б. Е. Черемисин. – Шадринск, 2006.

Сведения об авторе

Максимовских Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Шадринского государственного педагогического института.

anneta@shadrinsk.net

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 73–76.*

PERSONIFICATION AS THE MEAN OF VERBALIZATION OF CONCEPT «NATURE» IN THE LYRIC POETRY OF THE TRANS URAL REGION POET B. E. CHEREMISIN

A. G. Maksimovskikh

Shadrinsk State Teacher's Training Institute Shadrinsk. anneta@shadrinsk.net

Personification within the fragments of the concept «Nature» in lyrics of the trans-Ural poet B. E. Cheremisin is analyzed in the article from the perspective of cultural linguistics. The structure of

personification within the fragments of the concept «Nature» is described, features of its use are revealed, the role in imparting of author's attitude of the trans-Ural region poet is established in this context.

Love and nature are interconnected for B. E. Cheremisin. Nature sympathizes with the poet, helps him to get strength, «serves» as remembrance of last unfortunate love. The poet uses actively personification with a metaphorical verb and its forms. Personifications help to give feelings and perception of reality. Image of nature at B. E. Cheremisin gets symbolics of sadness, melancholy in the present, and purity, hope, righteousness in the future by means of personifications.

Keywords: *cultural linguistics' aspect, concept, fragments of concept «Nature», facilities of verbalization of concept, personification.*

References

1. Vezhbitskaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding of cultures through keywords]. Moscow, 2008. 288 p. (In Russ.).
2. Kim Khe Ran *Semantika sredstv olitsetvoreniya v idiostile I. Brodskogo* [Semantics of means of personification in I. Brodsky's idiostil]. Moscow, 2008. 18 p. (In Russ.).
3. Stepanov Yu.S. *Izmenchivyy «obrazyazyka» v nauke XX veka* [Changeable “image of language” in science of the XX century]. *Yazyk i kul'turakontsa XX veka* [Language and culture of the end of the XX century]. Moscow, 1995. Pp. 7–34. (In Russ.).
4. Cheremisin B.E. *Izmosos' vremeni, zovylyubvi* [Time drizzle, calls of love]. Shadrinsk, 1994. (In Russ.).
5. Cheremisin B.E. *Dushi sirenevye niti* [Soul's lilac threads]. Shadrinsk, 1996. (In Russ.).
6. Cheremisin B.E. *Na perekrestii dush i vremen* [On crosses of souls and times]. Shadrinsk, 1998. (In Russ.).
7. Cheremisin B.E. *V polusvete vechernem* [In a twilight evening]. Shadrinsk, 2000. (In Russ.).
8. Cheremisin B.E. *Vizitki zimy* [Cutaways of winter]. Shadrinsk, 2006. (In Russ.).

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус–5

О. В. Махнева

СЕМАНТИКА КОЛОРОНИМА, НОМИНИРУЮЩЕГО ГОЛУБОЙ ЦВЕТ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РАННЕГО М. ВОЛОШИНА (на примере сборника «Годы странствий», 1899–1910 гг.)

Анализируется функционирование цветообозначений в поэтическом тексте, выявляются изменения значения, происходящие под влиянием контекста, определяется роль колоронима, номинирующего голубой цвет, в идиостиле М. Волошина.

Ключевые слова: языковая картина мира, цветообозначение, коннотация, перцепция, контекст.

М. Волошин в статье «Чему учат иконы», размышляя о труде иконописца и поэта, ограниченных рамками жанра, замечает: «В глубоких и органических проявлениях искусства всегда можно рассмотреть канонический ствол растения и свободное цветение индивидуального творчества на его ветвях» [4. С. 137].

Думается, мы не ошибемся, если скажем, что и в употреблении цветоименований происходит то же самое: с одной стороны, в них присутствует «канонический ствол» – денотативное значение, с другой стороны, «свободное цветение» – коннотативное значение, воспринимаемое реципиентом через анализ текста.

Изучением значений на уровне дифференциальных сем в творчестве художников слова занимаются многие специалисты-словесники. Один из актуальных подходов в этом процессе укладывается в рамки антропоцентрической парадигмы, где центр внимания «переключается с объектов познания на субъекта, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке» [7. С. 6]. Именно в языке репрезентируется процесс постижения мира в любых формах, когниция, и в этом смысле внимание к языку – это внимание к изучению «процессов концептуализации и категоризации мира» [5. С. 21]. Поэтому таким важным оказывается введение в понятийный аппарат науки термина языковая картина мира (далее: ЯКМ) как результата когнитивной деятельности языка. «Языковая картина мира отражает не только объективную реальность, но и множество новых образов мира, созданных сознанием человека» [8. С. 18]. Одним из пространств, где можно исследовать ЯКМ, становится текст, в частности текст поэтический. А важной состав-

ляющей ЯКМ оказывается цвет, его выбор и использование поэтом.

В связи с этим в рамках нашей работы мы будем говорить о семантике и функционировании «голубых» цветообозначений в ранней лирике М. Волошина (на примере сборника «Годы странствий», 1899–1910 гг.).

В ходе работы проанализировано 110 поэтических текстов указанного сборника, путем сплошной выборки выявлено 47 употреблений единиц, в той или иной мере содержащих сему синего, и 9 – голубого цветов. Используя понятие «семантическое поле», мы объединили в рамках группы «голубой цвет» «единицы разной грамматической природы, а также разной степени свободы и связанности, лексикализованности и фразеологизованности» [6. С. 19].

Гамма голубого цвета, проигрывающая синей в количественном употреблении, оказывается куда более разнообразной: **голубой, бирюзовый, лазоревый** (и вариации с этим корнем разных частей речи: *лазурно, лазурь*), сочетание **волна морская**, а также существительные, называющие цветы (**незабудка, лаванда**) и вызывающие в сознании читателя устойчивую ассоциацию с голубым цветом. Примечательно, что у поэта на так называемый основной цвет в группе приходится всего 2 употребления, самым частотным становится использование цвета с корнем *-лазор-* (3).

Говоря о воде, море, М. Волошин обращается к голубому цвету («Живая зыбь как **голубой** стеклярус. // Лиловых туч карниз. // В стеклянной мгле трепещет серый парус. // И ветер в снастях повис» [3. С. 97]). Традиционно этот цвет трактуется как «цвет ясного неба» [9]. Ученые А. П. Василевич, С. С. Мищенко, авто-

ры статьи «Синий, синий, голубой», анализируя памятники фольклорной культуры России, приходят к выводу, что «с голубым цветом <...> коннотация могла быть только положительной» [2. С. 46–47]. Однако в данном контексте «живая зыбь», сравниваемая с «голубым стеклярусом», обретает некую застывшую форму, и «голубой» последовательно реализует дифференциальные признаки «блестящий», «прозрачный», «зыбкий» и одновременно «статичный». Это подтверждается и дальнейшим контекстом, когда эпитет «стеклянный» (намеренная соотнесенность со **стеклярусом** в пределах одного катрена) характеризует окружающий мир, мир над водой, а сами воды превращаются в пустыню («*Пустыня вод...*» [3. С. 97]). Таким образом, значение «цвет ясного неба» уступает свое место значению «статичный», «опустошенный», расширяя границы привычной семы цветоименования.

В стихотворении «В мастерской» («*Мир теней погасших и поблеклых, / Хризантемы в голубой пыли; / Стебли трав, как кружево, на стеклах... / Мы – глаза таинственной земли...*» [3. С. 70]) на первый план выдвигается эмоциональный настрой художника, обогащающий семантику колоронима «голубой» общим ощущением просветленности, спокойствия, гармонии, таинственности.

В связи с этим поэтическим текстом нельзя не упомянуть о тесной связи цвета и света. П. Флоренский в труде «Иконостас», рисуя общую схему работы иконописца, так говорит об этих отношениях: сначала «...окружающий свет, дающий силуэт – потенцию изображения и его цвета; затем постепенное проявление образа; его формовка; его расчленение; лепка его объема чрез просветление. Последовательно накладываемые слои краски, все более светлой, завершающиеся пробелами, движками и отметинами, – все они создают во тьме небытия образ, и этот образ – из света. Живописец хочет понять предмет как нечто само по себе реальное и противоположное свету; своею борьбою со светом – то есть тенями, при помощи теней, он обнаруживает зрителю себя, как реальность. Свет, в живописном понимании, есть только повод самообнаружения вещи» [12].

Вот и у М. Волошина хризантемы словно проявляются благодаря падающему свету, теням, отсюда и ощущение героями себя глазами «таинственной земли». И голубая пыль оказывается материализованным светом, оформляющим, высвечивающим образ хризантем.

Для описания воды поэт использует и еще одно сочетание «**волны морской** извивы» [3. С. 15], которое не называет цвет напрямую, но вызывает образно-слуховые ассоциации у читателя, в том числе цветовые. Кастаньеты «беспокойны, говорливы», именно это звучание порождает у их обладателя ассоциативный ряд, тоже зрительно-звуковой: образ моря, света и счастья: «*И напомнят мне оне // И волны морской извивы, // И дрожащий луч на дне, // И узлистый ствол оливы*» [3. С. 15], продолжая этот ряд, можно упомянуть о вечере, силуэте колдуньи, стане красавицы плясуньи, танце быстром, голосе звонком. Все это дает возможность говорить о дополнительном значении, кроме цветового, в сочетании «волны морской»: наполненность жизнью, солнцем, приятными воспоминаниями.

Самое большое количество цветоименований этой группы оказывается связанным с описанием неба и его атрибутов, и здесь поэт использует бирюзовый и лазоревый цвета.

В стихотворении «Концом иглы на мягком воске...» воссоздается портрет девушки, одетой в народном стиле: здесь и «нити **темно-синих** бус», и «чувяки **синего** сафьяна», и «**синий** шелковый бурнус» [3. С. 34]. Обращает на себя внимание использование именно этого цвета в элементах одежды. Авторы статьи «Синий, синий, голубой...» приходят к выводу, что «синий цвет <в фольклоре> обычно наделялся магическими свойствами. Прежде всего, он был связан с водой, которая, в свою очередь, считалась в древности местом, где таятся злые, враждебные человеку силы» [2. С. 43]. Думается, что образ девушки, с которой пишется портрет, соответствует этой характеристике: он манит, завораживает, привлекает к себе взгляд. Это ли не магия обаяния? И это же ощущение сохраняется и в пейзаже за ее спиной: «*А сзади напишу текущий, // Синезеленый, пенный вал, // И в бирюзовом небе тучи, // И глыбы красно-бурых скал*» [3. С. 34]. Два пространства – море и небо – соотносятся, переключаются по цвету: сине-зеленый и «нежно-голубой, цвета бирюзы» [9], словно отражая друг друга. От этой «переключки» пространство словно закольцовывается, расширяется, обретает объем, текучесть, «включает» в себя и сам портрет (те же цвета, та же пластика: «тонко выгнутые брови», «пряди змейных, тонких кос, извив откинутого стана»), приобретающая и его магическую силу. Таким образом, реализуемое в тексте лексическое значение

слова «бирюзовый» дополняется коннотацией «таинственный», «загадочный». Это не единственный случай у М. Волошина (см., например, исследования С. В. Таран [10]).

Как уже упоминалось, наиболее частотным оказывается использование «минералогического эпитета» с корнем лазур-. Наблюдения над семантикой прилагательного «лазоревый»/«лазурный» сделаны в работе упоминавшегося выше ученого [1; 11]. Мы сделаем лишь несколько замечаний.

«Лазурный», «лазоревый» используются М. Волошиным при передаче окраски неба, привнося, помимо цветовой характеристики, и дифференциальные признаки: «яркий», «блестящий», «насыщенный цветом», «свет».

Так, в стихотворении «Смерть» из цикла «Руанский собор» («Разорвись, завеса в темном храме, // Разомкнись, лазоревая твердь! // Вот она, как ангел, над мирами, // Факел жизни – огненная Смерть!») [3. С. 84] «лазоревый», описывая небеса, кроме того, обретает коннотацию «святой», «священный». Ср. в первом катрене характеристику небес: «Выются ввысь прозрачные ступени, // Дух горит ... и дали без границ. // Здесь святых сияющие тени, // Шелест крыл и крики белых птиц» [3. С. 83]. Противопоставляя «темный храм» и небеса даже на свето/цветовом уровне, М. Волошин словно в большей степени наделяет «святостью» саму твердь, нежели «древний храм».

Характеризуя звездный свет в стихотворении «Сатурн», поэт говорит о нем так: «На тверди видимой алмазно и лазурно // Созвездий медленных мерцает бледный свет» [3. С. 78]. Помимо приводимого в Малом академическом словаре толкования (светло-синий, цвета ясного неба; небесно-голубой [9]), «лазурный» обретает дополнительный смысл «спокойный, холодный, далекий». Однако дальнейшее содержание стихотворения добавляет к этому значению кое-что новое: «смертный» и «конечный». Тем не менее ощущение покоя не исчезает*, возникает даже какое-то примирение с такой участью («Пусть темной памяти источенная урна // Их пепел огненный развеяла как бред – // В седьмичном круге дней горит

* Ср. наблюдения к. ф. н. С. В. Таран: «Вместе с представлением о цвете дневного неба передается и определенный эмоциональный настрой, соотношенный, как правило, с состоянием душевной просветленности, ясности, гармонии и покоя, что также соответствует символике данного цвета как оттенка синего в христианской культурной традиции» [11. С. 89–90].

их беглый след» [3. С. 78]). Таким образом, наречие «лазурно», изначально детализирующее в этом стихотворении действие, «мерцает», получает дополнительную коннотацию, заимствуемую у существительного свет: «то, что делает ясным, понятным мир, то, что делает радостной, счастливой жизнь» [9]. Пожалуй, это неслучайно, потому что для М. Волошина «смерть – это экстаз, момент высшего восторга жизни» [3. С. 461]. Значит, и гибель звезд, все еще дарящих миру свой свет, не может не восприниматься как нечто несущее покой, ясность, счастье.

В стихотворении «Второе письмо» слово с корнем «-лазур-» употреблено в следующем контексте: «И были дни, как муть опала, // И был один, как аметист. // Река несла свои зеркала, // Дрожал в лазури бледный лист» [3. С. 67]. Значение «безоблачное голубое небо» [9] здесь полностью реализуется. Более того, колористическое описание неба (собственно говоря, пространства) обретает определенную интенсивность цвета за счет сопутствующих характеристик дня: обычно – «муть опала»**, уникальность описываемого дня передается сравнением «как аметист»***, где знаменательность подчеркивается как тем, что камень драгоценен сам по себе, так и его цветом, несущим явную эмоциональную окраску. Это уже выход за пределы только пространственной характеристики в область внутренних переживаний, реализованных в восприятии мира в целом. А метафорическое описание речных вод, отражающих лазурь неба, удваивающих ее, усиливает этот эффект.

Небесное пространство в какой-то момент становится глубоким: «синела даль» (уже не лазурь!). И здесь начальная картина – «лазурь-река» – не только дублируется в пределах одной строфы, но и изменяется – «даль-река», включая еще один компонент – «душу»: «душа, как воды, глубока» [3. С. 67], обретающую в этом смысле ту же цветовую характеристику и получающую дополнительную эмоциональную – тоски. Неслучайно появление еще одного сравнения: «Смерть сурово // Придет, как синяя гроза» [3. С. 67]. Выстраивается ряд из объектов, получающих характеристику «синяя»: даль – вода – душа – гроза – смерть. И в

** Минерал, стекловидный камень различной окраски, нередко бесцветный (курсив наши), некоторые разновидности которого считаются драгоценными [9].

*** Драгоценный камень фиолетовой или голубовато-фиолетовой окраски, разновидность кварца [9].

этом сравнении смерти с грозой ее неожиданность, неотменимость, непреодолимость, тоска по себе необретенной, непознанной, неживой, не годной даже для смерти.

Таким образом, оттенки голубого, синий и его оттенки обрастают дополнительными смыслами: не только выражением интенсивности цвета, описанием пространства и воды, но и эмоциональной характеристикой, передачей внутренних переживаний. Лазурь, явленная взгляду в необычный день, исключительный, не только прекрасна, потому что безоблачна, голуба, но и, отраженная во взгляде, наполнена тоской.

Дважды в ранних стихах М. Волошина голубой цвет передается опосредованно через номинацию цветов: «незабудка» [З. С. 52] и «лаванда» [З. С. 113]. Вызывая у читателя устойчивые ассоциации с цветом (незабудка – травянистое растение семейства бурачниковых, с мелкими голубыми цветками [9]; лаванда – кустарниковое или травянистое пахучее растение семейства губоцветных, с голубыми, синими или фиолетовыми цветками [9]), эти существительные, кроме всего прочего, обретают способность характеризовать пространство, причем не только горизонтальное, но и вертикальное (наполняют мир запахом): «В ярых горнах долин, упоенных духом лаванды, // Темным золотом смол медленно плавится зной» [З. С. 113]. А незабудки становятся частью воспоминаний о приятном времени, проведенном в Париже с возлюбленной, выражают эмоционально-темпоральный признак.

Таким образом, в функционировании прилагательного «голубой» и его оттенков у М. Волошина можно выделить несколько тенденций:

1. Собственно обозначение цвета:
  - воды («Зеленый вал отпрянул и пугливо...»), «Кастаньеты»);
  - неба («Концом иглы на мягком воске...»), «Смерть», «Второе письмо»);
  - звезд («Сатурн»);
  - пространства («Полдень», «Письмо. 9»);
  - света («В мастерской»).
2. Привнесение в традиционное значение различных эмоциональных составляющих:
  - опустошенность, статика («Зеленый вал отпрянул и пугливо...»);
  - тоска («Второе письмо»);
  - просветленность, гармония, покой («В мастерской», «Сатурн»);

- таинственность, загадочность («Концом иглы на мягком воске...»);
- радость («Кастаньеты», «Письмо. 9»);
- сакральность («Смерть»).

Список литературы

1. Алимпиева, Р. В. Концептуализация света и цвета как способ выражения перцептивной доминанты в поэтическом тексте (на материале поэзии А. Блока и М. Волошина) / Р. В. Алимпиева, С. В. Таран // Вестн. Балтийс. федерал. ун-та им. И. Канта. – 2012. – № 8. – С. 93–98.
2. Василевич, А. П. Синий, синий, голубой / А. П. Василевич, С. С. Мищенко // Цвет и названия цвета в русском языке : сб. ст. – М., 2005. – 216 с.
3. Волошин, М. Собрание сочинений / М. Волошин. – М., 2000. – Т. 1. – 608 с.
4. Волошин, М. Чему учат иконы? / М. Волошин // Волошин, М. Собрание сочинений / М. Волошин. – М., 2007. – Т. 5. – С. 133–139.
5. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М., 2012. – С. 13–36.
6. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М., 2001. – 470 с.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2001. – 208 с.
8. Маслова, Ж. Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира / Ж. Н. Маслова. – М., 2012. – 420 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>.
10. Таран, С. В. Минералогическая лексика как средство семантико-эстетической кодировки в идиостиле М. Волошина / С. В. Таран // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языковедение. – 2006. – № 5. – С. 52–56.
11. Таран, С. В. Минералогические цветообозначения как способ авторской перцепции в поэтической картине мира М. Волошина / С. В. Таран // Вестн. Балтийс. федерал. ун-та им. И. Канта. – 2012. – № 2. – С. 88–93.
12. Флоренский, П. Иконостас / П. Флоренский. – URL: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html>.

Сведения об авторе

Махнева Ольга Викторовна – учитель русского языка и литературы, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение лицей № 82 г. Челябинска.
sunflower_03@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 77–82.*

**SEMANTICS OF COLOR NAMING «PALE BLUE»
IN THE LINGUISTIC WORLD IMAGE OF EARLY M. VOLOSHIN
(based on the poems «Years of travelling» 1899–1910)**

O. V. Makhneva

Municipal autonomous of general education institution licey 82. sunflower_03@mail.ru

This article analyses color naming that includes in the group of «pale blue». Based on the poems of M. Voloshin that were analysed in his «Years of travelling» we selected color naming that includes in the group of «pale blue»: straightly – pale blue, azure, turquoise, mediatly – sea’s wave, lavender, forget-me-not.

Using dictionary we determine denotative sense. Analyses poetic texts, author identifies the functioning of color naming, their role in the structure of poetic images M. Voloshin used them as words that named color straightly when he described water, sky, stars, light and area. But in process of analyze connotative sense reveals and it depends on perception of reader.

This color naming gets next connotative senses: spiritual bankruptcy, static, melancholy, calm, harmony, mystery, happiness, sacral.

This analyze gives material for future observation at individual style of M. Voloshin.

Keywords: *linguistic world image, color naming, connotation, perception, context.*

References

1. Alimpieva R.V., Taran S.V. Kontseptualizatsiya sveta i tsveta kak sposob vyrazheniya pertseptivnoy dominanty v poeticheskom tekste (na materiale poezii A. Bloka i M. Voloshina) [Conceptualizing of light and color naming as method of perception’s form in poetic text]. *Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta* [Herald of Immanuel Kant Baltic Federal University], 2012, no. 8, pp. 93–98. (In Russ.).
2. Vasilevich A.P., Mishchenko S.S. Siniy, siniy, goluboy [Blue, Blue, Pale Blue]. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and name of color in russian language]. Moscow, 2005. 216 p. (In Russ.).
3. Voloshin M. *Sobranie sochineniy* [The Poems], vol. 1. Moscow, 2000. 608 p. (In Russ.).
4. Voloshin M. Chemu uchat ikony? [What is the lesson of icon?]. Voloshin M. *Sobranie sochineniy* [Collection of compositions], vol. 5. Moscow, 2007. Pp. 133–139. (In Russ.).
5. Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual’nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [About purpose of cognitive science and actual problematics of cognitive linguistics]. Kubryakova E.S. *V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya* [In the looking for substance of language. The Cognitive research]. Moscow, 2012. Pp. 13–36. (In Russ.).
6. Kul’pina V.G. *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol’skom i russkom yazykakh* [The linguistics of color: color naming is in Polish and Russian language]. Moscow, 2001. 470 p. (In Russ.).
7. Maslova V.A. *Lingvokul’turologiya* [The cultural linguistics]. Moscow, 2001. 208 p. (In Russ.).
8. Maslova Zh.N. *Kognitivnaya kontseptsiya poeticheskoy kartiny mira* [The cognitive conception of poetic world image]. Moscow, 2012. 420 p. (In Russ.).
9. *Slovar’ russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>, accessed 13.02.2015. (In Russ.).

10. Taran S.V. Mineralogicheskaya leksika kak sredstvo semantiko-esteticheskoy kodirovki v idiostile M. Voloshina [The mineralogical vocabulary as the way of the semantico-aesthetic code in individual style of M. Voloshin], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Volgograd Federal University], 2006, no. 5, pp. 52–56. (In Russ.).

11. Taran S.V. Mineralogicheskie tsvetooboznacheniya kak sposob avtorskoy pertseptsii v poeticheskoy kartine mira M. Voloshina [The mineralogical vocabulary as the means of the author's perception in poetic world image of M. Voloshin], *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Herald of Immanuel Kant Baltic Federal University], 2012, no. 2, pp. 88–93. (In Russ.).

12. Florenskiy P. *Ikonostas*. [The iconostasis]. Available at: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html>, accessed 13.02.2015. (In Russ.).

УДК 811.161.1
ББК 81.2

Нин Хуай Ин

СТЕРЕОТИП ВОСПРИЯТИЯ РУССКОГО БИЗНЕСМЕНА (на материале китайскоязычных интернет-источников)

Предлагается анализ стереотипного образа русского бизнесмена, представленного в китайскоязычных интернет-источниках. Исследование базируется на теории языкового сознания и теории речевой деятельности. Наиболее распространенными являются упоминания о пьянстве, затягивании решений, склонности к нечестным поступкам.

Ключевые слова: *теория языкового сознания, теория речевой деятельности, межкультурная коммуникация, стереотип российского бизнесмена.*

Актуальность данного исследования обусловлена стремительным развитием межкультурных контактов россиян и китайцев в разных направлениях: культура, торговля, бизнес, производство и др. Нас интересует бизнес-коммуникация, поскольку современное экономическое развитие многие аналитики видят в дальнейшем укреплении связей России и Китая.

В нашем исследовании мы придерживаемся теоретической базы, разработанной Московской психолингвистической школой. Подробно об этом мы уже писали в своей статье [2] и опираемся на теорию речевой деятельности, а также теорию языкового сознания.

Мы считаем, что в основе бизнес-коммуникации лежит речевая деятельность, которая в каждом конкретном случае реализуется через речевое поведение партнеров по переговорам, которое может быть вариативно. Ученые выделяют этапы речевой деятельности, во многом повторяющие этапы любой другой деятельности. Наиболее кратко эти этапы можно определить как ориентировка, планирование, действие и контроль. Так, общая операционная структура речевого действия, по мнению авторов одной из первых монографий, посвященных основам теории речевой деятельности, включает в себя «звено ориентировки, далее звено планирования или программирования. Далее от программы мы переходим к ее реализации в языковом коде» [3. С. 26–27].

На наш взгляд, при межкультурной коммуникации особое внимание должно уделяться именно этапу ориентировки и планирования, поскольку в типичных ситуациях мы не задумываемся порой, как и что нам нужно сказать. Однако если нам непонятен собеседник или ситуация выходит за привычные рамки,

мы пытаемся выстроить новую модель поведения, опираясь на свой опыт или на опыт других людей, зафиксированный в книгах, справочниках или других источниках информации. Наиболее интересным, по нашему мнению, являются Интернет-источники, поскольку они быстро обновляются, их авторами являются заинтересованные люди, как правило, имеющие практический опыт в описываемой области, к тому же, в отличие от направленных опросов, в данной ситуации у автора высказывания нет намерения соответствовать социальной норме, он даже не задумывается о том, что его речь может подвергаться анализу, поскольку его основная цель – передать информацию. Таким образом, мы считаем, что изучение Интернет-источников дает очень интересный объективный материал для анализа. К тому же при подготовке к переговорам (особенно при отсутствии личного опыта) современные бизнесмены обращаются именно к Интернет-источникам.

На этапе ориентировки и планирования речевой деятельности на первый план выступает ситуация взаимодействия и образ собеседника. Ситуация в нашем случае повторяется, поскольку обусловлена потребностью договориться о купле/продаже товаров или услуг, поэтому важным фактором, влияющим на ориентировку и планирование, оказывается образ представителя иной культуры, с которым предстоит переговоры. Вслед за В. В. Красных под культурой мы понимаем «мировидение, миропонимание, мироощущение и мироосознание некоторого сообщества». Далее она продолжает: «По сути, речь идет о совокупности представлений (в широком смысле), в которых так или иначе отражается и закрепляется то,

как представители данного сообщества видят, ощущают, осознают, понимают, интерпретируют, оценивают, объясняют (в первую очередь для себя) окружающий их мир. Особо следует подчеркнуть, что данное видение далеко не всегда имеет рациональную природу. Скорее наоборот: оно иррационально» [1. С. 16]. Как правило, образ представителя иной культуры закрепляется в виде стереотипа. Нам близко определение стереотипа, данное в работе Н. В. Сорокиной: «Национальный стереотип – это устойчивый, схематизированный, обладающий эмоционально-оценочным характером, широко распространенный в определенной этнокультурной среде образ своего или чужого народа» [4. С. 38].

В качестве материала использовались высказывания, размещенные на специальных сайтах, посвященных описанию русских и торговле с русскими [7; 8; 9; 10]. Отбор проводился методом сплошной выборки.

Отметим, что на форумах встречается общая информация о русских. Как правило, она касается особенностей характера, кулинарных предпочтений. Часто автор высказывания пишет о причине такого поведения или говорит, что это означает.

«В общем, русские любят выпить, особенно любят водку, потому что в России климат суровый, они греются водкой. Русские любят сразу выпить до дна. Если считают тебя другом и хорошим партнером, то они выпивают сразу до дна, обычно запивают соком или другими напитками» [7].

«У русских очень сильные руки. Если вам больно при пожатии руки, можно сразу сказать, и в следующий раз они будут пожимать вам руку полегче. Но советую потерпеть, потому что чем сильнее вам пожимают руку, значит, тем больше вас любят и хотят с вами работать» [7].

«Русские мужчины – джентльмены. Они открывают двери женщинам, помогают женщинам сесть к столу и так далее» [7].

«Русские любят рыбу, особенно острую рыбу – это тоже связано с климатом. Они любят и отбивную, не любят рис, супы и овощи. В общем, если принимаешь русских гостей, лучше выбрать рыбу, отбивную, утку по-пекински и др. Лучше еще встречать их в аэропорту с цветами, они любят поставить цветы дома и в гостинице. Мужчины среднего возраста особенно любят цветы» [8].

При описании деловых взаимоотношений

особенно бросается в глаза частотность высказываний, в которых говорится о затягивании времени работы, неумении держать обязательство:

1. *«Ленивые, волокитчики. Такой характер у большинства русских. В течение трех лет меня именно мучит их такая черта характера. С поставкой за одну сделку могут протянуть на полгода. Поставщики постоянно торопят, сердятся, но бесполезно. Китайцы все делают быстро, все выполняют вовремя по сроку, даже все время на каждый день запланировано*»* [7].

2. *«Хамелеоны, у них нет плана на работу. Вторая мучительная черта характера у русских – характер-хамелеон. Исправляют каждый уже подтвержденный контракт, поэтому бесконечно повторяется бесполезное дело. Это, наверное, связано с их мышлением. Они тоже думают, но обычно думают только над какой-то точкой, а не об общем плане. Другая причина этого в том, что они быстро изменяют решения, у них нет своего мнения по некоторым вопросам»* [9].

Однако можно найти и полностью противоположное мнение, например, в приводимом ниже тексте мы видим описание строгости при совместной работе.

«Характер русских открытый, веселый, покладистый, любят за столом предлагать тосты. Но на переговорах они не покладистые. Любят заранее запланировать все работы, и ты должен поставлять товар по запланированному графику поставок, а то они будут судиться с тобой. Не допускают ошибки в работе, если сделаешь ошибку, то сразу сердятся, и тебя будут постоянно упрекать, пока не сделаешь так, как они требуют» [9].

«Высокая привязчивость, одна сделка может принести долгосрочное сотрудничество. Предыдущее описание, скорее всего, повлияло на ваше мнение о работе с русскими, а тут хотелось бы поговорить о положительных чертах характера русских, чтобы заново вас заинтересовать. Вначале русские не доверяют никому, но если они начали доверять тебе, то будут всегда доверять. Поэтому мы можем работать с русскими и 4 года, и даже еще дольше. Они ленивые, они волокитчики, поэтому если будешь побольше думать за них, побольше делать за них, то они будут привязываться к тебе, и в трудный момент в первую очередь будут надеяться на твою по-

* Здесь и далее перевод наш.

мощь (рассчитывать на тебя). Если мы хорошо знаем, что характер-хамелеон – это одна из важных черт характера русских, то всегда будем готовы к отказу от сделки. Тогда нужно отложить надежду на сделку в сторону и отдаться на произвол судьбы, ха-ха, если повезет, то сделка выполнится» [7].

Волнует китайцев и проблема языка общения.

«90 % русских не говорит по-английски. Конечно, с увеличением торговли между Россией и Китаем постепенно эта пропорция уменьшается, русские стали уделять внимание языкам для общения, некоторые даже начали учить китайский язык» [9].

На форуме, темой которого заявлена торговля с русскими, можно встретить рассказы о неудачном опыте работы на российском рынке.

«Мой бывший директор собирался работать на российском рынке, прошел все формальности по регистрации и приготовил помещение, но не получилось в конце концов. Думаю, бросил он это дело потому, что было слишком много трудностей и проблем. Кто бы не хотел продолжать свое дело! Но если проблем так много, что нам не по силам их решить, или совсем нет прибыли, то никто не захочет продолжать работу» [8].

Особое место занимает тема честных взаимоотношений, причем взаимных.

LZ的 «Конечно, есть хорошие клиенты, но это смотря как тебе повезет. Самое главное – деньги получить, особенно вначале. Не отправляй товар, если не получишь весь платеж» [8].

(Вспомните, какая торговля была в прошлом веке на границах Китая и России! Китайцы за высокие цены продавали русским свои самые плохие товары, но так было не долго! Теперь русские, наоборот, начали обманывать китайцев, обманули – и немало – китайцев!) [9].

做 «В бизнесе надо быть честными!!!».

Можно найти и советы китайским бизнесменам, которые собираются работать с русскими.

1.不 «Не пугайтесь их чрезмерной гордости».

2.与 «Ты должен уметь выпить».

3.。 «Русские любят товар большого размера».

4.初 «До первой встречи с русским клиен-

том советуем себе записать, с кем связаться, потом договориться о времени встречи» [10].

Проведенный анализ даже небольшого числа сайтов позволил нам выделить стереотип восприятия русского бизнесмена, который влияет на выбор речевого поведения особенно при первом контакте. Следует сказать, что наиболее распространенными являются упоминания о пьянстве, затягивании решений, склонности к нечестным поступкам. Это закрепляет негативный опыт взаимодействия, который, возможно, остался в прошлом, но оказывает сильное влияние на планирование и проведение переговоров китайцев с русскими.

Список литературы

1. Красных, В. В. Культурная идентификация и самоидентификация: взгляд филолога / В. В. Красных // Межэтническое общение: контакты и конфликты. – М., 2012. – С. 16–28.
2. Нин, Хуай Ин Образ собеседника в языковом сознании носителей русской и китайской культур (на примере русско-китайских переговоров) / Е. В. Харченко, Хуай Ин Нин // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 54–61.
3. Леонтьев, А. А. Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М., 1974. – 368 с.
4. Сорокина, Н. В. Национальные стереотипы в межкультурной коммуникации / Н. В. Сорокина. – М., 2014. – 265 с.
5. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.
6. Тарасов, Е. Ф. К построению теории межкультурного общения / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание. Формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 21–36.
7. О русских. – URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_6cbcdad8010195jf.html.
8. Форум о торговле с русскими. – URL: <http://bbs.fobshanghai.com/thread-1273342-1-1.html>.
9. Описание русских. – URL: <http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLjy>.
10. Советы китайским бизнесменам, которые собираются работать с русскими. – URL: <http://wenku.baidu.com/link?url=3DAGq7BEw8fITGkZFwXioFDA>.

Сведения об авторе

Нин Хуай Ин – аспирант кафедры общей лингвистики Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), декан факультета русского языка, магистр педагогических наук Тяньцзиньского университета иностранных языков (Тяньцзинь).
ninghy2005@126.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 83–87.*

**THE STEREOTYPE OF A RUSSIAN BUSINESSMAN
(on the material cityscaping internet sources)**

Nin Huai Ying

Tianjin University of Foreign Languages (Tjanczin). Ninghy2005@126.com

The article offers an analysis of the stereotype of a Russian businessman, presented in cityscaping Internet sources. The study is based on the theory of linguistic consciousness and the theory of speech activity. In the foundations of business communication lies speech activity, which in each case is implemented through the speech behavior of the negotiating partners, which may be variable and when the first contact is largely dependent on stereotypes. The analysis of even a small number of sites allowed the author to highlight the stereotype of Russian, which influences the choice of verbal behavior especially during the first contact. The most common are mentions of drinking, delaying the decision, propensity for dishonest actions. It perpetuates a negative experience, which may have been left in the past, but has a strong influence on the planning and conduct of negotiations between the Chinese and Russians.

Keywords: *theory of language consciousness, the theory of speech activity, intercultural communication, the stereotype of a Russian businessman.*

References

1. Krasnykh V.V. Kul'turnaya identifikatsiya i samoidentifikatsiya: vzglyad filologa [Cultural identity and self-identification: look philologist]. *Mezhetnicheskoe obshchenie: kontakty i konflikty* [Red Interethnic communication: communication and conflict]. Moscow, 2012. Pp. 16–28. (In Russ.).
2. Nin Khuay In, Kharchenko E.V. Obraz sobesednika v yazykovom soznanii nositeley russkoy i kitayskoy kul'tur (na primere russko-kitayskikh peregovorov) [Image of the interlocutor in the linguistic consciousness of native Russian and Chinese cultures (for example, Russian-Chinese talks)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics], 2013, vol. 10, no. 2, pp. 54–61. (In Russ.).
3. Leont'ev A.A. *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, 1974. 368 p. (In Russ.).
4. Sorokina N.V. *Natsional'nye stereotipy v mezhkul'turnoy kommunikatsii: monografiya* [National stereotypes in intercultural communication]. Moscow, 2014. 265 p. (In Russ.).
5. Tarasov E.F. *Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya* [Intercultural communication – a new ontology analysis of linguistic consciousness]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of language consciousness]. Moscow, 1996. Pp. 7–22. (In Russ.).
6. Tarasov E.F. *K postroeniyu teorii mezhkul'turnogo obshcheniya* [To construct a theory of intercultural communication]. *Yazykovoe soznanie. Formirovanie i funktsionirovanie* [Language consciousness. Formation and functioning]. Moscow, 1998. Pp. 21–36. (In Russ.).
7. *O russkikh* [About Russian]. Available at: http://blog.sina.com.cn/s/blog_6cbcdad8010195jf.html. (In Russ.).

8. *Forum o torgovle s russkimi* [Forum on trade with Russian]. Available at: <http://bbs.fobshanghai.com/thread-1273342-1-1.html>. (In Russ.).

9. *Opisanie russkikh* [Description of Russian]. Available at: <http://wenku.baidu.com/link?url=ZpHpkTVI-KTKSTzkiLyj>. (In Russ.).

10. *Sovety kitayskim biznesmenam, kotorye sobirayutsya rabotat' s russkimi* [Tips Chinese businessmen who are going to work with the Russian]. Available at: <http://wenku.baidu.com/link?url=3DAGq7BEw8fITGkZFWXioFDA>. (In Russ.).

ФАСЦИНАТИВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛЬМОВ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

Рассмотрено кинематографическое творчество Андрея Тарковского в аспекте фасцинации. Художественные концепции автора обусловили принадлежность творчества к типу культуры интерпретационного характера и доминированию явлений непрямо́й коммуникации. Рассмотрены такие воздействующие явления, как диалогичность, ритмизация, антиванитатизм, символичность, способствующие развитию завороженного восприятия фильмов.

Ключевые слова: *фасцинация, ритмизация, диалог, антиванитатизм, символичность.*

Важнейшим средством интеллектуально-духовного выражения и особым коммуникативным пространством является кинематограф.

Нет сомнений в том, что творчество А. Тарковского не оставляет равнодушным зрителя, имеющего достаточный опыт познания явлений мира, интеллектуально-духовный потенциал, позволяющий воспринять и понять эти культурные образцы.

Цель данного исследования – проанализировать фасцинативные воздействующие явления в творчестве известного русского режиссера А. Тарковского. Сложность и многоплановость, высокий духовный смысл произведений обусловили интерес к его картинам.

Андрей Тарковский рассуждал о том, что зритель должен быть не пассивным потребителем информации, а «соучастником замысла», творцом. Для этого мало использовать обычную прямую последовательность подачи кинематографического материала, важно опираться на «ассоциативное сцепление», объединение чувственной и рациональной оценки происходящего. Режиссер был сторонником интерпретации событий и явлений фильма, позволяющих использовать возможности додумывания [10].

Определимся с понятиями, базовыми положениями, концепциями статьи.

Фасцинация – это коммуникативное явление, имеющее глубинную нейрофизиологическую воздействующую природу. Как коммуникативный процесс фасцинация представляет собой воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации слушателем [8].

Важным теоретическим источником в аспекте исследования является труд Ю. М. Лотмана «Семиотические типы культур», где автор

рассуждал о том, что в широком смысле существует два типа культур [7]. В первом типе культуры передача информации осуществляется в рамках канала коммуникации «Я – ОН» (говорящий-слушающий, адресант-адресат). Адресант передает сообщение адресату при условии адекватности кода информационного процесса. Семиотическое, семантическое, когнитивно-логическое равновесие обуславливают адекватность восприятия и понимания информации слушателем. Этот тип коммуникации лежит в основе модели Р. Якобсона. Он отличается динамизмом, но в нем преобладает пассивное восприятие информации. Ю. М. Лотман обратил внимание на то, что этот тип передачи информации практически не приводит к принципиальной перестройке личностных конструктов. Другими словами, восприятие информации посредством этого канала не является стимулом к саморазвитию. Фоновых знаний адресата бывает достаточно для освоения и расширения запаса информации.

Возможен и иной тип передачи сообщения. Изначально адресат получает порцию информации от адресанта; информация эта такова, что она затрагивает личностные структуры воспринимающего (знания, интересы, потребности и пр.). Она имеет для адресата личностный смысл (по А. Н. Леонтьеву) [6]. На этом этапе происходит перекодирование информации – она подвергается дополнительной обработке. Это происходит уже в иных рамках – в канале общения «Я – Я». Осуществляется внедрение сообщения в сознание слушающего. Будучи обработанной «личностными ферментами», эта информация приобретает новое качество. В этом типе передачи информации ее ответственность и логическая, и эмпатическая. Обработка информации связана с ростом

экзистенции, рефлексии, изменением тезауруса личности. Итак, в канале общения с возможным развитием автокоммуникации информация затрагивает слушателя более интенсивно, происходит наращивание смысла сообщения.

Этот тип культуры более перспективен, так как основан на потенциальном развитии личности – воспринимающий информацию интерпретирует, углубляет ее, развивается креативность, расширяются ассоциативно-семантические поля концептов, на которых основаны когнитивные коды сообщения.

Если первый тип культуры – суть потребление информации; второй – интерпретационная обработка, углубление, развитие и приращение смысла. Во втором случае информация становится эмпатически переживаемой, воздействующей. Перспективы роста и потенциал такого типа культур гораздо выше в интеллектуальном и духовно-этическом смыслах.

Сравнивая творческие установки А. Тарковского с существующими типами культур, можно прийти к выводу, что все произведения режиссера базировались на втором – *интерпретационном* – типе культуры.

Рассматривая творчество А. Тарковского в аспекте теории коммуникации с фасцинативной составляющей, можно, не утрачивая определяющей его идеи (огромного духовного и интеллектуального заряда), выявить **фасцинативные явления**, которые позволяют и воспринять информацию, заложенную в фильме (социально-исторические пласты), и продлить моменты духовного откровения в ходе эмпатического восприятия произведений автора.

На наш взгляд, понимание фильмов А. Тарковского с исчерпывающей полнотой можно характеризовать признаками фасцинативного воздействия – замороженность, захваченность, эмпатическое погружение, повышенное внимание, «эмоциональное кружение», сосредоточенность, выражаемая в нацеленности на мыслительную и эмоциональную доминанту, наконец, выраженное стремление к повторяемости – в желании обратиться к просмотру фильмов несколько раз.

Многoplanовость, полифония, синкретизм – эти сущностные черты являются основой для развития интерпретационных усилий зрителя. Духовно-нравственная, этическая проблематика фильмов, антропоцентризм, гуманизм – позволяют определить кинематограф А. Тарковского как источник духовного очищения, своего рода книгу мудрости, в которой

зритель находит ответы на сущностные вопросы бытия. Предметом внимания художника становятся вопросы, не могущие не волновать думающего человека: смысл жизни, вера, Бог, совесть, любовь. Вышеперечисленное, на наш взгляд, являет собой духовные основы притяжения личности к творчеству А. Тарковского.

Рассмотрим фасцинативные явления в коммуникативном пространстве фильмов режиссера.

Особую роль в фильмах Тарковского играет **ритмизация**.

Художник считал ритм «полновластной доминантой кинематографического образа». В его представлении ритм отсчитывает время для понимания зрителем символов, наслаждения им аллегориями, является составляющей хронотопа. Ритм слагается «из временного напора внутри кадров».

Ритмизация и повторяемость здесь также специфичны. Они имеют концептуальную *надстроечную* характеристику и связаны с выражением постоянной духовной напряженности, утверждением любви и жертвенности как смысла жизни. Эти понятия можно назвать духовной константой коммуникативного пространства фильмов Тарковского.

Есть и *базисная* характеристика: по ярким, характерным чертам определяется идиостиль режиссера. Во всех фильмах повторяемость осуществляется на уровне используемых языковых и художественных средств и образов. Она может быть явной и неявной, проследившись в эпизоде или проявляться в течение времени, быть объемной (повторяющийся сакральный символ) или предельно сжатой (повторяющаяся языковая единица).

Ритмизации коммуникативного пространства служит включение в эпизоды фильмов поэтического текста. Стихи в исполнении Арсения Тарковского служат мощным фасцинативным сигналом (фильмы «Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия»).

Стихи отца режиссера – это и знак родства, и духовной дани, и символ посвящения; это знак передачи духовного опыта и мудрой связи поколений; идея подведения итогов; соединения логики и философии с поэтическим словом; наконец, прекрасно выполненная художественная словесная иллюстрация, обращающая зрителя к сокровищам русской классической литературы, то есть прецедентная ситуация, в которой используется культурогенный текст.

Ритм чтения стиха, внедряясь в течение фильма, как будто замедляет его ход, заставляет прислушаться, остановиться, а значит, снова провоцирует углубленное внимание зрителя.

Для произведений Тарковского огромное значение имеет **диалог**, выступающий как особое культурно-философское явление.

О роли диалогов в творчестве говорил М. М. Бахтин. Он доказал, что необходимым признаком любого высказывания является его обращенность, адресованность и что смысл сообщения находится в зависимости от контекста, то есть от конкретного времени и места (хронотоп). Ученый понимал под диалогичностью открытость сознания и поведения человека в окружающей реальности, его готовность к общению «на равных», дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия. Диалогические отношения означают возникновение новых смыслов, которые «не остаются стабильными (раз и навсегда законченными)» и «всегда будут меняться (обновляясь)». Участники диалога должны стремиться «добраться до творческого ядра личности». Высказывания (сообщения) направлены на другое сознание и провоцируют активность слушателя [1].

С точки зрения содержания, этот диалог требует активного слушания, внимания и отзвука со стороны зрителя, потому что чаще всего исповедан. По форме – это диалог автора со зрителем, демонстрирующий эффект сопричастности, продуцирующий рефлексии, диалоги героев, диалоги героев со зрителями.

Обратим внимание на то, что монологичная форма речи здесь апеллятивна, внутренне диалогична, требует резонанса.

К примеру, инновационную форму обращенности героя к слушателям автор избрал в фильме «Сталкер» (**монолог жены Сталкера**). Он построен на парадоксальности, которая в языковом отношении выражена различно. В широком смысле обозначено ситуационное противоречие (...мама была против... – ...я уверена была, с ним мне будет хорошо...). В узком смысле – парадоксальность представлена в ряду антонимов (*горе – счастье*). Она поддерживается контекстуальными синонимами, выстроенными в градацию (*Сталкер, смертник, вечный арестант; и страшно было, и стыдно было; не жалела, никому не завидовала*).

Монолог Сталкера, обращенный к людям, изобилует афоризмами. Произносится он в

движении, словно между делом, что еще больше доказывает, что произносимое является смыслом и сутью существования главного героя, а не абстрактными истинами.

«*Ведь то, что они называют страстями, на самом деле – трения между душой и внешним миром*», «*все, что затвердело, то не победит*». Монолог также построен на парадоксальности («*Пусть поверят в себя и станут слабыми, как дети*»), проявляется метафоризация («*Черствость и сила – спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия*»). Монолог построен как пожелание и напутствие, что подчеркивает обращенность к слушателям и выражает надежду героя быть услышанным.

Диалог – это концептуальность, смысловая квинтэссенция, эмоциональная напряженность; он отличается энергетичностью, высокой тональностью и установкой на резонанс. Мыслится самоанализ героев, проявляется стремление уравновесить их внутренние убеждения с реальностью. Диалоги в фильмах А. Тарковского – продукты экстерниоризации внутренней речи героя. В них присутствует недосказанность, дискретность, что в данном случае и свидетельствует о заряжающем интеллектуально-эмоциональном накале, провоцирующем ответные эмоции слушателя.

Монолог Хари: «...мне кажется, что Крис... Кельвин... более последователен, чем вы оба. В нечеловеческих условиях он ведет себя по-человечески, а вы делаете вид, что вас это не касается и считаете своих гостей... чем-то внешним, мешающим. А ведь это вы сами, это ваша совесть... А Крис меня любит. Может, он не меня любит, а просто защищает от самого себя... Это не важно, почему человек любит. Это у всех по-разному. Я станулюсь человеком. И чувствую не меньше, чем вы... Я человек...».

Языковой аспект анализа монолога позволяет сделать следующие выводы. Лексика нейтральна. Действует закон простых слов (И. А. Стернин) [9]. Присутствуют лексические повторы, определяющие ключевые, символические, смыслообразующие единицы текста (*человек, по-человечески, нечеловеческих, любит*). На синтаксическом уровне отмечается неполнота предложений, парцелляции, что и выражает недосказанность. Стилистическим средством выразительности выступает парадоксальность, выражаемая посредством градации («*Я станулюсь человеком... Я человек*»).

Лексические повторы создают ритмизацию. Таким образом, фасцинативными средствами в монологе Хари являются эмпатичность, апеллятивность, недосказанность, метафоризация, повторяемость (ритмизация).

Концепт «совесть» имеет широкое семантическое поле и репрезентирован лексемами: человек, любовь, защищается, чувствую.

Монолог Криса: *«Ну вот, я тебя люблю. Но любовь – это чувство, которое можно переживать, но объяснить нельзя. Объяснить можно понятие. А любишь то, что можно потерять: себя, женщину, Родину. До сегодняшнего дня человечество было попросту недоступно для любви. А может быть, мы вообще здесь для того, чтобы впервые оцутить людей как повод для любви. А?..».*

Монолог Криса является своего рода ответом размышлением, эмоционально-мыслительным резонансом на монолог Хари. Присутствует лексический повтор ключевого слова «любовь». Сам монолог по сути сводится к вопросу, задаваемому всем слушателям.

В данном монологе присутствует апеллятивность, недосказанность, развернутая концептуальность, метафоризация и повторяемость.

В монологах имеются общие черты: содержательно они доказывают, что любовь пронизывает все сущее и не поддается анализу логическими категориями. Герои связывают это понятие со становлением личности, с глобальной характеристикой человечества, с нравственными категориями, представленными в ментальных образованиях-концептах (стыд, совесть, женщина, Родина). Повторяемость содержания, структуры, языковых единиц, средств выразительности, акцентов, пауз, создающие ритмизацию, здесь имплицитно свидетельствуют о духовной связи Криса и Хари. Таким образом, монологи, произносимые в фильме в разное время, в разном пространстве, сливаются в диалог.

Кроме ритмизации, диалогичности, нами будут рассмотрены такие фасцинативные проявления, как символичность, антиванитатизм.

Символика у Тарковского обладает и сакральной, и широчайшей культурно-исторической интерпретацией: от общечеловеческих, утверждаемых в христианстве, библейских истин, до частных – показательных в жизни индивида, трактуемых как экзистенциальные черты и проявляющихся в рефлексии и откровениях героев фильмов [4].

А. Тарковский всегда использовал символический потенциал стихий: огонь, вода, земля, воздух.

Символика воды (капающей, текущей, стоячей) присутствует практически во всех картинах Тарковского («Зеркало», «Сталкер», «Жертвоприношение» и др.). Представляет собой философский библейский символ очищения, омовения, святости, течения жизни, изменения времени, размышления.

В фильме «Солярис» земля представлена как символ родства, Родины, родственных корней, как знак притяжения, противопоставления холоду и неизвестности Космоса, как природная почва, первооснова всего сущего.

Широко используется и библейская символика.

Таковой, например, становится картина Андрея Рублева «Троица». Изображение Троицы символизирует гармонию, мудрость, знание истины, вселенский покой и умиротворение, заставляет остановить взгляд, умерить внутреннюю суету, задуматься о насущном. Явление Троицы повторяется, становится ритмически значимым, сквозным. Это выражение смысла и апофеоза творчества, самоотдачи, жертвенности, обозначение духовной ипостаси в фильме «Андрей Рублев» [3]; отражение тоски по родной земле, знак живой духовности, любви, памяти, вариант самоцитирования в фильме «Солярис» [3]. Наконец в фильме Сталкер есть сцена, представляющая собой противопоставление великой рублевской Троицы. С. С. Загребин отмечает, что для этих опустошенных людей стремление к божественной гармонии Троицы недостижимо [3].

Символический смысл в произведениях А. Тарковского присутствует как эмпатический (символика воды), эйдетический (символика яркого образа – визуализация океана Соляриса через иллюминаторы станции), энигматический [5]: в последних кадрах фильма «Солярис» духовно созревший герой по возвращении на Землю падает на колени перед отцом. Здесь используется прецедентность – реминисценция библейского сюжета «Возвращение блудного сына». Зритель видит, что в доме отца идет дождь. Этот парадокс позволяет интерпретировать сюжет по-разному, наводит на мысль о том, что отчий дом стал последним пристанищем, частью вечной природы.

Антиванитатизм, понимаемый как отсутствие суетливости, созерцательность, передается стилистикой и ритмикой фильмов худож-

ника. Во множестве эпизодов режиссер буквально заставляет зрителя остановить мгновение. Весьма показателен в этом смысле эпизод невесомости в фильме «Солярис».

Длительность фильмов, иногда дилетантски трактуемая как затянутость, – это стилевой хронотоп, благодаря которому автор и герои, автор и зритель имеют возможность вступать в диалог не только друг с другом, но и со временем, с Космосом, с вечностью.

К таковым можно отнести знаковые эпизоды:

Крис рассматривает родную природу, желая запомнить каждый «вдох» земли («Солярис»);

Хари смотрит на картину Брейгеля, оставившаяся на художественных деталях («Солярис»);

зритель смотрит на воду ручья, фиксируя странные предметы быта и пребывания человека («Сталкер»). Этот кадр являет собой квинтэссенцию фасцинации – это кадр ощущения. Думается, что замысел режиссера состоял в том, чтобы заставить зрителя созерцать и размышлять в молчании, ибо происходящее на экране не требует точного описания.

Каждый из этих эпизодов наполнен смыслом и инициирует эмоционально-логическую оценку происходящего действия зрителем.

Есть смысл подчеркнуть, что в фильмах Андрея Тарковского играли избранные актеры (Александр Кайдановский, Анатолий Соловьев, Олег Янковский); он прибегал к особым художественным средствам, например, включение в картину прецедентных сюжетов, использование сакральных символов, произведений, героев, деталей, явлений духовной биографии и человеческого бытия.

Все это представляет собой гармоничную картину, в которой каждый штрих создает эффект «затягивающего текста», замороженного восприятия зрителя [2], фасцинативной воронки. А. Тарковский размышлял о функции искусства, где форма выступает в виде эмоци-

онального потрясения, катарсиса для зрителя. Анализ фасцинативных явлений в творчестве автора является одной из попыток объяснения неповторимого стиля гениального режиссера и его огромного духовного вклада в мировую культуру.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1972. – 308 с.
2. Голубович, К. Предложение, от которого невозможно отказаться / К. Голубович // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 18. – С. 41–46.
3. Загребин, С. С. Этика Тарковского / С. С. Загребин. – Челябинск: Работа плюс, 2012. – 307 с.
4. Зенкин, С. Явленное сакральное (numen) / С. Зенкин // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10, № 1–2. – С. 216–219.
5. Карасик, В. И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/karasik-12.htm>.
6. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл, Академия, 2005. – 352 с.
7. Лотман, Ю. М. Семиотические типы культур / Ю. М. Лотман. – URL: http://studme.org/180709034845/kulturologiya/lotman_semioticheskie_tipy_kultur.
8. Омельченко, Е. В. Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса / Е. В. Омельченко. – Челябинск: Челябин. гос. пед. ун-т, 2013. – 222 с.
9. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 252 с.
10. Тарковский, А. А. Запечатленное время / А. А. Тарковский. – URL: http://www.tarkovsky.net.ru/stalker/word/tarkovsky_time.php.

Сведения об авторе

Омельченко Елена Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета.

El.vital@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 88–93.*

FASCINATING PHENOMENA IN THE COMMUNICATION SPACE FILMS BY ANDREI TARKOVSKY

E. V. Omelchenko

Chelyabinsk State Pedagogical University. El.vital@mail.ru

The article deals with cinematographic art of Andrey Tarkovsky at the aspect of fascination.

Fascination is understood by the author as communicative phenomenon having deep neurophysiological affective nature. As communicative process it is affection aimed at intensification of perception and mastering information by the recipient. There are two types of cultures – the first one focuses on consumption of information, and the second type focuses on interpretative processing, deepening, and development of information and increment its meaning. Information becomes emphatically perceived and effective. Director's artistic concepts cause the art's reference to the type of interpretative culture and domination of facts of indirect communication. That's why perspectives of development and potencies in intellectual and mental aspects of Tarkovsky's movies are higher.

The author considers such affective means as dialogic, rhythmization, antivanitizm, symbolism, which helps to develop spellbound perception of Tarkovsky's movies.

Rhythmization is repetition of linguistic and cinematic means and images in movies. Rhythmization is expressed obviously and implicitly, it is extended (repeated sacral symbol) and compressed (repeated word or phrase) in time. Dialogue of author and viewers demonstrate effect of viewers' implication, cause their reflection. Monologues in the movies are appellative, have dialogic character and require resonance. Tarkovsky widely used symbolism in his movies, in particular, symbolic potencies of classical elements (fire, water, earth, air) and biblical symbols.

Antivanitizm is understood as absence of vanity, contemplation; it is implemented in stylistic and rhythmic peculiarities of the movies. In some episodes of movies the director makes viewers to stop a moment. Tarkovsky's movies running time is sometimes treated as overextended but it is stylistic chronotop which help author and heroes, author and viewers to be engaged in dialogue.

Keywords: *fascination, rhythmization, dialogue, antivanitizm, symbolism.*

References

1. Bahtin M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Issues of Dostoevsky's poetic]. Moscow, 1972. 308 p. (In Russ.).
2. Golubovich K. Predlozhenie, ot kotorogo nevozmozhno otkazat'sja [Offer one can not refuse]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2012, no. 18, pp. 41–46. (In Russ.).
3. Zagrebin S.S. *Jetika Tarkovskogo* [Tarkovsky's ethics]. Chelyabinsk, 2012. 307 p. (In Russ.).
4. Zenkin S. Javlennoe sakral'noe (numen) [The sacred phenomenon (numen)]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2011, vol. 10, no. 1–2, pp. 216–219. (In Russ.).
5. Karasik V.I. Lingvosemioticheskoe modelirovanie cennostej [Linguistic and semiotic modeling values]. *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics]. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/karasik-12.htm>, accessed: 02.12.2014. (In Russ.).
6. Leont'ev A.N. *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow, 2005. 352 p. (In Russ.).
7. Lotman Ju. *Semioticheskie tipy kul'tur* [Semiotic types of cultures]. Available at: http://studme.org/180709034845/kulturologiya/lotman_semioticheskie_tipy_kultur, accessed 02.12.2014. (In Russ.).
8. Omel'chenko E.V. *Fascinativnaja kommunikativnaja strategija v razlichnyh tipah diskursa* [Fascinating communicative strategy in different types of discourse]. Chelyabinsk, 2013. 222 p. (In Russ.).
9. Sternin I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie* [Introduction to speech influence]. Voronezh, 2001. 252 p. (In Russ.).
10. Tarkovskij A. *Zapechatlennoe vremja* [Imprinted time]. Available at: http://www.tarkovsky.net.ru/stalker/word/tarkovsky_time.php, accessed 02.12.2014. (In Russ.).

УДК 81-119

С. А. Питуина

СУБЪЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ УНИВЕРСИТЕТА

Предпринята попытка выявить субъекты деятельности в корпоративной культуре вуза. Определены обязательные базовые, первичные субъекты вузовского профессионального общения: преподаватель и студент. Установлено, что вторичные субъекты общения претендуют на роль базовых в современной вузовской среде.

Ключевые слова: *корпоративная культура вуза, субъекты профессиональной коммуникации, первичные субъекты, вторичные субъекты профессиональной деятельности.*

Одной из задач современного вуза является сохранение лучших традиций и умение адаптироваться к требованиям общества в условиях перехода на новые образовательные стандарты. Для большинства участников образовательного процесса этот переход означает не только сокращение сроков обучения на один год, но и оптимизацию образовательных задач, важнейшей из которых является формирование среды и метаязыка будущей профессиональной деятельности. Вузы ориентированы на будущее, поэтому профессиональная и прогностическая деятельности субъектов корпоративной культуры вуза, то есть подготовка его выпускников, должны в идеале опережать потребности общества.

Субъекты деятельности корпоративной культуры вуза включены в вертикально организованную открытую систему ее участников, представленную администрацией, сотрудниками и студентами. Непосредственными активными субъектами двусторонней образовательной деятельности являются преподаватели и студенты, зачастую скрытыми участниками такой деятельности можно считать заказчиков (в настоящее время родителей, и, к сожалению, редко работодателей будущих профессионалов). Координатором вузовской профессиональной коммуникации выступает администрация высшего учебного заведения.

В идеале вуз формирует современных профессионалов при помощи профессионалов, в реальности все гораздо труднее.

Образовательный процесс как важнейшая составляющая корпоративной культуры вуза представляет собой сложную деятельность и многоплановое взаимодействие базовых субъектов профессиональной деятельности. Именно субъектов деятельности, поскольку студент

в настоящее время довольно часто является активным участником образовательного процесса, не просто посещает или чаще пропускает лекцию-монолог, но готовит презентации, предлагает темы своих курсовых и дипломных работ, сам выбирает место прохождения производственной практики, получает не только базовое, но и дополнительное высшее образование. Современный студент свободно высказывает свое мнение по многим вопросам организации университетской жизни, критикует и предлагает решения проблем.

Преподаватель вуза, от ассистента до профессора, должен прекрасно знать свой предмет и уметь донести эти знания студентам, постоянно повышать свое профессиональное мастерство, быть в курсе последних достижений науки, являться для студентов одновременно ученым, преподавателем, куратором, воспитателем, в идеале – образцом профессиональной коммуникации. Не так давно появилось понятие «универсальный учитель», которое в обобщенном значении можно употреблять и по отношению к вузовскому преподавателю. Предполагается, что «универсальный учитель (преподаватель)» должен уметь работать с любыми обучающимися, владеть одним или несколькими иностранными языками и использовать их в преподавательской практике, применять новейшие образовательные технологии в учебном процессе. В настоящее время многие вузовские преподаватели не соответствуют вышеперечисленным требованиям или выполняют их частично. Отечественные вузы также не в состоянии готовить таких «универсальных преподавателей». Это объясняется, во-первых, отсутствием современной материально-технической базы, во-вторых, доминированием традиционной системы обучения будущих

преподавательских кадров, достаточно консервативным подходом к профессиональной подготовке будущих специалистов со стороны самих вузовских преподавателей, в-третьих, мотивированными сомнениями в необходимости таких «универсалов» для вузов в самой вузовской корпоративной культуре.

Вузовский преподаватель сочетает в своей деятельности несколько предназначений. Он одновременно теоретик и практик, педагог и руководитель, консультант и советник. Преподаватель как доминирующий субъект профессиональной коммуникации на всех ее этапах – от начального, вводного в будущую профессию до завершающего практического закрепления полученных студентами общепрофессиональных и профессиональных компетенций в ходе практик – привлекает студентов прежде всего как специалист в узкой области знания. Без узкой специализации базовых субъектов вузовской профессиональной коммуникации качественная подготовка профессионалов невозможна, однако постоянное увеличение аудиторной нагрузки и сокращение штатного расписания в рамках оптимизации учебного процесса и количества учебных лабораторий делает такую подготовку весьма затруднительной.

На кафедре, выпускающей будущих профессионалов, должно быть оптимальное сочетание молодости и опыта, преподаватель должен в идеале трудиться на одном месте, что редко удается в наше время из-за несоответствия того, что должно быть, как должно быть организовано рабочее место преподавателя, какие должны быть условия труда, тому, что есть в действительности.

О непрестижности преподавательской деятельности наглядно свидетельствуют материалы опросов студентов. В ответах на вопрос о перечислении в убывающем порядке 6 профессий, по которым хотели бы работать студенты, профессии «преподаватель» и «учитель» постоянно называются последними в списке. Опрошенные нами выпускники Оксфорда, напротив, считают работу преподавателя и учителя престижной, рассылают резюме в вузы и школы и годами ждут вакансии! В последнее время отношение к деятельности учителя и перспективе работы в отечественной школе меняется из-за повышения зарплаты учителям, возможностям получения грантов и карьерного роста.

Современные студенты также неоднородны по мотивации, способностям, степени инфантильности, самостоятельности, социальной ак-

тивности, коммуникативным навыкам, уровню школьной подготовки и даже материальному положению, ограничивающему или расширяющему возможности приобретения профессиональных навыков и стажировок в зарубежных вузах. Большинство студентов поступает в высшее учебное заведение сразу после школы в возрасте 17 лет, что на год или два раньше первокурсников зарубежных вузов, зачастую плохо представляя будущую профессию и следуя совету родителей и знакомых.

Можно заменить умения и навыки компетенциями, можно и нужно преподавателей научить азам менеджмента, но должны быть и экономические стимулы для создания и поддержания оптимистичной, профессиональной, современной корпоративной вузовской среды и формирования будущего профессионала.

На базовом уровне профессиональной коммуникации в университете основные субъекты деятельности (преподаватель-студент) могут общаться и общаются не только в регламентированные расписанием часы на лекциях и практических занятиях. На семинарах и лекциях могут присутствовать студенты и преподаватели разных факультетов, а иногда и вузов, профессура на добровольных началах проводит спецсеминары, факультативные занятия для студентов и аспирантов, разрабатывает авторские курсы по выбору студентов, расширяя рамки университетских программ.

На кафедре теории языка успешно работает лаборатория межкультурных коммуникаций, возглавляемая профессором Л. А. Шкатовой. Студенты младших курсов участвуют в «научных посиделках», на которые приглашают преподавателей, аспирантов, докторантов и магистрантов, преподавателей разных научных направлений. Такую деятельность можно считать первой ступенью в создании и укреплении научных школ. Несколько лет действует семинар лингвистов-когнитологов Челябинской области, организованный профессором кафедры Е. И. Головановой. С. А. Питина и Е. В. Шелестюк, Е. Н. Квашнина руководят научной работой школьников, интересующихся проблемами межкультурной коммуникации, лексикологии, сопоставительных исследований. Доцент В. Э. Будейко ведет занятия по древнегреческому и церковнославянскому языкам для всех желающих, реализуя просветительскую функцию университетской деятельности, вовлекая широкие слои населения области в корпоративную культуру вуза.

Челябинскому государственному университету, по-нашему мнению, удалось за несколько десятилетий своего существования создать и сохранить демократичную корпоративную университетскую культуру общения лишь на базовом коммуникативном уровне, включающем ключевые первичные субъекты вузовской организационной культуры, то есть преподавателей и студентов.

На других уровнях профессионального взаимодействия субъектов в рамках корпоративной вузовской среды наблюдается подмена целей, задач и функций субъектов коммуникации, что проявляется в бюрократизации всех видов коммуникации, излишнем администрировании, временных ограничениях делового общения, переложении ответственности за результат любой деятельности на кафедры, то есть на преподавателей.

Количество вторичных субъектов профессиональной деятельности увеличивается каждый год. Возникают новые отделы и службы, появляются новые должности и инструкции. Университет все больше и больше напоминает вертикально структурированную организацию

с большой армией чиновников, в которой первичные субъекты общения служат простыми исполнителями многочисленных приказов, распоряжений и предписаний, а не воспитателями будущих профессионалов с высшим образованием. Так, 36 разделов Справочника телефонов ЧелГУ из 67 занимают отделы, которые лишь косвенно связаны с образовательной деятельностью.

Считаем, что успешное взаимодействие базовых субъектов профессионального вузовского общения возможно лишь при положительной динамике взаимодействия всех субъектов корпоративной культуры вуза.

Подчеркнем, что корпоративная культура вуза – понятие комплексное, постоянно меняющееся и развивающееся, требующее глубокого изучения и обобщения в рамках организационной лингвистики – нового направления лингвистики и коммуникативистики.

Список литературы

1. Справочник телефонов. – Челябинск: ЧелГУ, 2013. – 67 с.

Сведения об авторе

Питина Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
sap.pitina@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 94–96.*

PARTICIPANTS OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE UNIVERSITY CORPORATE CULTURE

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University. sap.pitina@rambler.ru

The article is aimed at realizing the agents of the corporate university culture. Professors and students are defined as the basic primary agents of professional communication. It is revealed that secondary agents dominate in modern corporate university culture.

Keywords: *corporate university culture, agents of professional communication, primary agents, secondary agents.*

References

1. *Spravochnik telefonov* [Telephone Directory]. Chelyabinsk, 2013. 67 p. (In Russ.).

УДК 811.161.1
ББК 81.2

Ю. Б. Савельева

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА (на материале словаря русских говоров Башкирии)

Описывается один пласт лексики русских говоров Башкирии – слова, характеризующие внешность человека. Анализируются этнолингвистические особенности этой лексики. Диалектные слова очень выразительны. Употребление существительных в роли предиката усиливает весомость того или иного признака. Дается классификация рассматриваемых слов, в особенности словообразования.

Ключевые слова: *русские говоры Башкирии, лексика, внешность человека, корневые морфемы, словообразование.*

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета работает над реализацией общероссийской программы «ЛАРНГ».

Материалом статьи являются диалектизмы, собранные в различных районах Башкирии. Предметом нашего анализа стали имена существительные, характеризующие человека по внешности.

По всероссийской «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка» собран материал более чем в 200 населенных пунктах Республики Башкортостан. На его основе созданы: «Атлас русских говоров Башкирии» (вышел несколькими изданиями) [8], а также «Словарь русских говоров Башкирии (А–Я)» [9].

В настоящее время в филологии наблюдается повышенное внимание к проблеме человеческой внешности, что вписывается в рамки антропоцентрической парадигмы. В фокусе внимания ученых находится не только человек с его внутренними началами (психологическими и духовными), но и человек физический [1].

Интерес к внешности пробудился у человечества на самых ранних этапах его развития. Первое впечатление о человеке в значительной степени зависит от того, как он выглядит. Все знают пословицу о том, что «по одежке встречают...», и почти две трети опрошенных россиян (64 %) подтвердили ее, сказав, что при знакомстве внешность человека влияет на их первое впечатление о нем.

В. М. Богуславский отмечает, что представления о внешности человека во взаимосвязи с его внутренним миром – ядро каждой нацио-

нальной культуры. Они формируются исторически из многих источников [3].

Оценка внешности – сложное концептуальное представление о человеке, включающее обыденное знание, сферы эстетических и эмоциональных представлений, морально-этических норм, национальной особенности психологии и культуры народа. Во многом эти представления опираются на исторически сложившиеся эталоны.

Исследователи отмечают, что внешность выступает, прежде всего, как объект зрительного чувственного восприятия, поэтому интуиция в оценке внешности играет едва ли не существенную роль, выступая в качестве первоосновы таких оценок [4].

О. В. Коротун в диссертационном исследовании «Образ-концепт внешний человек в русской языковой картине мира» обобщает данные лингвоантропологических описаний и делает вывод, что авторы специальных исследований и составители словарей в понятие «внешность человека» включают анатомические признаки: мимику, движения тела, жесты; другие элементы внешнего облика человека: голос, физическое состояние, походку, манеры, элементы гардероба [5].

Внешность – физическое отграничение и выражение внутреннего мира человека. С. Н. Яременко подчеркивает, что «внешность индивида», которая несет самую разнообразную информацию о нем самом, «имеет исключительное значение не только для социального окружения, но и для самого индивида. Ибо утрата каких-либо черт своего внешнего облика может восприниматься индивидом как

потеря своей самости, идентичности своего Я» [13. С. 48].

Следует подчеркнуть, что частнооценочные значения содержат в себе, помимо собственно оценочного компонента «хорошо / плохо», также указание на конкретные свойства объекта, то есть на основание оценки (например, полезный – утилитарное основание, добрый – морально-этическое основание, красивый – эстетическое основание). Именно этот структурный компонент оценочного значения берется обычно за основу в классификациях частнооценочных предикатов.

В языковом сознании человека, как и в окружающем мире, чувства и эмоции, события и явления с полярными знаками находятся в тесной взаимосвязи, немыслимы друг без друга.

По своей структуре оценочная лексика внешности человека делится на определенные группы, которые имеют определенные семантические особенности (красивый–некрасивый, молодой–старый, высокий–низкий).

Исследуемые нами слова составляют две группы: 1) группа с положительной оценкой; 2) группа с отрицательной оценкой. При этом группа с отрицательной оценкой составляет большую часть слов в речи носителей говоров, отличается эмоциональной насыщенностью, экспрессией, выразительностью.

Выделяются разные признаки, мотивирующие название человека. Вид человека, его особенности связываются с разными понятиями, предметами, а слово – с разными родственными словами.

Рассматриваются такие подгруппы, как: 1) красивый–некрасивый; 2) статный–нестатный; 3) аккуратный, опрятный – грязный, неаккуратный. При характеристике внешности используются различные корневые морфемы, указывающие на наличие или отсутствие красоты, привлекательности, опрятности. Рассмотрим их.

Корневые морфемы, указывающие на красоту/некрасивость человека:

-крас-а-. *Краса'ва*. О красивой девушке. *Она уш бол'на ба'скайа дефка – пряма красава* (Арх: И; Мел., Ишимб., Туйм.).

Краса'вень. Красавец. *Ну йесли краси'вый парен', скажут – краса'в'эн'* (Ишимб.).

Краса'вик. Красавец. *Ой краса'вик он! Фся деревня любуйеца!* (Белок.).

Краса'вка. Красавица. *Она краса'фка. Нравитца фсем* (Арх: И).

Красотуля. Красавец. *Красотуля, глас ни атарват'* (Туйм.).

Крася'вый. Красивый. *Крас'а'вайа дефка!* (Белор.).

Кра'сный. Красивый, прекрасный. *Дефка на лицо краснайа* (Бир: Пит, Ул).

Корневая основа -бас-а- (баса- «краса, красота, хорошество, пригожество, нарядность, изящество; украшение, наряд, украса, прикраса» [6. С. 99]).

Басе'на. Красавица. *Ну басе'на, красавица!* (Белок.).

Ба'ский. Красивый. *Ба'ский он, красивый* (Туйм., Бир: Петр, Пит).

Баско'й. Красивый. *Баско'й – красивый, значит* (Киг., Белок.).

Ба'стен'кий. Красивый. *Кол'ка-т'ь ба'стен'кий какой стал, кр'сату'ля* (Туйм.).

Небаско'й. Некрасивый, нескладный. *Ох и пл'юга'вый! Нибаско'й прям* (Киг., Белок.).

-писан- (писанка (на санскрите «писанга») означает «красивый, яркий» [6. С. 596]).

Писаночка. Красавица. *Писа'н'ч'ка дефка* (Дув: С; Белеб: Н; Туйм.).

Пи'санный. Красивый. *Он такой красивый, писанный, скажут* (Туйм.).

-гож- («гожий – годный, пригодный» [6. С. 174]).

Пригожа'йка. Красивая девушка. *Приг'жа'йка она, красивайа* (Арх: И).

Го'жий. Красивый. *Он го'ж'ый, вес' в отца пошол. Тот тожэ красивый был* (Киг., Белок., Зил).

-хорош- («хороший – лепый, красный, прекрасный, красивый, красовитый, басистый, баской, видный, взрачный, казистый, приглядный, пригожий, статный, нравный на вид, по наружности» [6. С. 798]).

Хоро'ший. Красивый человек. *Он харо'ший. Красивый* (Арх: И).

Хороша'вый. Красивый. *Х'раша'вый, красивый значит* (Киг., Белок.).

-бархот- (бархат – «шелковая ткань с короткой, стриженной, густой ворсою» [6. С. 98]).

Бархо'тка. О молодой красивой девушке. *Йета бархотка приежжат к нам. Вот эти бархотки пришли, д'ь прокалякали до двух чясоф* (Куш: А).

-краль- («кряля – видная, красивая женщина, красно убранная» [6. С. 464]).

Кра'ля. О красивой девушке. *Ну йесли краси'вайа дефка, скажут – кра'ля* (Ишимб.).

-пав- («пава – в сравнениях о женщине с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой (разг.)»); птица [6. С. 579]).

Па'ва. Красивая девушка. *Па'ва идет, красивайа значьт. Па'вушка* (Белор., Ишимб.).

-брав- (в словаре Даля «бравый» – «осанистый, видный, молодеватый, красивый»).

Бра'вый. Красивый, видный. *Дефка уш бол'на бравайа* (Уф: Ш).

-выт- (в словаре Даля «вытный» – «рослый, здоровый, дюжий; взрослый, возрастной, вошедший во все года»).

Вы'тный. Красивый, хороший, аккуратный. *Вы'тный он, ра'жый- красивый!* (Туйм., Бир: Петр, Пит).

-лад- (в словаре Даля «ладный» – «годный, путный, хороший, гожий»).

Ла'дный. Красивый. *Валерка ла'дный, а жэнуни найдет фсе* (Мел., Фед., Зил., Ишимб.).

-маз- (в словаре Даля «смазливый» – «пригоженький, хорошенький лицом»). *Мазли'вый* Красивый. *Ох, мазли'вый был! Фсе влюблялис'* (Мел).

-раж- (в словаре Даля «ражий» – «крепкий, плотный, здоровый, сильный; хороший, годный; видный, красивый»).

Ра'жий. Красивый. *Вы'тный он, ра'жий – прям красивый, собака!* (Туйм., Бир: Петр, Пит).

-оказ- (в словаре Даля «казистый» – «видный, красивый»).

Ока'зистый. Красивый. *Хараша'вый, оказистый – красивый значит* (Киг., Белок.).

-гляд- (в словаре Ефремовой «приглядный» – «привлекательный на вид, приятный, красивый» [7. С. 180]).

Пригля'дный. Красивый. *Он пригля'дный – красивый* (Ишимб.).

-ерахт- (у А. Н. Афанасьева «ерахта» – «черт» [2. С. 34]; в словаре Фасмера «ера» – «задира, забияка, бродяга» [12. С. 204]).

Ерахта'. 2. ж., перен. О неприглядной, страшной женщине. *И чево он в йей нашол, йерахта вет', йерахта страшна* (Бир: Баз).

-страхолюд- (страхолюд, пугало; южн. страхопуд м. (страх и пудить, пужать) [6. С. 654]).

Страхолю'дина. Страшный человек. *Верка ох и страхолю'дина!* (Туйм., Белеб.).

-благ- (благий или благой, выражает два противоположных качества: церк. стар., а частью и ныне: добрый, хороший, путный, полезный, добродетельный, доблестный; в просторечии же: благой, злой, сердитый, упрямый, упорный, своенравный, неугомонный, беспокойный; дурной, тяжелый, неудобный [6. С. 145]).

Благо'й. 2. Некрасивый (чаще лицом) человек. *Дефка у их бол'но благайа* (Благовещ: Н). *Хороша дефка, дь тол'къ благайа* (Белеб: Н).

-гнедокар-:

Гнедока'рий. Некрасивый (о человеке). *Йе-жэли человек некрасивый бол'нь, смуглой, называм гнедокарий* (Бир: Петр).

-гляд- (невзглядный, -ность калужск. смол. невзрачный, -ность; неказистый, -тость [6. С. 165]). *Невзгля'дный*. Некрасивый, невзрачный. *Он нивзгл'я'дный софсем* (Ишимб.).

-взор- (невзора об. невзорный, невзрачный, невидный, непригожий, неказистый, некрасивый, невзглядный; не много обещающий, по наружности [6. С. 172]).

Невзо'рый. Некрасивый, невзрачный. *Вас'ка невзо'рый, а дефкам нравица*. (Ишимб.).

-вид- (невидный- невзрачный, неказистый, некрасивый на взгляд [6. С. 174]).

Неви'дный. Некрасивый. *Он софсем неви'дный был* (Аур.).

-ряд- (изрядный- из ряду вон хороший, отличный, превосходный [6. С. 598]).

Неузря'дный. Некрасивый. *Она неузря'днайа, никрасивайа* (Ишимб.).

-суразн- (несуразный, несуразый, несуражий, кур. несурожий, некрасивый, неказистый, безобразный, неуклюжий, нестатный, нескладный; неугомонный, несговорчивый, упрямый, вздорный [6. С. 678]).

Несура'зный. Некрасивый. *Он нисура'зный, никрасивый* (Киг.).

-плюгав-:

Плюга'вый. Страшный, некрасивый. *Ох и пл'юга'вый! Страшный прям* (Киг.).

Корневые морфемы, указывающие на человека с хорошим/плохим телосложением:

-лад-:

Ла'дный. Стройный. *Вофка ла'дный, стройный* (Мел., Фед., Зил., Ишимб.).

-несуразн-:

Несура'зный. Нескладный. *Он нисура'зный какой-та. Нискладный* (Киг.).

Корневые морфемы, указывающие на опрятного, чистого/неопрятного, грязного человека:

-ферс- («ферзь» – «шахматная фигура» [6. С. 745]).

Фе'рзик и Фе'рзик. О красивом, представительном человеке. *Любкин муш- вон какой фе'зик! А она страшыла* (Зил.).

-брав- (в словаре Ожегова «бравый» – мужественный и молодеватый» [10. С. 129]).

Бра'вый. Красивый, видный. *Дефка уш бол'на бравайа* (Уф: Ш).

-выт- (в словаре Даля «вытный» – «рослый, здоровый, дюжий; взрослый, возрастной, вошедший во все года»).

Вы'тный. Красивый, хороший, аккуратный. *Вы'тный он, ра'жый- красивый!* (Туйм., Бир: Петр, Пит).

-куль- (в словаре Даля «куль» – «рогожный мешок; из мочал ткуются, на стоячем станке, рогожи, а из рогож шьются кули. Неуклюжий, неповоротливый человек»).

Куле'ма. О неуклюжем, неопрятном человеке. *Кул'о'ма, уродина она* (Фед., Белор., Зил.; Куш: А; Бир: Ос, Пит; Мел: В; Киг).

Некуле'ма. О неопрятном, небрежно одетом человеке. *Он ходит грязный, никул'ома* (Бир: Калинин).

Кульмя'к. перен. О небрежно одетом, грязном человеке. (Бир: Петр, Пит, Ч; Куш: А) + *кульмяком ходить. Ходить небрежно одетым, грязным. Што ты кул'мяком какем ходиши?* (Куш: А; Бир: Г, Петр, Пит, Ч).

-гряз-: *Грязнома'зый.* О грязном человеке. *Ты гр'азнъмазый как свин'я.* (Белок.).

Грязня'вий. О грязном человеке. *И где так вып'чкался? Гр'азнявий* (Туйм.)

-акуля-: *Аку'ля.* 2. О неаккуратном, неопрятном человеке. *Ну акуля, сроду у йей ноги грязны* (Куш: А).

В том же знач. Окуля.

-апа-: заимст. из тат. «татарка».

Апа'йка. Обычно сказ., в сравн. обор. О некрасиво, неопрятно одетой женщине. *Нюрка у них ходит чисть апайка* (Бир: Петр). *Ну, вырядил ас' как апайка* (Уф: Ш). *Оденетца ровно апайка и ходит* [о дочери] (Мел: В).

-арап- (в словаре Даля «по природе, по племени чернокожий, чернотелый человек жарких стран»).

Ара'п. Сравн. об. Грязный, чумазый человек (чаще о ребенке).

Сроду как арап бегът (Куш: А; Бир: Пит).

-арест-:

Ареста'н. 2. Об оборванном, грязном человеке. *Што ты как арестан ходиши* (Караид: Б). *Прямы арестаны, итаноф ниньпаснайя на их* (Куш: А).

-балахон-: балахон – «мешкообразное верхнее платье; пыльник» (Словарь Даля).

Балахо'ня. Человек в длинной, плохого покроя одежде (в балахоне). *Куды и ты йедыка б'лахо-ня пойдеи? Наден'красна плат'я* (Куш: А).

-беспел- (в словаре Даля «беспелюха» – «рохла, неряха, разиня, бестолковый, развисляй», «пелька» – «часть одежды, закрывающая грудь (Пск.)»).

Беспелю'ха и биспилю'ха. Неодобр. Неопрятная женщина, неаккуратная, неряха. У

йей в ызбе гряс', така беспелюха (Бир: Сим; Бир: Баз; Бир: Кр, Мор, Петр, Пит, Покр, Сим; Куш: А).

-висл- (в словаре Даля «висляй» – «сорванец, повеса, озорник»).

Висля'й, висля'иха. Неопрятный, нерасторопный человек. *Какой висляй, глядет' не хочетца* (Бир: Петр).

-задрип- (в словаре Даля «задрепать» – «затаскать до грязи, измарать»).

Задри'панец. О неаккуратном, плохо одетом человеке. *Ну че ты как задрипанец ходиши? Оден'ся нормал'нь* (Белок.).

-замухр-: мухрый – «невзрачный» (словарь В. И. Даля).

Замухря'йка. О плохо одетом человеке. *Замухряйка така- бутто одет' нечева* (Мел.).

-зауринанк- (уринник – «сосуд для мочи» [б. С. 203]).

Заурина'нка. О грязном, чумазом человеке. *Заурина'нка она.* (Зил.)

-гвазд- (в словаре Даля «Гвазда об. гваздун м. гваздунья ж. пачкун, пачколя, неопрятный человек». Гваздать – «марать, пачкать»).

Гва'зда. О грязном, чумазом человеке. *Гва'зда она, чюмазайя фся* (Зил.).

-лах- («лахман, лохма. ж. южн. зап. пск. лохмы, лохмотья мн. лохмотье ср. собирает. клочья, лоскутья, тряпье, ветошь, отеребь, отрепье, рублище; мохры, космы, обвислые клочья» [б. С. 499]).

Лаху'дра. О неуклюжем, неопрятном человеке. *Она грязнайя. Лаху'дра кака-то* (Бир: Ос, Петр, Сим, Калинин; Кам: Л; Караид: Б; Куш: А; Стерлит: Пр).

-лоск- («Лоскутье – рваная одежда» [б. С. 524]).

Лоскомо'ня. О грязном, неумытом человеке. *Вот йа сечяс лоскомо'ней сидела, в грязной кофте* (Бир: Сим).

-лох- (лохань – «обручная посуда, мелкая, круглая или долгая, с ушами, иногда на ножках, для стирки белья, мытья посуды, разноски живой рыбы» [б. С. 533]).

Лоха'нка. О грязном, неумытом человеке. *Вот йа лоха'нкый сидела. Грязнайя* (Бир: Сим).

-ляпс- (ляпать – «делать грубо, аляповато» [б. С. 578]).

Ля'пса. О грязном, неумытом человеке. *Кака ля'пса- гр'изнул'я* (Бир: Сим).

-охряп- («Охрепа ср. вост.-сиб. неопрятный, грязный оборванец (должно быть, в связи с охредь, охребетье, охряпа и пр.); охра – глинястая земля»).

Неохря'пка. О грязном, неопрятном человеке. *Вон кака ниахряпка ходит, кулема. Неахряпка – еть ньяпрятн'яа, ниубр'н'яа* (Байм: Б).

-неуклюж- (в словаре Даля неуклюжий – «вор. неукловырный, нескладный, нестройный, аляповатый, грубый, топорный; или мужиковатый, неловкий»).

Неуклю'жа. О неуклюжем, неопрятном человеке. *Ниукл'ю'жа, уродина она* (Фед., Белор., Зил.; Куш: А; Бир: Ос, Пит; Мел: В).

-обихож-:

Необихо'жсий. Неопрятный. *Ты сафсем ниабихожсий* (Бир: Пит).

-отымалк- (отымалка ж. грязная, неопрятная женщина, грязнуха; кухонная тряпка).

Отымалка. О грязном, неумытом человеке. *Она ниумытайа бегайт как атыма'лка* (Бир: Сим).

-понаур-:

Понаур'ра. О человеке, одетом без вкуса. *Йесли у человека одежда хороша, а одета не скромно, бес фкуса, говорят: как понаура срядилас'* (Бир: Баз).

-самрях- (Самряк, грезенец пск. Скотопрмышленник [б. С. 632]).

Самря'ха. Неряшливый человек, грязнуля. *Па чьтыри платка носишь, фсе рьскидала, самря'ха* (Бак: Н; Бир: Баз, Пит).

-чумаз- (Чумазый – черный, грязный, замаранный (замазанный), запачканный, нечистый; неопрятный / Чумаза, чумазка об. чумазик, чумазлай м. чумазлайка, чумазиха ж. грязнушка, чумичка, замарашка; неумоя, неумывака [б. С. 812]).

Чумази'ха, чума'за. О грязном человеке. *Ох ты и чюмаза! Грязнайа фся* (Киг.).

Зачума'зый. Грязный человек. *Грязный, зачюмазый какой! Иди мыца.* (Киг.).

-склад- (Нескладный – в чем или в ком нет складу, сложения, стати, статного образа; нестатный, неуклюжий, безобразный, некрасивый, по несоразмерности частей своих [б. С. 641]).

Скла'дненький. Красивый (Бир: Пит).

Нескла'дный. Безвкусно, плохо, нескромно одетый. Белеб: Н; Калт: Л; Караид: Б.

Нескладу'ха. 2. О плохо одетой женщине. *Ньскладуха – ничево хорошьва на йей нет* (Бир: Пит).

Названия человека связываются с различными понятиями, предметами, действиями.

Схематически эту связь можно представить в виде таблицы (см. ниже).

Среди способов словообразования наиболее распространенным является суффиксальный [11].

Корневые морфемы	Внешне красивый	Внешне некрасивый	С хорошим телосложением	С плохим телосложением	Опрятный, чистый	Неопрятно, плохо одетый
Названия, связанные с понятиями						
Бас-	<i>Басе'на Ба'ский Баско'й Ба'стенский</i>	<i>Небаско'й</i>				
Благ-		<i>Благой</i>				
Брав-	<i>Бра'вый</i>				<i>Бра'вый</i>	
Взгляд-		<i>Невзгля'дный</i>				
Взор-		<i>Невзо'рый</i>				
Вид-		<i>Неви'дный</i>				
Выт-	<i>Вы'тный</i>				<i>Вы'тный</i>	
Гляд-	<i>Пригля'дный</i>					
Гнедокар-		<i>Гнедока'рий</i>				
Гож-	<i>Пригожа'йка Го'жий</i>					
Гряз-						<i>Грязнома'зый Грязня'вый</i>
Крас-	<i>Краса'ва Краса'вень, Краса'вик Краса'вка Красоту'ля Крася'вый Красный</i>					

Лад-	<i>Ла'дный</i>		<i>Ла'дный</i>			
Маз-	<i>Мазли'вый</i>					
Несураз-		<i>Несура'зный</i>		<i>Несура'зный</i>		
Неуклюж-						<i>Неуклю'жа</i>
Оказ-	<i>Ока'зистый</i>					
Писан-	<i>Писаночка</i> <i>Пи'санный</i>					
Плюгав-		<i>Плюга'вый</i>				
Раж-	<i>Ра'жий</i>					
Ряд-		<i>Неизря'дный</i>				
Самрях-						<i>Самря'ха</i>
Страхолуд-		<i>Страхолю'дина</i>				
Склад-						<i>Нескла'дный</i> <i>Нескладу'ха</i>
Хорош-	<i>Хоро'ший</i> <i>Хороша'вый</i>					
Чумаз-						<i>Зачума'зый</i> <i>Чумази'ха</i>
Названия, связанные с одушевленными предметами						
Акуля-						<i>Аку'ля</i>
Апа-						<i>Апа'йка</i>
Арап-						<i>Ара'п</i>
Арест-						<i>Ареста'н</i>
Ерахт-		<i>Ерахта'</i>				
Замухр-						<i>Замухря'йка</i>
Зауринанк-						<i>Заурина'нка</i>
Краль-	<i>Кра'ля</i>					
Пав-	<i>Па'ва</i>					
Понаур-						<i>Понау'ра</i>
Названия, обозначающие неодушевленные предметы						
Бархот-	<i>Бархо'тка</i>					
Балахон-						<i>Балахо'ня</i>
Беспел-						<i>Беспелю'ха</i>
-Куль-						<i>Куле'ма</i> <i>Некуле'ма</i> <i>Кульмя'к</i>
Лах-						<i>Лаху'дра</i>
Лоском-						<i>Лоскомо'ня</i>
Лох-						<i>Лоханка</i>
Отымалк-						<i>Отымалка</i>
Охряп-						<i>Неохря'пка</i>
Ферс-	<i>Фе'рсик</i>			<i>Фе'рсик</i>		
Названия, связанные с действием						
Висл-						<i>Висля'й</i>
Гвазд-						<i>Гва'зда</i>
Задрип-						<i>Задри'панец</i>
Ляпс-						<i>Ляпса</i>
Обихож-						<i>Необихо'жий</i>

Используются суффиксы, характерные и для современного русского литературного языка:

-к- : *Ба'ский*
Баско'й
Бархо'тка
Апа'йка
Лоханка
 -н-
Красный
Вы'тный
Ла'дный
 -ан-
Пи'санный
Ареста'н
 -ан- + -очк-
Писаночка
 -ик-
Фе'рсик
 -лив-
Мазли'вый
 -ист-
Ока'зистый
 -ав-
Хороша'вый
 -ен-
Басе'на
 -ав-ень-
Краса'вень
 -ав-ик-
Краса'вик
 -ан + -ец-
Задри'панец
 В словообразовании участвуют суффиксы, более характерные для диалектного языка:
 -теньк-
Ба'стенкий
 -ем-
Куле'ма
 -мяк-
Кульмя'к
 -яв-
Крася'вый
 -н-яв-
Грязня'вый
 -юх-
Беспелю'ха
 -яй-
Висля'й
 -яйк-
Замухря'йка
 -удр-
Лаху'дра
 -их-
Чумази'ха

Приставочно-суффиксальный способ.

В данном способе словообразования наблюдается использование характерных для современного русского литературного языка приставок совместно с различными суффиксами.

Не- + -к-

Небаско'й

Не-+ -ем-

Некуле'ма

Не- + -н-

Неви'дный

Нескла'дный

Не- + -ух-

Нескладу'ха

-Неиз- + -н-

Неизря'дный

При- + -н-

Пригля'дный

При - + -айк-

Пригожа'йка

Приставочный способ.

Здесь используются приставки, довольно распространенные в современном русском литературном языке.

За-

Зачума'зый

Не-

Невзо'рый

Сложение основ.

Грязнома'зый

Страхолю'дина

Как показывает материал, слова, характеризующие названия человека, связаны с такими понятиями, как: красота, хорошества, чистота (краса-, баса-, писан-, склад-); с предметами неодушевленными (кульмяк, балахоня, лахудра, лоханка, отымалка), с предметами одушевленными (арап, арестан, апайка), с действием (необихожий – уход, обиход). Наблюдается использование заимствованных слов (апайка).

Словообразование в русских говорах Башкирии несколько отличается от литературного: отмечено частое употребление суффиксов, редко встречающихся в современном литературном языке, их употребление с распространенными в русском языке приставками.

Вышеуказанные примеры демонстрируют богатство диалектной лексики. Она дает бесценный и неисчерпаемый материал для понимания природы языка, законов его развития, возможностей и способов отражения в нем народной культуры.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999. – 424 с.
2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – М., 1982. – 84 с.
3. Богуславский, В. М. Оценка внешности человека / В. М. Богуславский. – М., 2004. – 256 с.
4. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – М., 1978. – 367 с.
5. Коротун, О. В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира : автореф. ... дис. канд. филол. наук / О. В. Коротун. – Омск, 2002. – С. 101–104.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб., 1909. – 812 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М., 1996. – 1233 с.
8. Здобнова, З. П. Атлас русских говоров Башкирии в 2-х частях / З. П. Здобнова. – Уфа, 2004. – 182 с.
9. Здобнова, З. П. Словарь русских говоров Башкирии (А–Я) / З. П. Здобнова. – Уфа, 2008. – 406 с.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 2010. – 736 с.
11. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах / А. Н. Тихонов. – М., 1985. – 884 с.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 2948 с.
13. Яременко, С. Н. Внешность человека в культуре / С. Н. Яременко. – Ростов н/Д., 1992. – 151 с.

Сведения об авторе

Савельева Юлия Борисовна – аспирант Башкирского государственного университета (Уфа).
smilejulk@rambler.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 97–105.*

DIALECT LEXIC CHARACTERIZING APPEARANCE OF A MAN (based on the dictionary of Russian dialects Bashkiria)

Y. B. Saveljeva

Bashkir State University. smilejulk@rambler.ru

The article is devoted to learning of one layer the lexics of the Russian dialects in Bashkortostan-words, characterizing human.

Ethnolinguistic features of this lexics are analyzed. Dialectical words are very expressive. The usage of nouns in the role of the predicate intensifies the sheet of some indication. Classification of the words and features of word- formation are given.

Dialectisms are the material of the article, which were collected in different regions of Bashkiria. The subject is nouns, characterized mans appearance.

It is the important federal and regional scientific theme. Valuative lexics of mans appearance in its structure divided into definite groups which have definite semantic features (beautiful- unattractive, young- old, tall- low).

Studying words form have two groups: 1) the group with positive valuation, 2) the group with negative valuation. Different signs are shared out, motivated the name of man. The appearance of man, its features are connected with different concepts, subjects, the word is connected with related words.

Such groups as 1) attractive- unattractive, 2) stately- unstately, 3) neat- dirty, untidy are looked through. Different root- morphemes are used in characteristics of appearance, pointing out the presence or absence of beauty, attraction, neat.

Keywords: *dialect, a man, an appearance, root morphemes, word-formation.*

References

1. Arutyunova N.D. Vvedenie [Introduction]. *Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of language. The image of man in culture and language]. M., 1999. 424 p. (In Russ.).
2. Afanas'ev A.N. *Narodnye russkie skazki* [Russian Fairy Tales]. Moscow, 1982. 84 p. (In Russ.).
3. Boguslavskij V.M. *Otsenka vneshnosti cheloveka* [Assessment of a person's appearance]. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.).
4. Kon I.S. *Otkrytie «YA»* [Opening of the "I"]. Moscow, 1978. 367 p. (In Russ.).
5. Korotun O.V. *Obraz-kontsept «vneshnij chelovek» v russkoj yazykovej kartine mira* [Image of the concept of "external people" in Russian language picture of the world]. Omsk, 2002. Pp. 101–104. (In Russ.).
6. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Saint Petersburg, 1909. 812 p. (In Russ.).
7. Efremova T.F. *Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of word-forming units of the Russian language]. Moscow, 1996. 1233 p. (In Russ.).
8. Zdobnova Z.P. *Atlas russkikh govorov Bashkirii v 2-kh chastyakh* [Atlas of Russian dialects Bashkiria in 2 parts]. Ufa, 2004. 182 p. (In Russ.).
9. Zdobnova Z.P. *Slovar' russkikh govorov Bashkirii (A-YA)* [Dictionary of Russian dialects Bashkiria (AZ)]. Ufa, 2008. 406 p. (In Russ.).
10. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow, 2010. 736 p. (In Russ.).
11. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka v dvukh tomakh* [Word-formation Dictionary of Russian language in two volumes]. Moscow, 1985. 884 p. (In Russ.).
12. Fasmer M. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. Moscow, 1986. 2948 p. (In Russ.).
13. Yaremenko S.N. *Vneshnost' cheloveka v kul'ture* [Physical person in the culture]. Rostov-on-Don, 1992. 151 p. (In Russ.).

УДК 821.161.1.09 «1917/1991»
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Е. А. Селютина

ЖЕНСКОЕ СЛОВО КАК СЛОВО ПРОТАГОНИСТА: АКТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА В СЮЖЕТОЛОГИИ ДРАМЫ (на материале пьесы А. Зензинова «Детей держите за руки или на руках»)

В современном искусстве происходит усиление активной роли социокультурной среды в процессе смыслопорождения текста. Женский дискурс формируется в результате победы женского начала, женское слово оказывается значимее мужского в формировании жизненных стратегий современного человека. В пьесе А. Зензинова представлена лексическая формула «женской среды», где нарратив автора перекликается с квазидialogами условных персонажей.

Ключевые слова: женское слово, гендер, коммуникативные практики, современная драма, А. Зензинов.

В актуальном современном искусстве авторы все чаще обращаются к гендерным проблемам. И если в двадцатом веке авторы скорее задавались вопросом, кто победит: мужчина или женщина – то сегодня через утверждение женского дискурса как дискурса победителя творцы предлагают посмотреть на результат подобной расстановки сил. В пьесе А. Зензинова «Детей держите за руки или на руках» (2013) женский мир, созданный путем подробного анализа коммуникативных возможностей современной женщины, прописан как множество вариантов жизненных сюжетов, разворачивающихся в заданных обстоятельствах. Пользуясь определенной сюжетной схемой, характерной для жанров массовой литературы, в частности, для криминальной драмы и «мещанского» романа, Зензинов суммирует результат женской победы. Здесь речь не может идти только о том, что, активно используя субстандартную лексику, автор добивается достоверности в создании современных женских персонажей, естественно, не имеющих возможности говорить на рафинированном языке условной «барышни». В данном случае тот, кто больше говорит, оказывается тем, кто принимает решения, как вульгарно они не были бы оформлены в языковом плане: нарратив представляет способ идентификации личности («ДЕВУШКА-АНИМАТОР: Я люблю тебя, мудила. АНЖЕЛА: Вот стерва. Я вчера видела, она в машину с турком садилась» [3]).

В произведении конфликт создают женщины, и именно феминный дискурс представляет ее проблемный уровень. И дело тут не в количестве женских персонажей по отношению к мужским

(в пьесе этот вопрос решается вполне справедливо – одиннадцать женских персонажей, десять мужских), просто протагонистами современной жизни, по мнению автора, являются женщины, и именно они решают «что делать».

В основе пьесы «Детей держите за руки или на руках» лежит сюжетология «жестокоего» (мещанского) романа, предполагающего определенный набор сюжетных перипетий, решаемых в мелодраматическом или трагедийном ключе: конфликт обнаруживается чаще всего внутри семейной или любовной истории, любовного треугольника. Как следствие: ревность, пролитая кровь (убийство или самоубийство) и т. п. Отсюда и соответствующая топики (кладбище, улица, кабак и т. п.), являющаяся следствием художественного преобразования той среды, из которой городской романс вышел. Снижающе-прозаическая лексика представляет реальность небольшого провинциального городка.

Именно фон в произведении показателен для анализа условий, породивших преступление: ремарки создают авторский нарратив через систему повторов. Это доминирующая среда жизненного опыта персонажей, его лексическая формула, обуславливающая наше отношение к происходящему. Мы видим усиление активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопорождения текста. Автор активно пользуется однородными членами различного типа, разворачивающимися компоненты предметного мира произведения. В данном случае мы имеем дело с особым способом организации меток-ориентиров акта высказывания: автор представляет нам некую доминанту вещного мира, затем распа-

дающуюся на ряд лексем, уточняющих ее (см., например, сцену с сумочкой Сони: «Соня подходит к Мише, хочет его обнять. Косметичка открывается. Из косметички на пол валяются: крем для рук, крем для лица, тушь, карандаш для губ, карандаш для глаз, карандаш для бровей, зеркало, щипчики для бровей, тональный крем, пудра, подводка для глаз, губная помада, влажные салфетки, бумажные носовые платки, ватные диски, ватные палочки, аппликаторы, закрутка для ресниц, расческа для ресниц, расческа для бровей, расческа, лак для ногтей, жидкость для снятия лака для ногтей, термальная вода и упаковка таблеток» [3]).

Драматические столкновения представлены на примере социальной среды, четко оформленной в языковом плане: действие разворачивается в условной средней провинции, городе Уснигороде (в ремарках описание города дается через образ провинциального российского кладбища – это «сонный» город, в котором все кладбищем, так или иначе, заканчивается: «Кладбище провинциального русского города. Могилы, могилы, могилы – кресты металлические, кресты деревянные, памятники из мрамора и мраморной крошки, белые, серые, кирпичного цвета, с фотографиями зарытых в землю людей и без фотографий, с фамилией-именем-отчеством и датами рождения и смерти. На кладбище много берез, листва уже пожелтела, так что даже на самых убогих, самых забытых могилах лежит золотой отсвет первоначальной осени» [3]), а также в условной курортной Турции («Набережная приморского города: слева песок и волны, справа – рестораны, кафе, пиццерии, магазинчики, обменники и туристические фирмы. Под вывеской, на которой написано: «МЫ ВАС ПОШЛЕМ... ПОЕЗАКИ В СТАМБУЛ И ЭФЕС, ЕГИПЕТ И ИЗРАИЛЬ» (крупная буква «А» вместо «Д»)) стоит турок, похожий на линялого Сергея Довлатова» [3]). Автор стремится максимально типизировать своих персонажей, создавая для них и типическую среду (обстоятельства), повторяя некий набор устойчивых лексем. Действие занимает пятнадцать месяцев, автор предлагает проследить все этапы истории («ТИТР: ПЯТНАДЦАТЬЮ МЕСЯЦАМИ РАНЬШЕ», «ТИТР: ТРИНАДЦАТЬЮ МЕСЯЦАМИ РАНЬШЕ» и так далее до «НАШИ ДНИ» [3]).

Все женщины в произведении – преступницы, решительные и бескомпромиссные, способные протестовать против обстоятельств и норм морали. Например, о прошлом Сони –

матери девушек – мы узнаем от призрака их отца, который сообщает, что был фактически убит женой и ее любовником (отравлен алкоголем). Соня сама говорит о себе, как могла бы выразиться Катерина Измайлова, живи она в наше время: «Я говорю, нет, интеллигентная женщина – это я напоказ, это все фотошоп, а исходник-то мой – русская баба» [3].

Героини как будто протестуют против самой сути характеров драмы, где они обязаны быть «не столь исключительными» [2. С. 102]. Дочери Сони, Надя и Люба – амбивалентные персонажи, существующие как отражение страстей и амбиций их матери, включенные в ее личную любовную историю, которые в итоге перенимают ее функцию в решении конфликта и совершают убийство. Не случайно их моральная лабильность подчеркивается почти ренессансными сценами: Надя, только что собирающаяся заколоть Мишу, уже занимается с ним страстным сексом, а Люба, ухаживающая вместе с бойфрендом за могилой отца, после разговора с отцом отправляется с Давидиком в ближайшие кусты для легкого «перепиха».

Скука и тоска жизни по-прежнему являются главными катализаторами преступлений, заставляющими провоцировать мужчин на ревность и т. п. (вспомним здесь «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова и мотивы преступлений Катерины). Не случайно в восьмой картине Миша пересказывает Наде сюжет популярного сериала «Во все тяжкие» («Breaking Bad») – американский телесериал, созданный Винсом Гиллиганом): «МИША: Я скачал первую часть пятого сезона «Breaking Bad». Держат планку чуваки, не снижая. Просто охренительно. НАДЯ: Ты вообще собираешься возвращаться? МИША: Все уже как-то слегонца подзабыли, что у мистера Уайта неоперабельный рак, там уже другая логика событий, понимаешь. Он рушит, рушит, просто рушит все вокруг, это такой драйв и как-то очень по-русски. Хочешь посмотреть?» [3]. Хочется жизни, как в кино, именно пуститься «во все тяжкие». Автор показывает, что герои, мечтающие о новой жизни, интересном будущем, обитают в жизни, где грязно, скучно и однообразно.

Героини жаждут и «шекспировых» страстей, и чуда в обычной жизни, а жизнь – один Уснигород: «АНЖЕЛА: Клеопатра с любовниками купалась, сразу с тремя, прикинь? Омолодимся и на том же автобусе в Эфес, в дом Богородицы. Там прикольно, мне Ленка рассказывала. Она ездила в прошлом году,

она вообще такая боговерная. Говорит, был сильный пожар, леса горели и огонь подошел прямо к дому Богородицы. Все вокруг сгорело, такой пепел вокруг, угли, головешки, а дом стоит нетронутый. И папа Римский после этого туда тоже поехал и молился в этом доме. Ленка говорила, туда совсем-совсем безнадежных больных привозят и они исцеляются. А я думаю, фокусы все, чтобы больше туристов. Не знаю, Ленка верит, ее прямо трусит всю, когда про чудеса говорит. А я вот была в Питере, пошла с ней на могилку Ксении Петербургской. Там часовня, надо ее обойти три раза, и попросить у Ксении главное желание, и тогда все сбудется. Два года прошло, чего-то не сбывается пока» [3]; «ЛЮБА: Жалко, не подрались. Люблю, когда мальчики друг другу чистят баннеры. Миша бы его уделал. Бы. Правда, Миша. НАДЯ: Я бы лично поставила на Мустафу» [3].

Жанр драмы уже изначально предполагает сложность в определении эмоциональной доминанты (в драме «герои из самой различной среды имели право на трагизм и могли быть одинаково осмеяны, сочетались пафос и сентиментальность с шутовством и тривиальностью» [2. С. 407]), поэтому и вопрос сочувствия, сопереживания решается здесь неоднозначно («В отличие от трагедии, драма не завершается катарсисом» [1]). Кроме того, в экспозиции преступницы отрицают свою вину и не понимают, за что их обвиняют («Зал судебных заседаний. ОТЧЕНАШ: Подсудимая Левченко Надежда, встаньте! Надя встает. ОТЧЕНАШ: Вам понятна суть предъявленных обвинений? НАДЯ: Да, понятна. ОТЧЕНАШ: Вы признаете себя виновной? НАДЯ: Нет, не признаю. <...> ОТЧЕНАШ: Признаете себя виновной? ЛЮБА: Я не хотела. ОТЧЕНАШ: Виновной себя признаете? Люба качает головой, сначала утвердительно, потом отрицательно» [3].

Главных героинь проясняет ряд условных персонажей, своеобразный женский хор, показывающий множественность наполнения среды действия в пьесе: «Первая женщина в бухгалтерии, она же Первая женщина в кафе, она же Первая женщина в клинике, она же Первая женщина в очереди, 33 года» [3]. Автор вводит обобщенных персонажей («матрешки», как их называет главная героиня Соня), которые работают в офисе, сидят в кафе вместе с Надей и Любой, стоят в очереди в храм вместе с Анжелой, подругой Сони. Этот условный «хор несчастливых» показывает, от чего бежит семья Горбуновых-Левченко, и чему они сопротивля-

ются: «ОЛЯ: Я хочу жить в маленьком городе, я хочу танцевать ирландские танцы, я хочу, чтобы не было двух могил на заволжском кладбище, я хочу носить длинную юбку, я хочу купить вишневый феррари, я хочу родить трех сыночек, я хочу блинов и крошки, я хочу абсент и бейлис, я хочу почистить карму, я хочу, чтобы лучи света сожгли царство тьмы, я хочу, чтобы Горгона сдохла»; «ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА: Я не высыпаюсь постоянно. ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА: Я не высыпаюсь постоянно. ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА: Я не высыпаюсь постоянно. ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА: Отосплюсь на выходных! АНЖЕЛА (набирает текст на клавиатуре): Да, Миша женился! А ты не знала? Конечно, он закрыл тебе доступ к своему аккаунту. ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА: Замучилась менять парикмахеров. ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА: Замучилась менять парикмахеров. ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА: Замучилась менять парикмахеров. ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕНЩИНА: А реснички кто-нибудь наращивал?». «Я-высказывание» приобретает колоссальное значение – это целая комбинация социальных параметров личности. В данном случае уместнее говорить не о классическом диалоге в драме, а о квазидиалоге, где коммуникация представляет собой не информационный обмен, а эмоциональный.

Женский дискурс формируется в результате победы женского начала, женское слово в данном произведении оказывается значимее мужского в формировании жизненных стратегий современного человека. Женщины становятся протагонистами и на этом основании преобразуют среду вокруг себя, пусть даже путем преступления. Нарратив, организованный многочисленными повторами, представляет лексическую формулу «женской среды», где авторское слово перекликается с квазидialogами условных персонажей.

Список литературы

1. Драма // Словарь литературоведческих терминов. – URL: http://literary_criticism.academic.ru/96.
2. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов : в 2 т. – Т. 1. (Цит. по: Тамарченко, Н. Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения / Н. Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 2002. – 467 с.).
3. Зензинов, А. Детей держите за руки или на руках // Любимовка. – URL: <http://lubimovka.ru/lyubimovka-god/7-2013-08-13-12-48-51>.

4. Родина, Т. М. Драма / Т. М. Родина // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Совет. энцикл., 1987. – С. 100–102.
5. Тмарченко, Н. Д. Теория литературы / Н. Д. Тмарченко. – М.: Академия, 2004. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 512 с.
6. Тростина, М. А. Жестокий романс: жанровые признаки, сюжеты и образы / М. А. Тростина // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, история, лингвистика : межвуз. сб. науч. тр. – Саранск, 2003. – Вып. IV. – С. 197–202.

Сведения об авторе

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Челябинской государственной академии культуры и искусств.
L22502@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 106–109.*

FEMALE WORD AS WORD OF THE PROTAGONIST: THE ACTUAL LANGUAGE ENVIRONMENT IN SYUZHETOLOGIYA OF THE DRAMA (on material of the play of A. Zenzinov “You hold children by hands or on hands)

E. A. Selyutina

Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. L22502@yandex.ru

In the modern art there is a strengthening of an active role of the sociocultural environment in the course of a text smysloporozhdeniye. The female discourse is formed as a result of a feminine victory, the female word is more significant than the man’s modern person in formation of vital strategy. The lexical formula of “the female environment” where the narrative of the author has something in common with quasialogues of conditional characters is presented in A. Zenzinov’s play.

Keywords: *female word, gender, communicative practices, modern drama, A. Zenzinov.*

References

1. Drama [Drama]. *Slovar’ literaturovedcheskih terminov* [The dictionary of literary terms]. Available at: http://literary_criticism.academic.ru/96. (In Russ.).
2. Literaturnaja jenciklopedija: Slovar’ literaturnyh terminov: v 2-h t. T. 1. [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 vol. Vol. 1]. Tamarchenko N.D. *Teoreticheskaja pojetika: ponjatija i opredelenija: Hrestomatija* [Theoretical poetics: concepts and definitions: Reader]. Moscow, 2002. 467 p. (In Russ.).
3. Zenzinov A. Detej derzhite za ruki ili na rukah [You Hold Children by Hands or on Hands]. *Ljubimovka* [Lyubimovka]. Available at: <http://lubimovka.ru/lyubimovka-god/7-2013-08-13-12-48-51>. (In Russ.).
4. Rodina T.M. Drama [Drama]. *Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar’* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1987. Pp. 100–102. (In Russ.).
5. Tamarchenko N.D. *Teorija literatury* [Theory of Literature: Textbook], vol. 1. Moscow, 2004. 512 p. (In Russ.).
6. Trostina M.A. Zhestokij romans: zhanrovye priznaki, sjuzhety i obrazy [Cruel Romance: genre features, stories and images]. *Novye podhody v gumanitarnyh issledovanijah: pravo, filosofija, istorija, lingvistika* [New approaches in the humanities studies: law, philosophy, history, linguistics], iss. 4. Saransk, 2003. Pp. 197–202. (In Russ.).

УДК 81-119
ББК 81

И. В. Стекольников

ВОПРОС О СУЩНОСТИ ЯЗЫКА В ТРУДАХ ЛИНГВИСТОВ НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена сопоставительному исследованию теоретических вопросов языкознания в рамках натуралистической концепции языка в научных трудах некоторых лингвистов XIX в.: Карла Беккера, Августа Шлейхера, Макса Мюллера, Эрнеста Ренана, Оноре Жозефа Шаве, Абе-ля Овелака и Уильяма Уитни. Анализируется подход названных исследователей к проблеме сущности языка и некоторым другим смежным вопросам.

Ключевые слова: язык, организм, натурализм, сущность, жизнь, раса.

Вопрос о сущности языка издавна волновал ученых всех стран и всех лингвистических направлений. Не явились исключением и ученые, придерживающиеся натуралистической концепции языкознания, возникшей под влиянием эволюционной теории Чарльза Дарвина.

Натуралистическое направление традиционно рассматривается как одно из ведущих течений в лингвистической мысли XIX столетия и достаточно широко представлено в существующих трудах по истории языкознания. Однако в подавляющем большинстве случаев его рассмотрение ограничивается, как правило, только концепцией Августа Шлейхера, что делает представление о нем несколько односторонним. В настоящей статье содержится попытка преодолеть подобную односторонность, для чего анализируются взгляды ученых, в той или иной степени разделявших позицию лингвистического натурализма, но отнюдь не повторявших взгляды Августа Шлейхера. К ним можно отнести немецкого лингвиста Карла Беккера, французских ученых Абе-ля Овелака, Эрнеста Ренана и Оноре Жозефа Шаве, английского лингвиста Макса Мюллера и американского лингвиста Уильяма Уитни.

Именно сходства и различия во взглядах вышеназванных ученых на проблему сущности языка являются основным предметом рассмотрения в предлагаемой статье. Кроме того, по ходу исследования мы будем делать выводы о том, что сближает с лингвистическим натурализмом, а что отдаляет от него тех или иных ученых.

Натуралистические взгляды большинства интересующих нас исследователей языка бази-

руются на сравнении языков с живыми биологическими организмами.

Классический представитель лингвистического натурализма, немецкий ученый Август Шлейхер в своем труде «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863) называет язык живым организмом, развивающимся независимо от человека, проходящим все стадии развития, которые присущи любому биологическому организму. Он пишет: «Языки представляют естественные организмы, которые происходили, возрастали и развивались независимо от воли человека по известным законам, потом точно так же старели и умирали, представляя собою весь тот ряд явлений, который обыкновенно подразумевается под названием “жизни”» [6. С. 3].

Согласно Августу Шлейхеру, при отсутствии говорящих на языке, языки исчезают («умирают»), согласно натуралистической терминологии), другие рождаются и распространяются на новой территории. Август Шлейхер приводит в пример вымирание американских языков и активное распространение языков «индогерманского племени» [6]. Немецкий ученый сравнивает это явление с дарвиновской «борьбой за существование», когда одни органические формы умирают, чтобы дать место избранным, более совершенным формам. Применяя эту теорию к языкознанию, Август Шлейхер замечает, что в настоящее время победителями в борьбе за существование оказываются индогерманские языки, которые активно вытесняют все прочие языки [6].

Некоторые черты натурализма можно встретить и в работах французского философа, историка и лингвиста Эрнеста Ренана. Однако

в своем труде «О происхождении языка» («De l'origine du langage») (1859) он критикует отдельные положения натуралистической теории языка, в частности, наименование языка живым организмом. Он утверждает, что разные виды животных и растений, являющиеся живыми организмами, не имеют истории («les espèces de plantes et d'animaux n'ont pas d'histoire» [12. С. 6]), в то время как язык постоянно обновляется («Il n'en est pas de meme du langage <...> qui se renouvelle sans cesse» [12. С. 7]). Август Шлейхер, однако, не видит здесь противоречия, утверждая в вышеупомянутом труде, что языковые изменения происходят быстрее, чем изменения растений и животных, но это не противоречит теории изменчивости видов, предложенной Чарльзом Дарвиным [6].

По мнению Эрнеста Ренана, если уж рассматривать язык как некое биологическое явление, то можно допустить метафорическое сравнение языка с бутонем цветка, который называется бутонем с момента своего появления, даже если распускается медленно и не сразу. Язык точно так же является языком с момента своего возникновения, но потом подвергается существенным изменениям в процессе своего развития: «Bien qu'arrivé peu à peu à pleine évolution de toutes ses puissances, le langage fut intégralement constitué dès le premier jour; de même que dans le bouton de fleur, la fleur est tout entière avec ses parties essentielles, quoique ces parties soient loin d'avoir atteint leur complet épanouissement» [12. С. 16].

Кроме того, интересно ботаническое метафорическое сравнение языка с желудем, тоже предложенное Эрнестом Ренаном в работе «О происхождении языка»: «Du gland semé en terre sortira un arbre don't les traits essentiels peuvent être décrits à l'avance. La chêne n'est pas inné dans le gland; mais le gland est ainsi organisé que le chêne en sortira infailliblement avec tous ses caractères naturels» [12. С. 38]. Эрнест Ренан говорит о том, что из желудя, попавшего в землю, вырастет дерево, чьи сущностные характеристики предопределены заранее: дуб не врожден в желудь, но желудь так же организован, как и дуб. Подобное происходит и с языком: попав на благодатную почву, он развивается по заранее известным законам. Таким образом, взгляды Эрнеста Ренана на язык в некоторой степени можно считать натуралистическими.

Если Август Шлейхер полагает, что язык является самостоятельным организмом и развивается независимо от воли человека, то ан-

глийский представитель лингвистического натурализма Фридрих Макс Мюллер высказывает в «Лекциях по науке о языке» («Lectures On the Science of Language») (1861–1864) противоположную точку зрения. Язык, по его мнению, был создан человеком как средство коммуникации и выражения мыслей, поэтому считать его самостоятельным организмом нельзя [2]. В то же время Макс Мюллер делает оговорку, что «язык не есть произведение человеческого искусства в том смысле, как живопись, архитектура, письменность или книгопечатание» [2. С. 24].

Французский антрополог и лингвист Абель Овелака в своей работе «Лингвистика» («La linguistique») (1881), напротив, утверждает: «Язык нельзя выдумать...» [4. С. 28]. Он объясняет это тем, что каждый язык прошел уже несколько периодов своего существования, и отдельная личность не может создать заново «весь этот длинный ряд фазисов, пройденных каждым языком» [4. С. 28].

Схожую мысль с последним аргументом Абеля Овелака можно найти и в вышеупомянутом труде Макса Мюллера. Он полагает, что не в силах одного человека что-либо изменить в языке: «Обратим сперва внимание на то, что, хотя язык и подвергается непрерывной перемене, однако не во власти человека ни произвести, ни отвратить ее» [2. С. 28].

Подобное суждение можно встретить и в вышеуказанной работе Эрнеста Ренана. Он утверждает, что язык – произведение общественное, а не индивидуальное: «Mais comme les langues appartiennent aux peuples, qu'elles sont l'œuvre de la société et non de l'individu» [12. С. 36].

Возвращаясь к концепции языка Абеля Овелака, изложенной в вышеупомянутом труде «Лингвистика», скажем, что французский ученый поддерживает мнение вышеуказанных лингвистов (Августа Шлейхера и Макса Мюллера) о том, что язык появился одновременно с рождением человека, не отдельного человека, а человека в целом, человеческой группы: «mais il est né en même temps qu'est né l'homme individu, mais l'homme pris dans le sens général, le groupe humain, s'il on veut» [8. С. 36]. Однако развивается язык, как и образуется, по убеждению французского ученого, самостоятельно («сам собой»), постепенно (что противоречит приведенному выше мнению Макса Мюллера и согласуется с представленными выше рассуждениями Августа Шлейхера): «On ne

fabrique pas le système linguistique; il se forme et développe de lui-même, par degrés, petit à petit» [8. С. 36].

Абель Овелака, как и Август Шлейхер, полагает, что язык – это живой организм: «l'on peut considerer le langage comme un organisme» [9. С. 8]. В своем труде «Лингвистика» Абель Овелака утверждает, что языки, как все живые существа, проходят все стадии развития: рождаются, развиваются, достигают зрелости, вырождаются и умирают: «Les langues en effet naissent, croissent dépérissent et meurent comme tous les êtres vivants. Elles ont passé tout d'abord par une période embryonnaire, elles atteignent un complet développement et sont livrées, en fin du compte, à la métamorphose régressive» [9. С. 9]. О том же французский ученый говорит и в своей работе «Эволюция языка» («L'évolution du langage») (1885). По его мнению, язык, как любое другое биологическое явление, подвергается эволюции: «La variation est continue; les langues naissent, se développent, entre en décadence, s'éteignent comme tous les êtres organisés» [9. С. 8]. Речь идет и о морфологических, и о лексических изменениях, происходящих внутри языка.

Макс Мюллер не соглашается с Августом Шлейхером и Абе́лем Овела́ком в том, что язык есть живой организм, что он имеет собственную жизнь (растет, достигает зрелости, производит потомство и умирает). Он называет эту идею в «Лекциях по науке о языке» чистой мифологией: «To speak of language as a thing by itself, as a living life of its own, as growing to maturity, producing offspring, and dying away, is sheer mythology» [10. С. 44]. Макс Мюллер утверждает, что язык не имеет самостоятельного бытия, а существует и функционирует в человеке (что не мешает ему, однако, использовать натуралистические термины «жить» и «умирать» по отношению к языку). Итак, по мнению английского ученого, язык живет, пока на нем говорят, и умирает с каждым произнесенным словом: «it lives in being spoken, it dies with each word that is pronounced, and is no longer heard» [10. С. 52].

Похожее суждение о том, что язык рождается не в определенный момент истории, а существует только в момент речи, можно найти и в вышеупомянутом труде Эрнеста Ренана: «Le langage n'est donc point apparu à un moment déterminé de l'histoire, comme les inventions de l'esprit humain; il naît à l'instant où l'on parle» [12. С. 33].

Американский ученый Уильям Уитни в своей работе «Язык, и изучение языка» («Language, and the study of language») (1867) высказывает подобную мысль. Он говорит о том, что язык существует лишь в умах и ртах тех, кто его использует: «Language has, in fact, no existence save in minds and mouths of those who use it» [13. С. 35].

Прежде чем более подробно рассмотреть взгляды на язык Уильяма Уитни, имеет смысл вспомнить работы тех ученых, которые так или иначе могли повлиять как на мировоззрение американского лингвиста, так и на формирование лингвистического натурализма в целом.

Если вернуться назад к предшественникам натурализма, то можно заметить, что исходным моментом лингвистических рассуждений немецкого ученого, представителя логического направления в языкознании Карла Фердинанда Беккера в работе «Организм языка» (1827) можно считать сравнение языков с непосредственными созданиями природы. Ему принадлежат следующие слова: «Под именем языка разумеется <...> продукт человеческой природы, в котором отпечатлено мировоззрение, выработанное человеческим духом» [1. С. 3]. Здесь (как, собственно, и в названии книги) Карл Беккер выступает одним из представителей лингвистического натурализма.

Однако Карл Беккер в той же работе пишет: «Язык сам по себе не есть самостоятельный организм, как произведение человеческого организма, он имеет бытие только в сфере этого организма» [1. С. 14], то есть он высказывал схожую с Максом Мюллером и Уильямом Уитни и отличную от Августа Шлейхера и Абе́ля Овела́ка точку зрения.

В то же время Карл Беккер заметил, что неверно мнение, будто язык есть сознательная деятельность рассудка, сознательное изобретение, служащее лишь для удовлетворения внешних потребностей. Немецкий ученый называет язык органическим продуктом, который «не рождается по произволу, но развивается по внутренней необходимости» [1. С. 16] и отличается от любого произведения человеческой изобретательности и искусства. В этом вопросе он предвосхищал Августа Шлейхера и Абе́ля Овела́ка.

В своем труде «Организм языка» Карл Беккер говорит о том, что, поскольку язык развивается сам из себя, то он имеет значение сам в себе. И если уму удастся придать языку то, что

не происходит из него само собою, то оно «отбрасывается» как чуждое вещество [1]. Таким образом, здесь прослеживается связь с натуралистической идеей о языке как некоем самостоятельном организме, функционирующем, однако, в пределах организма человеческого, как было сказано выше.

Немецкий ученый называет характер языкового дара органическим: «Отправление дара слова есть органическое отправление, то есть одно из таких отправлений живых существ, которые с внутренней необходимостью происходят из жизни самой вещи и жизнь же самой вещи имеют своей целью» [1. С. 3]. Карл Беккер уточняет, что цель словесного дара – внутренняя жизнь человека. Итак, язык – это, согласно немецкому исследователю, «внутренняя потребность человеческой природы; ибо органическая жизнь человека без этих отправлений не может развернуться во всей своей целостности» [1. С. 5]. Иными словами, словесный дар создан самой природой, как и другие органы в организме. Таким образом, нельзя не заметить предпосылок лингвистического натурализма в концепции языка Карла Беккера.

О том, что язык рождается в душе и является особым способом слияния и проявления душевных актов, на 80 лет позже скажет и американский ученый Уильям Уитни в своей работе «Жизнь и рост языка» («The Life and Growth of Language») (1908): «language is in an especial manner the incorporation and revelation of the acts of the soul» [15. С. 303]. Уильям Уитни сближается в своих взглядах на сущность языка с Карлом Беккером, утверждая, что язык – это продукт и инструмент внутренних сил организма человека: «Language is merely that product and instrumentality of the inner powers which exhibits them most directly and most fully in their various modes of action» [15. С. 304].

В этой связи интересно рассмотреть взгляды французского ученого, специалиста по индоевропейской лексикологии Оноре Жозефа Шаве на проблему сущности языка. Оноре Жозеф Шаве в предисловии к своей книге «Языки и расы» («Les langues et les races») (1862) дает определения терминам «язык» и «раса». Согласно французскому ученому, каждый язык есть не что иное, как естественное анатомо-физиолого-психологическое дополнение к человеческому организму: «Ainsi, chaque langue n'est qu'un complément naturel de l'organisation humaine anatomiquement, physiologiquement et psychologiquement spécialisée dans chaque race» [7. С. 7].

Кроме того, под «языком» Оноре Жозеф Шаве подразумевает первичный «слоговой организм», в котором каждая раса содержит продукты своей особой интеллектуальной организации: «Par langue, j'entends l'organisme syllabique primordial dans lequel chaque race a incarné spontanément des produits de son organisation intellectuelle particulière» [7. С. 7]. А под расой французский ученый подразумевает основное различие человеческих видов: «Par race, j'entends une variété primitive de l'espèce humaine» [7. С. 7]. Таким образом, мы можем увидеть в этих определениях некоторые черты натуралистического понимания языка.

По мнению Оноре Жозефа Шаве, люди выражают свои мысли на языке в соответствии со своей манерой чувствовать и понимать, которая едина для представителей одной расы. В связи с этим, можно сказать, что «какова раса, таков и язык», и наоборот: «Telle race, telle langue, et telle langue, telle race» [7. С. 7].

В вышеупомянутом труде «Жизнь и рост языка» Уильям Уитни через 40 лет после Оноре Жозефа Шаве тоже назовет язык элементом культуры, характерным для каждой расы, каждого сообщества: «We regard every language, as an institution, one of those which, in each community, make up its culture. Like a constituent elements of culture, it is various in every community» [15. С. 280]. Однако язык, по мнению американского исследователя, относится не к расовым характеристикам, которые обусловлены кровью и незыблемы, а к расовым приобретениям (наравне с религией и наукой), которые можно заимствовать или одалживать: «Race-characteristics can only go down by blood; but race-acquisitions – language not less than religion, or science – can be borrowed and lent» [15. С. 281].

Уильям Уитни неоднократно утверждает в своей работе «Жизнь и рост языка», что человек не может говорить на языке, предварительно не выучив его: «no man can speak any language until he has learned it» [15. С. 279]; «No man can become possessed of any existing language without learning it; no animal (that we know of) has any expression which he learns, which is not the direct gift of nature to him» [15. С. 282]. Таким образом, американский ученый противопоставляет людей, способных выучить язык, животным, таким даром не обладающим.

Уильям Уитни, как и другие представители натуралистического направления в языковедении (Август Шлейхер, Абель Овелап, а так-

же Карл Беккер), в упомянутой выше работе «Язык, и изучение языка», в свою очередь, признает, что язык похож на сложный организм: «A language, like an organic body is no mere aggregate of similar particles; it is a complex of relative and mutually helpful parts» [15. С. 46]. Это роднит его взгляды с Августом Шлейхером, Оноре Жозефом Шаве и Абелем Овелаком. С другой стороны, как мы уже упоминали, ученый утверждает, что язык существует лишь в умах тех, кто его использует [15], поэтому он не может существовать вне человека. Таким образом, Уильям Уитни соглашается в этом вопросе с Максом Мюллером и Карлом Беккером.

Язык, по словам американского ученого, представляет собой ментальные ассоциации между идеями и знаками, их представляющими: «It is made up of separate articulated signs of thought, each of which is attached by a mental association to the idea it represents» [13. С. 35]. Здесь мы видим в большей степени сходство с идеями Фердинанда де Соссюра (который действительно ссылается на Уильяма Уитни в «Курсе общей лингвистики»), чем с лингвистами натуралистического направления в языкознании.

Уильям Уитни полагает, что язык можно считать живым в том случае, когда он выступает как инструмент мысли, средство выражения чувств, опыта, мнений и умозаключений: «A language is living, when it is the instrument of thought of a whole people, the wonted means of expression, of all their feelings, experiences, opinions, reasoning; when the connection between it and their mental activity is so close that the one reflects the other, and that the two grow together, the instrument ever adapting itself to the uses which it is so subserve» [13. С. 32]. По мнению Уильяма Уитни, как любой живой организм, язык подвержен росту и развитию: «Its rise, development, decline, and extinction are like the birth, increase, decay, and death of a living being» [13. С. 46]. Кроме того, согласно ученому, у языка есть своя «внутренняя жизнь» («the inner life of language») [13. С. 6]. В этом американский ученый солидарен с другими приверженцами натуралистической концепции языка.

Однако, в целом, в упомянутой выше работе «Язык, и изучение языка» Уильям Уитни предостерегает своих читателей и слушателей от того, чтобы называть язык живым организмом: «but becoming fruitful of error when we call language a living and growing organism» [13. С. 48]. Иными словами, сближаясь с линг-

вистами натуралистического направления, Уильям Уитни тем не менее не принимает до конца натуралистический подход к языку.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что вопрос о сущности языка не нашел однозначного ответа в лингвистической мысли XIX столетия. Мы видим, что натуралистические взгляды ученых XIX в. основаны на соотнесении языков с живыми биологическими организмами, а история языков в трактовке лингвистов-натуралистов напоминает историю видов, предложенную Чарльзом Дарвиным. Мы можем сделать вывод, что большинство ученых натуралистического направления в языкознании воспринимают язык как некий организм (кроме Макса Мюллера).

В целом, нельзя не оценить значение научного творчества лингвистов-натуралистов, внесших значительный вклад в изучение различных языков и диалектов, их классификацию, а также в понимание многих лингвистических явлений и процессов. Это свидетельствует в пользу того, что данная тематика требует дальнейшего углубленного изучения.

Список литературы

1. Беккер, К. Организм языка (перевод) 1860 г. / К. Беккер // Филологич. записки. – 1860. – № 1–6. – С. 3–72.
2. Мюллер, Ф. М. Лекции по науке о языке / Ф. М. Мюллер. – М.: Либроком, 2009. – 314 с.
3. Мюллер, Ф. М. Наука о мысли / Ф. М. Мюллер. – М.: Либроком, 2011. – 496 с.
4. Овелака, А. Лингвистика / А. Овелака. – М.: Либроком, 2009. – 328 с.
5. Стеколыцикова, И. В. Философско-лингвистические взгляды Карла Беккера в свете натуралистической концепции языкознания XIX века / И. В. Стеколыцикова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 28 (282). Филология. Искусствоведение. – Вып. 70. – С. 136–142.
6. Шлейхер, А. Теория Дарвина в применении к науке о языке / А. Шлейхер. – СПб., 1864. – 14 с.
7. Chavée, H. J. Les langues et les races / H. J. Chavée. – Paris: Chamerot, Libraire-éditeur, 1862. – 64 p.
8. Hovelaque, A. La linguistique / A. Hovelaque. – Paris: C. Reinwald, Librairie d'éditeur, 1881. – 436 p.
9. Hovelaque, A. L'évolution du langage / A. Hovelaque. – Paris: Typography A. Henner, 1885. – 24 p.

10. Müller, F. M. Lectures On the Science of Language / F. M. Müller. – London: Longmans, Green and Co, 1871. – Vol. 1 – 371 p.
11. Müller, F. M. Lectures On the Science of Language / F. M. Müller. – London: Longmans, Green and Co, 1871. – Vol. 2 – 371 p.
12. Renan, E. De l'origine du langage / E. Renan. – Paris: Michel Lévy Frères, Libraires éditeurs, 1859. – 258 p.
13. Whitney, W. D. Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science / W. D. Whitney. – London: Trubner and Co, 1867. – 490 p.
14. Whitney, W. D. Max Muller and the Science of language: a criticism / W. D. Whitney. – New York: D. Appleton and company, 1892. – 80 p.
15. Whitney, W. D. The Life and the Growth of Language. An Outline of Linguistic Science / W. D. Whitney. – New York: D. Appleton and company, 1908. – 328 p.

Сведения об авторе

Стекольщикова Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

vasiliy333@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 110–116.*

THE PROBLEM OF THE ESSENCE OF LANGUAGE IN THE SCIENTIFIC WORKS OF LINGUISTS OF NATURALISTIC CONCEPTION

I. V. Stekolshchikova

Institute of Foreign Languages of Moscow City Teacher Training University. vasilij333@mail.ru

The article is devoted to the comparative analyses of theoretical questions of linguistics connected with linguistic conception of naturalism in the scientific works of some scientists of the XIX-th century: German linguists Karl Becker and August Schleicher, English linguist Max Muller, French philosopher Ernest Renan, French linguists and anthropologists Honoré Joseph Chavée and Abel Hovelaque, American linguist William Whitney. The article touches upon the approach of the named research workers to such questions as the definition of language, the essence of language, the correlation of language and race, the problem of language as living organism, the problem of language evolution, and some other adjacent questions from the position of linguistic naturalism. The article also deals with the similarity and difference between linguistic conceptions of the named scientists.

Keywords: *language, organism, naturalism, essence, life, race.*

References:

1. Karl B. Organizmazyka [The Organism of Language]. *Filologicheskie zapiski* [Philological Notes], 1860, no. 1–6, pp. 3–72. (In Russ.).
2. Myuller F. M. *Lekcii po nauke oazykye* [Lectures on the science of Language]. Moscow, 2009. 314 p. (In Russ.).
3. Myuller F. M. *Nauka o mysli* [The science of thought]. Moscow, 2011. 496 p. (In Russ.).
4. Ovelak A. *Lingvistika* [Linguistics]. Moscow, 2009. 328 p. (In Russ.).
5. Stekol'shikova I.V. *Filosofsko-lingvisticheskie vzglyady Karla Bekkera v svete naturalisticheskoi koncepcii yazykoznanija XIX veka* [Philosophico-linguistic views of Karl Bekker in the Light of naturalistic conception of language of the XIX-th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskustvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history], 2012, no. 28 (282), iss. 70, pp. 136–142. (In Russ.).

6. Shleier A. *Teoriya Darvina v primenenii k nauke o yazyke* [Theory of Darwin as applied to the science of language]. Saint Petersburg, 1864. 14 p. (In Russ.).
7. Chavée H.J. *Les langues et les races*. Paris, 1862. 64 p. (In French).
8. Hovelaque A. *La linguistique*. Paris, 1881. 436 p. (In French).
9. Hovelaque Abel. *L'évolution du langage*. Paris, 1885. 24 p. (In French).
10. Müller F.M. *Lectures on the science of language*, vol. 1. London, 1871. 371 p.
11. Müller F.M. *Lectures on the science of language*, vol. 2. London, 1871. 371 p.
12. Renan E. *De l'origine du langage*. Paris, 1859. 258 p. (In French).
13. Whitney W.D. *Language, and the study of language. Twelve lectures on the principles of linguistic science*. London, 1867. 490 p.
14. Whitney W.D. *Max Muller and the Science of Language: a criticism*. New York, 1892. 80 p.
15. Whitney W.D. *The Life and the growth of language. An outline of linguistic science*. New York, 1908. 328 p.

УДК 81:11
ББК 81.2

М. В. Сторчак

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РЕЗУЛЬТАТЕ ВНЕШНЕГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (на материале современной англоязычной прозы)

Раскрываются особенности функционирования компаративных конструкций, в которых сравниваемое понятие референциально соотносится с процессом речи, а понятие-сравнение указывает на физиологическое ощущение человека. Особое внимание уделяется лингвосемантическому анализу сравнений. Результаты исследования могут послужить дальнейшему развитию междисциплинарного подхода к изучению языковых феноменов, поскольку оно осуществлено на стыке лингвистики, литературоведения и клинической психологии.

Ключевые слова: *сравнение, художественный образ, тема, модуль, эталон, аудиальное и кинестетическое восприятие.*

Известно, что познавательная деятельность человека является специфическим способом духовного взаимодействия организмов, вещей и процессов в мире, приводящим к образованию в сознании особой формы абстрактного мышления. Именно в нем хранится и отражается в преобразованном виде структура реальных явлений. Как отмечает Г. В. Колшанский, в процессе познания человек создает мир, «который является одновременно и объективным миром, и субъективным – собственно миром человека. Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное в своеобразной материальной форме» [4. С. 14–15]. Материальной формой, которая фиксирует реальный мир в сознании человека, а также позволяет передать его другим, является язык. Другими словами, человек, воспринимая окружающую действительность, пропускает ее через личные ценности, установки, приобретенные в течение жизни, а также связывает ее с ощущениями и чувствами, испытываемыми в данный момент и зачастую вызванными теми или иными событиями реального мира. Таким образом, особенности освоения мира не могут не зависеть от индивидуальности человека. По мнению И. А. Щириной и Е. А. Гончаровой, «принадлежность мира человеку определяет “субъективность мира”, поэтому обязательной составляющей картины мира выступает *индивидуальное*» [8. С. 148].

В сфере художественной литературы индивидуальное проявляется в результате фиксиро-

вания реальной действительности путем создания образов. Особенность художественного образа состоит в том, что, «давая человеку новое познание мира, он одновременно передает и определенное отношение к отражаемому» [1. С. 58]. В результате художественные образы становятся основой художественной картины мира писателя. Одной из их разновидностей, а, следовательно, и важным элементом художественной картины мира является такое стилистическое средство, как *сравнение*.

Цель нашего исследования заключается в выявлении способности сравнений служить средством экспликации физиологического состояния человека в результате оказываемого на него речевого воздействия в современных англоязычных художественных текстах.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач исследования: уточнить содержание понятия «сравнение», отметить особенности структурирования компаративных конструкций, проанализировать научные положения, подтверждающие факт влияния слова на физиологическое состояние человека, а также выявить в современной англоязычной прозе сравнения, референциально соотносящиеся с данным явлением, и провести их лингвосемантический анализ.

Согласно определению, приводимому в «Словаре-справочнике лингвистических терминов», под сравнением понимается «троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [7. С. 458]. В свою очередь, в «Литературном

энциклопедическом словаре» сравнение трактуется в качестве категории стилистики и поэтики, то есть образного словесного выражения, в котором «изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые важные свойства» [5. С. 548].

Традиционно в стилистике выделяются три составные части сравнения:

1. Обозначаемое (сравниваемое понятие).
2. Обозначающее (то, с чем сравнивают, понятие-сравнение).
3. Основание сравнения (общая черта сравниваемых понятий).

В данной связи Г. Л. Денисова предлагает собственные термины: *тема* (обозначаемое), *эталон* (обозначающее) и *модуль* (основание сравнения) (см.: 3). Эти номинации и будут использоваться нами в исследовании.

На основе осуществленного анализа ряда англоязычных текстов нами были выявлены случаи употребления сравнений, соотносящихся с описанием физиологического и эмоционального состояния персонажей, вызванного речевым воздействием на них со стороны других литературных героев. В данной связи мы бы хотели более подробно остановиться на факторе влияния слова на человека как объекта исследования в области клинической психологии. Об актуальности подразумеваемого явления писали в частности В. М. Бехтерев и К. И. Платонов, подтверждая своими исследованиями народную мудрость, гласящую: «Одним словом можно убить, другим – воскресить».

Так, В. М. Бехтерев в своей работе «Бесмертие человеческой личности как научная проблема» серьезное внимание уделял силе слова. Он утверждал, что речь человека, ее смысл и интонация, прежде всего, оказывает колоссальное влияние на самого говорящего, на его нервно-психическую деятельность. Однако таким «самовлиянием» дело не ограничивается: «...если действие человека, его слово, мимическое движение или жест производятся в присутствии других лиц, способных усваивать все, что они видят и слышат, то ясно, что эти явления, будучи воспринятыми другими, либо претворятся путем непосредственного подражания, внушаемости и усвоения в те или другие формы их нервно-психической деятельности, либо, встретив со стороны их противодействие, вызовут тем самым особую в них реакцию, словом, так или иначе отразятся на их последующей деятельности в окружающем мире» [2].

Аналогичную тему непосредственного влияния слова на физиологию человека разрабатывает К. И. Платонов в своем труде «Слово как физиологический и лечебный фактор». Автор в результате многих экспериментов установил, что «слово, действительно, далеко не безразлично для организма человека, при известных условиях вызывая в нем, в зависимости от своего смыслового значения, различные изменения» [6. С. 17–18]. Ученый также обратил внимание на то, что слово само по себе как звуковой раздражитель будет являться безразличным для человека, пока в коре его головного мозга не возникнет связь между этим словом и тем или иным безусловным раздражителем, то есть предметом или явлением реальной действительности. Другими словами, речь будет восприниматься человеком как обыкновенный звукоряд до тех пор, пока ее смысл не напомнит ему о каком-либо эмоциональном или физиологическом опыте (положительно или отрицательно окрашенном). Например, если человека однажды уколеть булавкой, а спустя некоторое время сказать ему слова «булавка» и «больно», то его тело отреагирует учащенным дыханием и, возможно, даже еле заметным движением поврежденной ранее руки.

Упомянутые выше концепции В. М. Бехтерева и К. И. Платонова, на наш взгляд, могут быть релевантными при анализе функционирования сравнений в современной литературе.

На основе исследования двенадцати текстов англоязычной прозы в восьми из них нам удалось выявить 23 наиболее ярких сравнения, в которых тема содержала слова, референциально соотносящиеся с речевой деятельностью. Из этого количества в 13 сравнениях в качестве модулей выступают чувства и ощущения персонажей, причем лишь 2 компаративные конструкции построены с использованием эталона с положительной коннотацией, а остальные 11 – с отрицательной. В нашей работе мы рассмотрим некоторые из них.

Обратимся к анализу соответствующих текстовых примеров. Одним из наиболее ярких сравнений с положительной коннотацией является фрагмент из романа Кэтрин Стокетт «*The Help*»:

(1) «*I let Mother's words sit like a tiny, sweet candy on my tongue*» [11. P. 422]. / *Слова мамы были как крошечная сладкая конфетка на моем языке* (здесь и далее перевод наш. – М. С.).

В данном эпизоде мама героини – девушки по имени Скитер – говорит ей о том, как мно-

го потерял ее молодой человек, бросив ее. Эти слова поддержки были ей так приятны, что даже появилась возможность сравнить их с конфетой на языке. В данном случае модулем для сравнения являются вполне реальные положительные ощущения, испытываемые героиней от речи мамы. В значении лексемы, выступающей в роли темы сравнения (*words* «слова»), благодаря широкому контексту высвечивается компонент, указывающий на акустический характер восприятия этих слов: речь произнесена вслух, а не написана. И далее аудиальное восприятие уподобляется героиней эталону, репрезентируемому атрибутивной конструкцией *tiny, sweet candy* «маленькая, сладкая конфетка», причем прилагательное *sweet* «сладкая», сопровождающее ядро эталона, фокусирует именно то свойство предмета, которое может быть воспринято только кинестетически.

Второе из обнаруженных нами сравнений с положительной коннотацией функционирует в представленном ниже примере из романа Джени Уингфилд «*The Homecoming of Samuel Lake*»:

(2) «*Bernice said, "Fine as wine." Smooth and warm, like butter melting*» [12. P. 61]. / Бернис сказала: «*Прекрасно, как дорогое вино*». Ощущение мягкого и теплого, как тающее сливочное масло.

Если в первом примере приятные ощущения вызывал именно смысл сказанных слов, то в данном случае автор описывает теплые чувства главного героя, связанные с интонацией, с которой их произнесла влюбленная в него девушка. Модулем сравнения здесь также является ощущение, так как эталон вновь создан из атрибутивной конструкции, дополненной прилагательными из окружающего контекста *smooth* «мягкий» и *warm* «теплый», фокусирующие в эталоне *butter* «сливочное масло» качества, понятные только из опыта тактильного соприкосновения с предметом.

На основании двух приведенных примеров становится вполне понятно, как слово влияет на физиологию человека. В обоих случаях в качестве реакции на речь или фразы собеседников у героев возник особый характер восприятия действительности, обусловленный вполне реальным кинестетическим опытом в прошлом – вкус сладкой конфеты и ощущение теплого тающего масла. Как очевидно, лексемы темы и эталона сравнений взяты из совершенно разных лексико-семантических полей, что способствует усилению характера художественного повествования.

Однако помимо положительных, слова также могут вызывать негативные чувства и ощущения у слушателя. В данном аспекте актуальным может являться пример уже упомянутого нами романа К. Стокетт «*The Help*», где имя, произнесенное героиней, сравнивается с горечью от плохого ореха пекана:

(1) «“*Miss Hilly*”, she says... *The name comes out flat, bitter as a bad pecan*» [11. P. 149]. / «*Мисс Хилли*», говорит она... *Имя звучит твердо, горько, словно плохой орех пекан*.

В этом примере темой для сравнения служит произнесенное вслух имя одной из героинь романа, а в роли эталона выступает атрибутивная конструкция *a bad pecan* «плохой орех пекан». Мы снова можем констатировать факт того, как близкие по контексту прилагательные *flat* «твердый» и *bitter* «горький» фокусируют в значении лексемы *pecan* именно те оттенки импликационала, которые отвечают за восприятие испорченного ореха на вкус. Другими словами, мы видим, как аудиальное восприятие имени вызвало у персонажа ощущения, схожие с ранее пережитым опытом от раскусывания твердого и горького ореха, что явно вызывает у него исключительно негативные чувства.

Рассмотрим еще один пример, где эталон относится к лексико-семантическому полю «еда»:

(2) «“*Leukemic*”, I repeat. *The word is runny, slippery, like the white of an egg*» [9. P. 36]. / «*Лейкемический*», повторяю я. *Это слово текучее, скользкое, как белок яйца*.

Это отрывок из романа Джоди Пиколт «*My Sister's Keeper*», в котором рассказывается история о жизни семьи, воспитывающей дочь с диагнозом лейкемия. В данном эпизоде мама девочки впервые слышит название болезни «лейкемический синдром», приписываемой докторами ее дочери. Темой для сравнения служит лексема *leukemic* «лейкемический», которая чуть позже в примере заменяется существительным *the word* «слово». В качестве эталона автор выбирает словосочетание *the white of an egg* «белок яйца», физические свойства которого уточняются за счет прилагательных ближайшего контекста – *runny* «текучий» и *slippery* «скользкий». Именно окружение эталона выводит на первый план те компоненты его значения, которые должны быть восприняты читателем. Очевидно, что произнесенное слово не обладает текучими и скользкими качествами, однако именно эти физиологические

ощущения оно вызывает у героини романа. Таким образом, благодаря сравнению мы вновь можем наблюдать трансформацию аудиально-го восприятия в кинестетическое.

Следующие два примера связаны с ощущениями от удара кулаком (*punch*) и ногой (*kick*). В одном из эпизодов из романа Дж. К. Роулинг «*The Casual Vacancy*» речь идет о подростке, который только что услышал из разговора родителей, что его отец собирается баллотироваться на должность главы административного управления. Учитывая сложные отношения и глубокое непонимание между отцом и сыном, эта новость стала для молодого человека началом многих неприятностей.

(3) «*The words hit Andrew like a punch*» [10. P. 152]. / Слова больно задели Эндрю, как удар кулаком.

В приведенной компаративной конструкции темой служит лексема *the words* «слова», которая референциально соотносится с речью матери, процитированной автором романа ранее, а в качестве эталона выступает существительное *punch* «удар кулаком». В данном примере, в отличие от всех предыдущих, автор не использует контекст для выделения отдельных компонентов лексического значения эталона, а создает краткое сравнение. Однако, несмотря на простоту этого стилистического приема, вполне понятно, что данный смысловой звуко-ряд вызывает у героя настолько сильные болевые ощущения, что делает их похожими на реальный удар кулаком.

Обратимся к аналогичному примеру из романа К. Стокетт «*The Help*»:

(4) «*The day your child says she hates you, and every child will go through the phase, it kicks like a foot in the stomach*» [11. P. 66]. / В тот день, когда ваша дочь говорит, что она вас ненавидит, а каждый ребенок проходит такой период, это причиняет вам боль, словно удар ногой в живот.

В этом эпизоде романа одна из героинь рассказывает, насколько сильно ее ранили слова собственной дочери. Как и в предыдущем примере, автор не использует ближайший контекст для выделения компонентов интенционала или импликационала значения эталона, в качестве которого в нашем случае выступает словосочетание *foot in the stomach* «ногой в живот». Однако здесь появляется уточняющий глагол *kick* «пинать», который напрямую указывает на действие, которое производит тема сравнения – слова ненависти (*she hates you*). Важно отме-

тить, что глагол *kick* не входит в состав эталона, то есть это не то, с чем сравниваются слова дочери, это действие, которое они на самом деле производят по мнению героини. Данный пример сравнения, на наш взгляд, является самой яркой иллюстрацией воздействия речи на физиологическое состояние человека: в последней компаративной конструкции слова буквально «бьют» героиню ногой, что напоминает ей прошлый опыт подобного ощущения в теле. А по сюжету романа эта женщина не раз подвергалась избиениям со стороны собственного мужа.

Итак, в данной работе мы рассмотрели шесть примеров компаративных конструкций, в которых темой служили лексемы, референциально соотносящиеся с речевой деятельностью, модулем служило сходство ощущений, а эталоном – различное кинестетическое переживание персонажей. На основе этих примеров, взятых из современных англоязычных романов, нам удалось установить, что слова, произнесенные героями вслух, могут вызывать у их собеседников реальные физиологические ощущения. Стоит отметить, что подобное кинестетическое восприятие речи может быть как приятным, так и болезненным, на что указывает положительная или, соответственно, отрицательная коннотация сравнений. Приведенные примеры компаративных конструкций являются подтверждением теории, выдвинутой клиническими психологами XX в., которая указывает на непосредственную связь между значением услышанных или произнесенных слов и последующей физиологической реакцией говорящего или слушающего человека. Тем самым подтверждается актуальность исследований междисциплинарного характера, объединяющих результаты изучения языковых феноменов в области лингвистики, литературоведения и клинической психологии.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М., 2002. – 384 с.
2. Бехтерев, В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема / В. М. Бехтерев. – URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEHTEREW/bessmertie.txt_with-big-pictures.html#. – Дата обращения: 20.02.2015.
3. Денисова, Г. Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке / Г. Л. Денисова. – Самара, 2009. – 34 с.

4. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М., 2005. – 128 с.
5. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, А. П. Николаева. – М., 1987. – 752 с.
6. Платонов, К. И. Слово как физиологический и лечебный фактор / К. И. Платонов. – М., 2012. – 437 с.
7. Розенталь, Д. Е. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Е. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
8. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб., 2007. – 472 с.
9. Picoult, J. My Sister's Keeper / J. Picoult. – New York: Washington Square Press, 2004. – 435 p.
10. Rowling, J. K. The Casual Vacancy / J. K. Rowling. – London: Little, Brown and Hachette Digital, 2012. – 540 p.
11. Stockett, K. The Help / K. Stockett. – London: Penguin Group, 2009. – 533 p.
12. Wingfield, J. The Homecoming of Samuel Lake / J. Wingfield. – London: Harper Press, 2011. – 376 p.

Сведения об авторе

Сторчак Мария Владимировна – аспирантка Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).
maria.storchak@gmail.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 117–122.*

SIMILE AS MEANS FOR EXPLICATION OF PHYSIOLOGIC STATE OF A PERSON AS A RESULT OF AN EXTERNAL VERBAL INFLUENCE (based on the modern english prose)

M. V. Storchak

Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad). maria.storchak@gmail.com

The article reveals the specific of functioning of the similes in which a compared concept referentially correlates with the process of speaking and a comparing concept refers to the physiologic perception of a person. Special attention is paid to the linguo-semantic analysis of the similes. The results of the research can provide further development of an interdisciplinary approach to the study of language phenomena, because it is performed at the juncture of linguistics, literary studies and clinical psychology.

Keywords: *simile, artistic image, theme, module, model, audio and kinesthetic perception.*

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow, 2002. 384 p. (In Russ.).
2. Behterev V.M. *Bessmertie chelovecheskoj lichnosti kak nauchnaja problema* [Immortality of the human personality as a scientific problem]. Available at: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEHTEREW/bessmertie.txt_with-big-pictures.html#, accessed 20.02.2015. (In Russ.).
3. Denisova G.L. *Kognitivnyj mehanizm sravnenija v nemeckom jazyke* [Cognitive mechanisms of comparison in the German language]. Samara, 2009. 34 p. (In Russ.).
4. Kolshanskij G.V. *Ob#ektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke* [Objective picture of the world in knowledge and language]. Moscow, 2005. 128 p. (In Russ.).
5. Kozhevnikova V.M., Nikolaeva A.P. (eds.) *Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1987. 752 p. (In Russ.).
6. Platonov K.I. *Slovo kak fiziologicheskij i lecebnyj faktor* [Word as physiological and medical factor]. Moscow, 2012. 437 p. (In Russ.).

7. Rozental' D.E., Telenkova M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1976. 543 p. (In Russ.).
8. Shhirova I.A., Goncharova E.A. *Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretacija* [Multidimensionality text: understanding and interpretation]. Saint Petersburg, 2007. 472 p. (In Russ.).
9. Picoult J. *My Sister's Keeper*. New York: Washington Square Press, 2004. 435 p.
10. Rowling J.K. *The Casual Vacancy*. London: Little, Brown and Hachette Digital, 2012. 540 p.
11. Stockett K. *The Help*. London: Penguin Group, 2009. 533 p.
12. Wingfield J. *The Homecoming of Samuel Lake*. London: Harper Press, 2011. 376 p.

УДК 629.7:811.512.122 (075)

А. Ж. Суюнбаева

МОТИВАЦИОННО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЯЗЫЧИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются мотивационно-ограничительные аспекты полиязычия в профессионально-ориентированной сфере общественных отношений, а также эффективность использования языка в какой-либо отрасли общественных отношений. Предложенный подход раскрывает рациональное соотношение мотивов и ограничений в полиязычных условиях.

Ключевые слова: сфера общения, тематика коммуникации, полиязычие, сфера профессионального общения, эффективность, мотивы, ограничения.

Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Сфера общения характеризуется не только особым видом деятельности, но и тематикой коммуникации, а также преимущественным использованием определенных форм существования языка и определенных его функциональных типов [1].

В самом общем виде в функционировании языка можно выделить две основные сферы: сферу бытового, повседневного общения людей («ближний мир») и сферу профессионального общения («дальний мир»). Между этими сферами, как нам представляется, имеются принципиальные отличия. Общение в быту, в повседневной жизни не носит вполне осознаваемого целенаправленного характера (несмотря на то, что здесь решаются определенные задачи, ориентированные на «рост личности»: воспитательные, образовательные и так далее), это общение

преимущественно включено в комплекс бытовых, повседневных отношений, направленных на поддержание и удовлетворение прежде всего социобиологических потребностей человека; данному общению человек учится постепенно, воспринимает его естественным образом. Это коммуникативный микромир человека, имеющий индивидуально-центрический характер [2].

На наш взгляд, эффективность использования языка в какой-либо отрасли общественных отношений, тем более в подотрасли, является результатом рационального соотношения *мотивов и ограничений* на его использование.

При рассмотрении мотивов использования языка можно выделить, по крайней мере, четыре мотива, а в ограничениях использования – две группы (см. рис. 1).

Приведем некоторые соображения по сущности приведенных мотивов и ограничений.

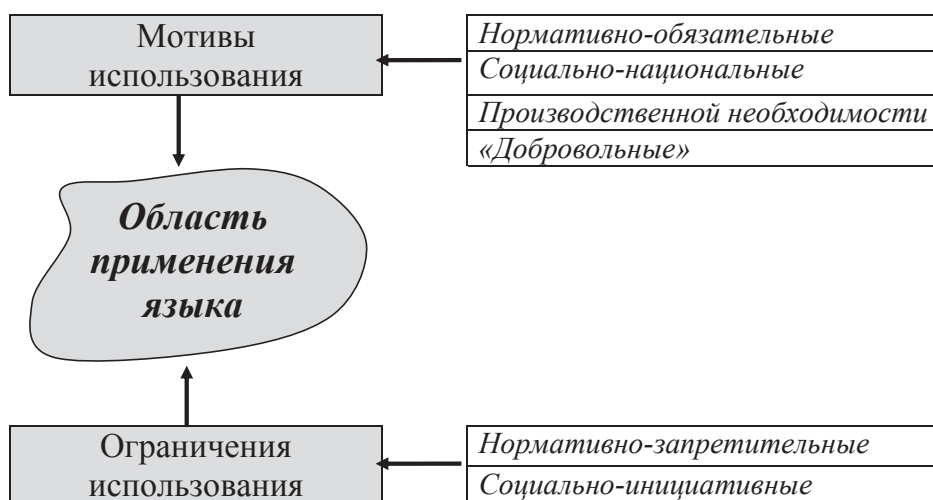

Рис. 1. Содержание мотивов и ограничений использования языка в какой-либо области его применения

Нормативно-обязательная мотивация. Очевидно, что обязательность или необязательность применения вторых (и более) языков в определенных сферах общественных отношений регламентируется государственным законодательством. Покажем это на примере регламентирования использования полиязычия в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан (табл. 1).

Таблица 1

Российская Федерация	Республика Казахстан
Федеральный Закон « О государственном языке Российской Федерации »	Закон « О языках в Республике Казахстан »
Государственный язык республики, входящей в состав РФ, другие языки народов РФ используются в сферах (статья 3): в деятельности органов власти, в судопроизводстве, в документопроизводстве, в деятельности общественных организаций и рекламе.	Статья 5. Употребление русского языка. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Глава 2. Употребление языков, наравне с государственным, используется в работе государственных органов, в том числе Вооруженных Силах и правоохранительных органах, в документопроизводстве, судопроизводстве.

Определив основные сферы применения вторых языков, законодатель предоставляет возможность применения полиязычия и в других сферах, например, используя норму права «*в иных, определенных федеральными законами, сферах*», либо ссылаясь на другие специализированные законы (Закон «**О языках народов Российской Федерации**»).

Можно показать, что в пределах какой-либо наугад выбранной сферы применения полиязычия можно выделить нормирование уже по направлениям внутри сферы применения вторых языков.

Социально-национальные мотивы. Долевое распределение населения по национальному признаку – один из главнейших признаков полиязычия. Например, в Казахстане доля

русского населения 38 %, 52 % казахского населения, остальные 10 % представляют другие национальные меньшинства. Несмотря на то, что русскоязычное население по сравнению с казахским составляет меньшинство, русский фактически стал доминирующим официальным языком.

Производственной необходимости. Покажем на примере деятельности Международной организации гражданской авиации (МОГА, ICAO) в части увеличения количества рабочих языков. Как известно, Конвенция о МОГА определяет основные цели и задачи деятельности организации, среди которых:

- удовлетворение потребностей народов мира в безопасном, регулярном, эффективном и экономичном воздушном транспорте;
- поощрение искусства конструирования и эксплуатации воздушных судов в мирных целях;
- поощрение развития воздушных трасс, аэропортов и аэронавигационных средств для международной гражданской авиации;
- способствование безопасности полетов в международной аэронавигации;
- предотвращение экономических потерь, вызванных неразумной конкуренцией;
- обеспечение безопасного и упорядоченного развития международной гражданской авиации во всем мире.

Если считать, что безопасность полетов как главнейшее свойство авиационной транспортной системы является ее продукцией, то вышеперечисленные цели и задачи ИКАО представляют собой производственные элементы деятельности. Стремление повысить качество продукции вызвало необходимость введения полиязычия в работу ИКАО (не учитывая политические и другие аспекты). Хронология внедрения рабочих языков в деятельность ИКАО приведена на рис. 2.

1944	▶ английский
1968	▶ французский
	▶ испанский
1977	▶ русский
2011	▶ арабский

Рис. 2. Хронология внедрения рабочих языков ИКАО

Как следствие усиления полиязычия в рамках международного сообщества наблюдается проявление этого явления и в рамках двухсто-

Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина (русский, рабочий язык ИКАО)			
Дания, 2003 (каз., англ., рус.)	Норвегия, 2003 (каз., англ., рус.)	Россия, 1991–2015 (каз., рус.)	
США, 2002 (рус., англ.)			Китай, 2006 (каз., англ., рус.)
Нидерланды, 2002 (каз., нидер., рус., англ.)			Таиланд, 1996 (каз., тайск., англ.)
Венгрия, 1995 (каз., венг., рус., англ.)			Малайзия, 1996 (каз., мал., рус., англ.)
Израиль, 1995 (каз., иврит, рус., англ.)	Иран, 1993 (англ., каз., фарси, рус.)	Узбекистан, 1994 (каз., узб., рус.)	Кыргызстан, 1994 (каз., узб., рус.)

Рис. 3. Увеличение количества языков в двухсторонних соглашениях в области использования воздушного пространства национальных государств

ронних (многосторонних) взаимодействий в области авиационной деятельности (рис. 3).

«Добровольные». Классическим примером является ситуация в торговле. Поставщик предлагает потребителю свою продукцию с сопровождением на своем языке, который для потребителя является вторым, вынуждая осваивать его теми или иными способами. Примеры: программные обеспечения вычислительной техники, поставки вооружения и военной техники другим странам и так далее.

Нормативно-запретительные ограничения. Стандарты ИКАО регламентируют ведение радиообмена при полетах воздушных судов на международных воздушных линиях только на английском языке, а при полетах на внутренних воздушных линиях каждое государство-член ИКАО вправе применять любой язык радиообмена по своему усмотрению.

Социально-инициативные ограничения. Отдельные индивиды, группы индивидов, основываясь на личных, индивидуально-корпоративных взглядах, психолого-идеологических представлениях, стремятся применять выбранный ими единственный язык и навязывают его применение везде и всегда, невзирая на доводы, законодательную регламентацию и общественные потребности полиязычия (проявление фанатизма).

Иначе говоря, по мнению А. П. Панфиловой, деятельность специалиста (пилота, менеджера, юриста, социального работника и др.) – это форма деятельности, осуществляемая меж-

ду людьми как равноправными партнерами и приводящая к возникновению психического контакта, который проявляется в обмене информацией, взаимовлиянии, взаимопереживании и взаимопонимании как социально-практический аспект общения, в котором осуществляется обмен результатами деятельности, способностями, умениями и навыками [6].

Список литературы

1. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – 89 с.
2. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус о языке / Е. И. Голованова. – М.: Элпис, 2008. – 58 с.
3. Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации».
4. Закон Республики Казахстан от 11.07.1997 № 151-1 «О языках в Республике Казахстан» (редакция от 10.07.2012).
5. Конвенция о международной гражданской авиации. – ИКАО, 2006. – 51 с.
6. Панфилова, А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности / А. П. Панфилова. – СПб.: Знание, 2004. – 21 с.
7. Федеральный Закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

Сведения об авторе

Суюнбаева Алтынгуль Жакиповна – старший преподаватель кафедры государственного языка Военного института сил воздушной обороны (Казахстан).
altin_suenbaeva@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 123–126.*

**MOTIVATIONAL-RESTRICTIVE ASPECTS OF MULTILINGUISM
IN THE PROFESSIONALLY-ORIENTED SPHERE OF PUBLIC RELATIONS**

A. Zh. Sujnbayeva

Military Institute of Republic of Kazakhstan, State Language Department. altin_suenbaeva@mail.ru

In the article observed motivational-restrictive aspects of multilinguism in professionally-oriented sphere of public relations and also, efficiency of the use of language in some branch of public relations. That approach exposes rational correlation of reasons and limitations in multilinguism terms.

Keywords: *sphere of communication, subjects of communication, multilinguism, branch of professional communication, efficiency, reasons, limitations.*

References

1. Bondaletov V.D. *Social'naja lingvistika* [Social linguistics]. Moscow, 1987. 89 p. (In Russ.).
2. Golovanova E.I. *Kategorija professional'nogo dejatelja: Formirovanie. Razvitie. Status o jazyke* [Category of professional figure: Formation. Development. The status of the language]. Moscow, 2008. 58 p. (In Russ.).
3. *Zakon Rossijskoj federacii ot 25.10.1991 № 1807-1 «O jazykah narodov Rossijskoj Federacii»* [The Law of the Russian Federation of 25.10.1991 № 1807–1 «On languages of the peoples of the Russian Federation”]. (In Russ.).
4. *Zakon Respubliki Kazahstan ot 11.07.1997 № 151-1 «O jazykah v Respublike Kazahstan» (redakcija ot 10.07.2012)* [Law of the Republic of Kazakhstan dated 11.07.1997 № 151-1 «About languages in the Republic of Kazakhstan” (amended on 10.07.2012)]. (In Russ.).
5. *Konvencija o mezhdunarodnoj grazhdanskoj aviacii* [The Convention on International Civil Aviation]. ICAO, 2006. 51 p. (In Russ.).
6. Panfilova A.P. *Delovaja kommunikacija v professional'noj dejatel'nosti* [Business communication in professional activities]. Saint Petersburg, 2004. 21 p. (In Russ.).
7. *Federal'nyj Zakon ot 01.06.2005 № 53-FZ «O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii»* [Federal Law of 01.06.2005 № 53–FL “On the state language of the Russian Federation”]. (In Russ.).

УДК 811.111'42

Н. П. Трайковская

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ИМПЛИКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Рассматривается проблема имплицирования информации в современных англоязычных рекламных текстах. Имплицитность – неотъемлемая категория рекламного текста. Имплицитную информацию маркируют языковые единицы различных уровней. Рассматриваются лингвостилистические маркеры импликации и выделяются имплицит-сравнение, имплицит-метафора, имплицит-антитеза, имплицит-персонификация, имплицит-эпитет, имплицит-аллюзия. Средства выразительности являются важным языковым элементом имплицирования информации.

Ключевые слова: рекламный текст, мужская реклама, женская реклама, маркер, маркер импликации, лингвостилистические средства выразительности.

Рекламная коммуникация представляется интересным феноменом для изучения не только с позиции его прагматической направленности, чем в большей степени занимаются маркетологи, но также с позиции содержания рекламного текста и процессов, лежащих в основе, осуществления функции воздействия и побуждения к приобретению товара.

Ценность рекламного текста состоит в его способности запоминаться, не теряя связи с объектом рекламы. В связи с этим возникает необходимость описания механизмов, происходящих в процессе понимания рекламных текстов. Рекламный текст – это источник смысловых структур, которые расшифровываются реципиентом рекламного сообщения.

В раскрытии глубинных смысловых структур текста, в процессе представления дополнительной информации используется термин импликация. А. Д. Швейцер определяет импликацию как тенденцию к подразумеванию семантических компонентов [9]. Для обозначения информации, которая выводится как по законам логики, так и на основании широкого круга языковых и энциклопедических знаний, Г. П. Грайсом был предложен термин «имликатура». Заложенные адресантом текста имплицитурности стимулируют адресата к их выводу, обуславливая тем самым процесс инференции [2].

Значительный интерес в современной лингвистике к процессам имплицирования информации и инференции неслучаен, так как они охватывают сферу текста и дискурса, а также широкий круг других языковых явлений [7].

Ввиду недостаточной разработанности вопроса о средствах, указывающих на импликацию в рекламных текстах, представляет

ся важным выявить и классифицировать эти средства, служащие маркерами импликации в рекламных текстах.

Термин «маркер импликации» заимствован у С. Г. Краже, которая в своем диссертационном исследовании «Маркеры текстовой импликации на материале современного английского языка» [6] говорит о том, что текстовая импликация является категорией текста и проявляется в нем как вид подразумеваемой информации, который исходит из эксплицитно выраженного текста. Ее могут маркировать языковые единицы разных уровней: грамматические, синтаксические, лексические, стилистические приемы, типы выдвижения. Согласно тематике нашего исследования, использование данного термина оправдано.

Следует отличать «маркер импликации» от «дискурсивного маркера». Дискурсивные маркеры обеспечивают опору для понимания социального устройства [13]. Ван Дейк же называет такие слова макроконнекторами, так как они сигнализируют о новых макропропозициях, а также придают связность дискурсу в целом [3]. Дискурсивные маркеры относятся к дискурсу в целом, являясь общим для всего дискурса. Нами не рассматривались рекламные дискурсивные маркеры, хотя в этом нам видится перспектива исследования.

Рекламный текст подчиняется законам поэтики, основанным на особенностях языка, на котором написана рекламная фраза. Его общая художественная ценность складывается из отдельных художественных приемов, используемых автором [5].

В ходе исследования нами было проанализировано 300 рекламных текстов мужской и

женской современной англоязычной рекламы. По результатам анализа было выявлено, что для мужских текстов рекламы характерны такие стилистические средства, как сравнения (36 %), метафоры (22 %), эпитеты (4 %), антитеза (13 %), персонификации (18 %) и аллюзии (5 %), которые являются маркерами импликации в текстах рекламы. В свою очередь, для женской рекламы характерны такие стилистические средства, как сравнения (35 %), метафоры (16 %), эпитеты (8 %), метонимии (3,2 %), антитеза (4,8 %), персонификации (24 %) и аллюзии (8 %), которые являются маркерами импликации в текстах рекламы. Результаты анализа, представленные в виде процентного соотношения рекламных текстов с использованием лингвостилистических средств выразительности к общему числу анализируемых рекламных текстов, свидетельствуют о насыщенности рекламной коммуникации стилистическими приемами. Сравнивая использование стилистических приемов отдельно в женской и мужской рекламе, можно сказать, что средства выразительности пользуются популярностью в обоих типах текста.

Средства выразительности выступают в рекламных текстах смысловыми структурами, в которых кодируется информация, то есть выражается имплицитно. Нами была предпринята попытка объединить функциональный подход к изучению языка с современным когнитивно-дискурсивным подходом. В проблематику функциональной стилистики было встроено понятие импликация. Основываясь на этом, мы предлагаем разделение используемых в рекламных текстах лингвостилистических приемов на имплицит-сравнение, имплицит-метафора, имплицит-антитеза, имплицит-персонификация, имплицит-эпитет, имплицит-аллюзия.

Рассмотрим и приведем примеры использования каждого из выделенных нами имплицитов в мужской и женской рекламе.

1. Имплицит-сравнение:

А. Мужские рекламные тексты.

(1) «*Chopard. One man, One machine*» [14. С. 21];

(2) «*Trekbar. Nature is power*» [19. С. 46].

Сравнение как фигура речи используется в рекламных текстах с целью сравнения рекламируемого товара с каким-либо объектом или явлением, присваивая ему желаемые качества, или с целью приписывания реципиенту рекламного сообщения качеств товара. Проанализировав представленные выше при-

меры мужской рекламы, можно заключить, что сравнение основано на создании образа реципиента сообщения: в рекламе часов *Chopard* (1) реципиенту присваивается качество уникальности и индивидуальности («*One – being or amounting to a single unit or individual; single*» [20. С. 1353]), и рекламируемые часы сравниваются с машиной («*machine – an apparatus consisting of interrelated parts with separate functions, used in the performance of some kind of work; a person or thing that's acts in a mechanic or automatic order*» [20. С. 1151]).

В рекламе энергетического батончика *Trekbar* (2) для путешествий используется двойное сравнение «*trekbar – nature – power*», чем подчеркивается характеристика рекламируемого объекта: он состоит из натуральных элементов и, следовательно, в нем заложены те элементы, которые обеспечат выносливость в путешествии.

Б. Женские рекламные тексты.

(1) «*Richard Mille. A racing machine on the wrist*» [21. С. 121–122];

(2) «*Clinique. Look like the picture of health*» [23. С. 9].

Часы *Richard Mille* (1) сравниваются с «*racing machine*» («*Race – any contest or competition to achieve superiority*» [20. С. 1590]), что свидетельствует о том, что рекламируемым часам присваиваются качества гоночной машины, такие как быстрота, скорость, превосходство. В свою очередь, реклама крема *Clinique* (2) пропагандирует образ «*the picture of health*» («*picture – a visual representation of something; a mental image; a visible or concrete embodiment of some quality or condition*» [20. С. 1465]), что означает: если реципиент рекламного сообщения будет использовать данный крем, то будет выглядеть идеально.

2. Имплицит-метафора:

А. Мужские рекламные тексты.

(1) «*Hugo Boss. Master the light*» [12. С. 14];

(2) «*TruMoo. Fuel your first down*» [18. С. 79].

Центральным понятием теории концептуальной (когнитивной) метафоры является понятие «метафорической модели». Вслед за А. П. Чудиновым метафорическая модель, в рамках которой осуществляются переносы из одной понятийной сферы в другую, понимается нами как «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y»» [8. С. 70].

Рекламный текст часов *Hugo Boss* представляет собой метафору *master the light*, которая основана на использовании глагола *master* («*to conquer or overcome*» [20. С. 1183]), что указывает на качество превосходства. Концептуальная метафора «*Fuel your first down*», использованная в рекламе энергетического напитка *TruMoo*, с помощью глагола *fuel* («*to supply with nourishment and food*» [20. С. 773]) осуществляет связь рекламируемого объекта и рекламного текста.

Б. Женские рекламные тексты.

(1) «*EXPRESS. Own the moment*» [25. С. 96];

(2) «*Bare minerals. Be a force of beauty. Pretty is what you are. Beauty is what you do with it*» [16. С. 57].

Автор рекламного сообщения лишь задает возможные направления интерпретации рекламного сообщения, что провоцирует адресата на самостоятельную интерпретацию рекламного сообщения.

Так, в рекламе часов *EXPRESS* (1) посредством метафоры «*own the moment*» актуализируется понятийная область «*время*» с помощью существительного *moment*, а глагол *own* («*to acknowledge or admit; recognize; possess*» [20. С. 1388]) подчеркивает характеристику превосходства и контроля над ситуацией. Метафора «*force of beauty*» в рекламе косметики *Bare minerals* актуализирует понятийную область «*сила*» и «*красота*» с помощью существительного *force* («*strength, energy, power, influence, affect, control*» [20. С. 748]).

3. Импликат-персонификация:

А. Мужские рекламные тексты.

(1) «*NIKE. SHOULD YOUR EYES START LISTENING TO YOUR LEGS?*» [17. С. 64];

(2) «*Art Shavinc. Evolution needs a gentle reminder every morning*» [18. С. 19].

Использование приема персонификации в рекламных текстах значительно отличается от его использования в текстах художественных, так как в художественных текстах «персонификация часто становится средством общения лирического героя с миром, выражая сопричастность событий природы событиям внутреннего мира персонажа» [1. С. 7], а в рекламных текстах лирический герой отсутствует. В текстах рекламы «лирический герой» – это рекламируемый товар, который наделяется определенными признаками, в том числе признаками живого объекта или человека.

В мужской рекламе объект не наделяется признаками живого объекта, а в самом тек-

сте рекламы часто используется прием персонификации: реклама кроссовок *Nike* (1) (*eyes listening to your legs*) и средства для бритья *Art Shavinc* (2) (*Evolution needs a reminder*).

В женских рекламных текстах, напротив, признаки живого приписываются рекламируемому объекту: украшению *Cartier* в рекламном тексте «*True love has a color and a name*» [24. С. 53] присваивается свойство живого объекта «*color*» и «*name*».

4. Импликат-антитеза:

Различий в использовании приема антитезы в мужской и женской рекламе не было выявлено. В мужской рекламе электронной книги «*Kindle Paperwhite. Perfect in Sunlight, Perfect in Moonlight*» [11. С. 54–55] подчеркивается качество универсальности и удобства (*perfect*) ее использования в любое время суток (противопоставление «*Sunlight - Moonlight*»).

В рекламе помады «*RIMMEL So hot, they are cool*» [10. С. 48] используется не только, на первый взгляд, прием антитезы (*hot - cool*), но и скрытая в нем игра слов («*hot - having a high temperature; sexy and attractive*» [20. С. 925] и «*cool – comfortable freedom from hot, moderately cold; great, fine, excellent*» [20. С. 446]), что подчеркивает двойственность создаваемого образа.

5. Импликат-эпитет:

Использование эпитетов в мужских рекламных текстах не значительно, но все же возможно привести примеры, в которых особенность использования состоит в том, что эпитет выступает связующим звеном между названием рекламируемого бренда и текста рекламы. В рекламе мужского парфюма «*Spicebomb. The new explosive fragrance*» [11. С. 25] используется эпитет *explosive* («*tending or serving to explode*» [20. С. 682]), который выступает в качестве эпитета к слову *fragrance*, чем осуществляется связь с названием бренда *Spicebomb*.

Аналогичный пример связи объекта рекламы можно привести и из женской рекламы украшений «*Jane Iredale. GILDED AND GIFTED*» [25. С. 213], где эпитет *gilded* («*having a pleasant or showy appearance that conceals something of little worth*» [20. С. 806]) относится к рекламируемому товару, а эпитет *gifted* («*having great special talent or ability; having exceptional high intelligence*» [20. С. 805]) относится к реципиенту рекламного сообщения.

А в рекламе теней «*Rimmel. Out of this world. Cosmic colour collection*» [24. С. 329] использование эпитета *cosmic* подчеркивает цвет рекламируемых теней.

6. Импликат-аллюзия:

Е. М. Дронова считает, что аллюзия выступает в качестве общепризнанного средства повышения интертекстуальной плотности произведения, создания его смыслового, эмоционально-эстетического потенциала. В результате функционирования стилистического приема аллюзии у читателей создаются зрительно и чувственно осязаемые образы, которыми облекается предметно-логическое содержание [4].

Использование аллюзий в рекламе сведено к минимуму, так как понимание аллюзий требует наличия фоновых знаний и времени для установления предметно-логических связей, что иногда не приемлемо для рекламной коммуникации: наличие фоновых знаний сложно предугадать и реклама должна быстро запоминаться, реципиент должен мгновенно запомнить рекламный текст и рекламируемый товар.

Нами были выбраны рекламные тексты как мужской, так и женской рекламы с использованием приема аллюзии. В рекламе часов «*Omega. Clooney and Einstein's choice*» [15. С. 224] используется аллюзия на то, что данные часы – выбор Джорджа Клуни, современного американского актера, режиссера, продюсера и сценариста, и Альберта Эйнштейна, физика-теоретика, основателя современной теоретической физики, лауреата Нобелевской премии по физике. В данном рекламном тексте использование аллюзии на известных личностей неслучайно, Джордж Клуни – символ современности, моды и мужской красоты, Альберт Эйнштейн – символ интеллекта, логики и науки. Основываясь на этих фактах, реципиент рекламного сообщения будет ассоциировать часы Omega с модой, красотой, интеллектом и логикой. Следовательно, посредством аллюзии происходит приписывание характеристик объектов, на которые делаются аллюзии, рекламируемым объектам.

В женской рекламе галантереи «*Hermes. Metamorphosis, an Hermes's story*» [22. С. 216] может произойти ложная аллюзия на бога торговли, прибыли, разумности, ловкости и красноречия и бога атлетов из древнегреческой мифологии. Она оказывается ложной, потому что основатель частной фирмы по производству упряжи для лошадей в 1837 г. был Тьерри Эрмес (Thierry Hermes), фирма позже стала заниматься обувью и галантереей, которая впоследствии стала французским Домом высокой моды *Hermes*, существующим и по сегодняшний день. Из вышеприведенного примера,

можно сделать вывод, что создатели рекламы должны продуманно использовать аллюзии при создании рекламных текстов.

Таким образом, исследование языковых процессов, происходящих в рекламных текстах, позволяет формализовать механизмы выявления имплицитной информации. Более того, изучение способов введения в тексте скрытой информации дает возможность повысить коммуникативную компетентность носителя языка в целом, а в частности эффективно использовать языковые средства для достижения цели общения. Исследование лингвостилистических маркеров импликации в современных англоязычных рекламных текстах дает возможность рассмотреть способы коммуникативного воздействия, которые основаны на использовании имплицитной информации.

Из предложенной выше классификации маркеров импликаций, основанных на использовании лингвостилистических средств, можно заключить, что средства выразительности являются важным языковым элементом имплицитирования информации, так как создают образ рекламируемого товара и дают реципиенту рекламного сообщения возможность создать свой собственный «не навязываемый» образ.

Имплицитная информация является неотъемлемой частью любого сообщения, а в рекламном тексте имплицитность видится нам неотъемлемой категорией, так как рекламный текст отличается минимумом языковых средств при максимуме информации, заложенной в них.

Список литературы

1. Воскресенская, С. Ю. Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ю. Воскресенская. – Тверь, 2007.
2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
4. Дронова, Е. М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности: На материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Дронова. – Воронеж, 2006.
5. Кохтев, Н. Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов / Н. Н. Кохтев. – М.: МГУ, 1997. – 95 с.

6. Краже, С. Г. Маркеры текстовой импликации на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Краже. – Ленинград, 1986.
7. Прохоров, А. В. Понимание рекламного текста: имплицирование информации и инферентный вывод / А. В. Прохоров // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2008. – Вып. 9 (65).
8. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 250 с.
9. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М., 1973. – 280 с.
10. Cosmopolitan (UK). – 2014. – № 05. – 211 p.
11. Esquire (US). – 2012. – № 08. – 172 p.
12. Esquire (USA). – 2015. – № 05. – 136 p.
13. Goffman, E. Frame Analysis / E. Goffman. – New York, 1974. – 586 p.
14. GQ (UK). – 2014. – № 08. – 218 p.
15. GQ (AU). – 2015. – № 04. – 224 p.
16. Marie Claire (UK). – 2012. – № 07. – 259 p.
17. Men's Health (USA). – 2006. – № 04. – 206 p.
18. Men's Health (USA). – 2014. – № 11. – 181 p.
19. Men's Health (UK). – 2015. – № 04. – 256 p.
20. Random House Webster's Unabridged Dictionary. – 2001. – 2230 p.
21. Vanity Fair (UK). – 2014. – № 09. – 129 p.
22. Vanity Fair (USA). – 2014. – № 09. – 352 p.
23. Vogue (UK). – 2013. – № 11. – 454 p.
24. Vogue (UK). – 2013. – № 12. – 344 p.
25. Vogue (USA). – 2013. – № 12. – 314 p.
26. Vogue (UK). – 2014. – № 1. – 250 p.

Сведения об авторе

Трайковская Наталья Петровна – аспирант кафедры английской филологии, ассистент кафедры английской филологии, Тульский государственный педагогический университет.
traikovskaya.natalia@gmail.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 127–132.*

LINGUOSTYLISTIC MARKERS OF IMPLICATION IN MODERN ENGLISH ADVERTISING TEXTS

N. P. Traikovskaia

Tula State Pedagogical University. traikovskaya.natalia@gmail.com

The article deals with the problem of implication of information in modern English advertising texts. Implicitness is an integral category of an advertising text. Implicit information is labelled by language units on different levels. This article discusses the linguostylistic markers of implication: implication-simile, implication-metaphor, implication-antithesis, implication-personification, implication-epithet and implication-allusion. Figures of speech are important language elements of information implication.

Keywords: *advertising text, advertisement for male, advertisement for female, marker, marker of implication, linguostylistic figures of speech.*

References

1. Voskresenskaya S.Iu. *Gendernie stereopipy v leksiko-grammaticheskoi personifikatsii* [Gender stereotypes of lexical and grammatical personification]. Tver, 2007. (In Russ.).
2. Grice G.P. *Logika i rechevoe obwenie* [Logics and Verbal Communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Philology], vol. 16. Moscow, 1985. Pp. 217–237. (In Russ.).
3. Dijk T.A.van. *Yazik. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 1989. 312 p. (In Russ.).
4. Dronova E.M. *Stilisticheskii priem allusii v svete teorii intertekstualnosti (na materiale anglo-irlandskoi dramy vtoroi poloviny XX veka)* [Allusion as stylistic figure in the theory of intertextuality (based on English-Irish drama of second half XX)]. Voronezh, 2006. (In Russ.).

5. Kokhtev N.N. *Reklama: iskusstvo slova. Rekomendatsii dlya sostavitelei reklamnih tekstov* [Advertising: art of a word. Recommendations for advertising text creators]. Moscow, 1997. 95 p. (In Russ.).
6. Krazhe S.G. *Markeri tekstovoi implikatsii na materiale sovremennogo angliiskogo yazika* [Markers of textual implication on the material of the English Language]. Leningrad, 1986. (In Russ.).
7. Prokhorov A.V. Ponimanie reklamnogo teksta: implitsirovanie informatsii i inferentnii vivod [Understanding of advertising text: implication of information and inference]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Herald Of Tambov University], 2008, vol. 9 (65). (In Russ.).
8. Chudinov A.P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi komunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political discourse]. Ekaterinburg, 2003. 250 p. (In Russ.).
9. Shveitser A.D. *Perevod i lingvistika* [Translation and Linguistics]. Moscow, 1973. 280 p. (In Russ.).
10. *Cosmopolitan (UK)*, 2014, no. 05. 211 p.
11. *Esquire (US)*, 2012, no. 08. 172 p.
12. *Esquire (USA)*, 2015, no. 05. 136 p.
13. Goffman E. *Frame Analysis*. New York, 1974. 586 p.
14. *GQ (UK)*, 2014, no. 08. 218 p.
15. *GQ (AU)*, 2015, no. 04. 224 p.
16. *Marie Claire (UK)*, 2012, no. 07. 259 p.
17. *Men's Health (USA)*, 2006, no. 04. 206 p.
18. *Men's Health (USA)*, 2014, no. 11. 181 p.
19. *Men's Health (UK)*, 2015, no. 04. 256 p.
20. *Random House Webster's Unabridged Dictionary*. 2001. 2230 p.
21. *Vanity Fair (UK)*, 2014, no. 09. 129 p.
22. *Vanity Fair (USA)*, 2014, no. 09. 352 p.
23. *Vogue (UK)*, 2013, no. 11. 454 p.
24. *Vogue (UK)*, 2013, no. 12. 344 p.
25. *Vogue (USA)*, 2013, no. 12. 314 p.
26. *Vogue (UK)*, 2014, no. 1. 250 p.

УДК 811.11-112
ББК 81-5

Г. В. Урванцев

СООТНОШЕНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА И ОБРАЗА ВСЕЛЕННОЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируется образ города как модель вселенной на материале мультсериала «Симпсоны». В ходе анализа выделяются и рассматриваются значимые компоненты городского пространства. Делается вывод о том, что эксцентрический и концентрический город (в терминологии Ю. М. Лотмана) – это два различных, но неразрывно взаимосвязанных аспекта существования образа.

Ключевые слова: образ города, модель вселенной, образ вселенной, стереотипы, эксцентричность, концентричность, эксцентрический город, концентрический город, городское пространство, национально-культурные различия, культурно-значимая лексика.

Стремительное развитие общества привело к бурному росту городов. Как следствие, город начинает восприниматься как естественная «среда обитания» для человека, все явления окружающего мира, как природные (растительность, времена года, моря, горы и так далее), так и культурные (разные страны, разные народы, какие-либо события, праздники и пр.) начинают рассматриваться в контексте города. Такое восприятие мира находит отражение и в современной массовой культуре.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть особенности репрезентации городского пространства в популярном мультсериале «Симпсоны», действие которого происходит в вымышленном американском городе Спрингфилде.

Изначально Спрингфилд создавался как маленький город в американской глубинке (название *Спрингфилд* выбрано не случайно – таких топонимов на карте США чрезвычайно много). Авторы стремились создать образ среднестатистического американского города. Реалистичность образа достигается благодаря использованию большого количества деталей: персонажей, зданий, ситуаций. Обильное использование деталей или «строительных элементов» образа города приводит к тому, что в нем находят отражение многие мировые события и явления, связанные с различными аспектами жизни человечества (культурой, политикой, экономикой, технологиями и т. п.). Если вслед за Ю. М. Лотманом использовать термины эксцентрический (уникальный, выделяющийся на фоне природы) город и концентрический город (город как модель мира), то можно отметить, что образ современного горо-

да близок ко второму типу, так как включает в себя большое число мировых компонентов [2].

Ю. М. Лотман говорил о том, что концентрическое восприятие города характерно, скорее, для прошлых эпох, а современность характеризуется эксцентричностью [2]. Мы же считаем, что город в сознании современного человека редко предстает как ограниченное пространство, резко выделяющееся на фоне природы, образ его существует как некая модель Вселенной, неразрывно связанная со всем миром в целом, то есть образ города концентричен.

Чтобы подтвердить эту мысль, мы проанализировали образ города и составляющие его элементы городского пространства, показанные в мультсериале. Мы выделяем следующие основные компоненты городского пространства вообще: внешние пространства (архитектура, природа и так далее), внутренние пространства (интерьеры), люди (жители, гости города), события (различные мероприятия и события, происходящие в городе), нельзя забывать и о «мыслимых мирах» – компоненте образа города, который существует исключительно в сознании людей [5].

Одной из отличительных черт мультсериала является огромное количество персонажей. Мы видим множество второстепенных героев, у каждого из которых есть своя история, характер, голос и пр., которые позволяют легко выделить того или иного человека из общей массы. Иначе говоря, Спрингфилд наполнен эксцентричными людьми. Городские здания также являются эксцентричными: многие из них моментально узнаваемы зрителем, они имеют «имена» (*King Toot's Music Store, Moe's*

Tavern, Springfield Downs, Bowl-a-rama, Kwik-E-Mart). Таким образом, большинство элементов, из которых состоит город, относится к эксцентрическим, уникальным, и общий образ города составляется из них, как из «строительных блоков».

Интересен тот факт, что «блоки», из которых построен образ города, зачастую противоречат друг другу, но вполне мирно сосуществуют. Рассмотрим первый из вышеупомянутых компонентов – внешние пространства. В различных сериях мультсериала мы видим абсолютно разные климатические зоны: город одновременно окружен горами (причем очень высокими), морем, пустыней и обычным лесом. Когда действие мультфильма происходит летом, в городе появляются теплолюбивые растения, например, пальмы и лимонное дерево, зимой же в городе бывает мороз и много снега.

Другое противоречие заключается в том, насколько сильно Спрингфилд интегрирован в жизнь «большого мира» (для провинциального городка). Здесь можно отметить и разнообразие коммуникаций, доступных в городе: есть и аэропорт, и морской причал, и авто/железнодорожные вокзалы и даже монорельс. Спрингфилд посещают мировые знаменитости (например, музыканты The Who, Green Day и Lady Gaga), в нем планировалось провести Олимпийские игры и так далее.

Отдельно следует оговорить обилие представителей разных национальностей и, соответственно, культур в городе: можно выделить американцев (сами Симпсоны, Фландерсы и многие другие), индусов (семья Апу), китайцев (Куки Кван), японцев (работники суши-ресторана, подруга торговца комиксами), итальянцев (мафия), шотландцев (садовник Вилли), евреев (клоун Красти и раввин Крастофски); эпизодически появляются русские, афганцы, немцы, шведы и так далее.

Все это говорит о том, что образ города как таковой стремится к охвату всех возможных событий, явлений и культур мира, становясь в какой-то мере его отражением.

С лингвистической точки зрения, универсальность и стремление образа города к охвату образа вселенной выражается, во-первых, в использовании различных «нестандартных» вариантов английского языка при создании текстов реплик тех или иных персонажей и их озвучке.

Например, садовник Вилли говорит с сильным акцентом, его речь – подражание шот-

ландскому диалекту английского языка. Возьмем его фразу: *Will you get hold of yourself lass for the wee bairns* («Да успокойся же ты, подружка, здесь же маленькие дети»), – которая звучит примерно следующим образом: [wil ya ge' hold ə yarself la:s for wi: bʌrns]. В глаза сразу бросаются отличия в произношении гласных звуков от стандартного, а также обилие звука [r], который персонаж произносит ближе к русскому [r]. Кроме того, мы видим особую «шотландскую» лексику: *lass, wee, bairns* [3].

Другой персонаж, Апу, продавец магазина, говорит со стилизованным индийским акцентом: *Mrs. Simpson, the express line is the fastest line not always. That old man up front, he is starved for attention. He will talk the cashier's head off* («Миссис Симпсон, экспресс – не всегда самый быстрый поезд. Старику впереди не хватает внимания. Он заговорит кассира до смерти»). В приведенной фразе нарушены синтаксические и морфологические нормы литературного английского языка (в «стандартном» английском приведенные предложения должны были бы выглядеть иначе: “The express line isn't always the fastest one” и “That old man up front is starving for attention”). То есть в оригинале используется форма *starved* вместо *starving*, кластер *not always* стоит «не на своем месте», что является одним из признаков инокультурной речи наряду с использованием специфической лексики и произношением [7].

Обилием национально-культурно окрашенной лексики характеризуется речь ребе Крастофского. Например, он говорит своему сыну: *Seltzer is for drinking, not for spraying* («Вода нужна, чтобы пить, а не чтобы брызгаться») и *You'll do as I say or you'll get such a zetz that you won't even know what hit you* («Будешь делать, как я скажу, или тебе так достанется, что ты все на свете забудешь»). *Seltzer* и *zetz* в этих предложениях являются заимствованиями. Кроме того, и сам ребе, и его сын обильно используют и другие еврейские слова и даже целые фразы: *yeshiva* (йешива), *ou gevalt*, *mishagoyim* (безумие), *Talmud* (Талмуд), *boychik* (сыночек, мальчик). Интересно и то, как ребе строит предложения. Рассмотрим несколько примеров: *You I told to go away* вместо *I told you to go away* («Я же сказал вам, уходите»); *No one is poor except he, who lacks knowledge* («Имея знания, ты никогда не будешь бедным») – имитация языка, которым написаны священные книги.

Следует также рассмотреть речь членов итальянской мафии Спрингфилда. Она харак-

теризуется, в первую очередь, специфическим произношением. Например, слова *prostitution* и *Bartholomew* в транскрипции выглядели бы примерно как [prostitu:ʃən] и [bɑrtəlɒmjʊ] – мы сразу видим, что звуки [θ] и [ð], выражаемые на письме сочетанием *th*, звучат как [t] и [d] соответственно, звук [j] перед гласными может выпускаться, а кроме того, в слово могут добавляться нейтральные звуки для удобства произношения. Речь данных персонажей также отличается использованием сленга: мафиозный босс Толстый Тони и его поделщики на суде заявляют: «*I didn't order this Skinner guy killed. The kid liked to wet his beak in everything*» («Я не заказывал убийство этого Скиннера. Мальчишка совал свой нос везде, где мог»). Такие выражения, как *Order someone killed* и *wet one's beak in something* являются нестандартными, эксцентрическими языковыми единицами. Мы видим, что в данном случае особенности речи персонажей зависят как от национального фактора (они итальянцы), так и от социального (они гангстеры) [8].

Морской капитан МакКаллистер, к примеру, постоянно использует междометие “*yarr*” и слово “*aye*”, являющееся синонимом слова *yes*, так как эти языковые единицы прочно ассоциируются с пиратами, морскими волками.

Необходимо отметить, что помимо национально-специфической речи в образе города нашли отражение и социальные различия, присутствующие в современном американском обществе. Например, мистер Бернс является представителем двух социальных групп: богатые горожане и пожилые люди, что выражается в его речи. Он использует сложные витиеватые предложения, как и подобает обеспеченному человеку с хорошим образованием, а также устаревшую лексику [8]. Это можно проиллюстрировать с помощью следующей фразы: «*Simpson, eh? Judging by his outlandish attire he is some sort of free-thinking anarchist!*» («Симпсон, да? Судя по его наряду, он какой-то свободомыслящий анархист!»), где мы сразу можем выделить слово *attire* как малоупотребимое в наши дни и отметить сложный синтаксис.

Помимо чисто лингвистических (фонетических, грамматических и синтаксических) особенностей организации речи персонажей, необходимо отметить и паралингвистические факторы, например, контекст и интертекстуальные связи. Например, мафиози Толстый Тони в одном из эпизодов говорит: «*We gonna make him an offer he can't refuse*» («Сделайте

ему предложение, от которого он не сможет отказаться») – это цитата из фильма «Крестный отец», который прочно ассоциируется с итальянскими мафиози, пожалуй, во всем мире.

Садовник Вилли постоянно упоминает шотландские реалии, например *haggis* (хаггис), *kilt* (килт) и т. п. Одна из его знаменитых фраз: «*Och, back to the loch wi' you, Nessie*» («Несси, возвращайся в свой лох»), – также показательна, так как озеро Лох-Несс и лох-несское чудовище прочно связаны с Шотландией в сознании практически любого носителя европейской культуры.

Выше мы привели примеры реализации интертекстуальных связей с помощью отдельных фраз, однако это не единственный возможный вариант. Еще одним способом создания интертекстуальных связей является использование определенных изображений, образов или действий. Например, в одном эпизоде мистер Бернс выглядывает из окна и спрашивает: «*You there, boy! What day is this?*» («Эй ты! Ты знаешь, какой сегодня день?»). На это оказавшийся под окном мальчик отвечает: «*Today, sir? Why, it's Christmas Day*» («Сегодня, сэр? Сегодня Рождество»). Данный пример является отсылкой к «Рождественской песни» Ч. Диккенса, произведению о жадном старике Эбнезере Скрудже, на которого во многом похож мистер Бернс.

Под ссылками можно понимать не только цитаты из известных художественных произведений, будь то книги или фильмы, но и отсылки к явлениям повседневности. Например, уже упоминавшийся нами персонаж Апу постоянно повторяет фразу: «*Thank you, come again*» («Спасибо, приходите еще»), – которая является стандартной, стереотипной формой прощания с покупателем во многих розничных магазинах в США, а потому она также активизирует в сознании людей определенные ассоциации, несет некоторую дополнительную смысловую нагрузку [12].

Таким образом, мы видим, что образы персонажей неразрывно связаны с уже устоявшимися представлениями об определенных категориях людей, к которым они принадлежат, связаны с окружающей обстановкой, ситуациями, которые буквально наполнены теми или иными ссылками на общеизвестные события или явления, а также на устоявшиеся в англоязычной культуре стереотипы. Важны не только слова, произносимые людьми, но и действия, совершаемые ими, поскольку они также несут

смысловую нагрузку. За каждым действием, образом стоит комплекс связей с «большим миром», с Вселенной [12].

Можно отметить, что образ города неоднороден и не монолитен; он состоит из множества элементов, «строительных блоков», происходящих из различных источников (национальных культур, эпох, стереотипов, событий и так далее) [10], и, вероятно, именно благодаря им этот образ становится многогранным, объемным и реалистичным.

С языковой точки зрения данный факт подтверждается активным использованием культурно-значимой лексики (*huggis, Talmud, karma, kilt, lass* и пр.), цитат и ссылок на общеизвестные события/произведения (*kiss of death, an offer one can't refuse, «What day is this? – It's Christmas», «Thank you, come again»* и др.) и заимствований (*boychick, mishagoyim, don* и т. д.). Кроме того, важно не только, что говорят люди, но и как они это делают, так как речевые особенности (фонетические и грамматические) также несут определенную смысловую нагрузку и дополняют общую картину образа города [11].

Мы видим, что образ города вбирает в себя все сколько-нибудь значимые и заметные явления в мире, становясь тем самым его отражением, своеобразной моделью вселенной. Следовательно, такой образ города можно назвать концентрическим, и чем больше элементов задействовано в создании образа города, тем точнее он отражает образ вселенной, тем более концентрическим он является.

С другой стороны, чем больше используется элементов, тем больше вероятность того, что одни из них будут отличаться от других и выделяться на общем фоне, то есть чем больше элементов, из которых построен образ города, будет эксцентрическими, тем он эксцентричнее. Таким образом, получается, что чем город эксцентричнее, тем он концентричнее. Здесь наши взгляды расходятся с Ю. М. Лотманом, который считал эксцентрический и концентрический город полярными явлениями и не рассматривал их вместе. Мы же, напротив, считаем эксцентричность и концентричность неразрывно связанными и обязательными аспектами

существования образа города, так как любой город является более или менее точной моделью вселенной, сохраняя при этом уникальные, характерные только для него черты.

Список литературы

1. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
2. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб, 2000. – С. 251–335.
3. Маковский, М. М. Английская диалектология / М. М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1980. – 192 с.
4. Олизько, Н. С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Олизько. – Челябинск, 2002. – 27 с.
5. Урванцев, Г. В. Национальная картина мира в лингвокультурологическом аспекте / Г. В. Урванцев // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания : материалы итоговой науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. – Костанай, 2014. – С. 59–62.
6. Auge, M. Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity / M. Auge. – N.-Y.: Verso, 1995. – P. 75–120.
7. Bragg, M. The Adventure of English / M. Bragg. – Hodder & Stoughton, 2004. – 326 p.
8. Bryson, B. Mother Tongue / B. Bryson. – Penguin Books, 1991. – 255 p.
9. Crystal, D. The Stories of English / D. Crystal. – Overlook TP, 2005. – 537 p.
10. Certau, M. de Spatial Stories / M. de Certau // The Practice of Everyday Life. – Berkeley: University of California Press, 1984. – P. 115–130.
11. Garcia Canclini, N. What is a City / N. Garcia Canclini // The Urban Scene in Latin America. – London: Duke University Press, 2009. – P. 37–60.
12. Johnson, M. Metaphors We Live By / M. Johnson, G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 276 p.

Сведения об авторе

Урванцев Глеб Васильевич – аспирант, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
punkhoyleb@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).

Philology. Arts. Issue 97. Pp. 133–137.

RELATIONS BETWEEN THE IMAGE OF THE CITY AND THE IMAGE THE UNIVERSE IN CONTEMPORARY ANGLOPHONE DISCOURSE

G. V. Urvantsev

Chelyabinsk State University. punkhoygleb@mail.ru

This article is dedicated to the analysis of the image of the city as a model of the universe based on The Simpsons TV show. During the course of the analysis significant components of urban space, such as exteriors and architecture, interiors, people and events are defined and considered. The linguistic phenomena analyzed include borrowed words, foreign speech, culture-significant vocabulary, dialectical and accent features, syntax deviations, speech and behavior stereotypes and different types of quotation, such as direct (repeating certain phrases) and mute (not represented linguistically). The facts analyzed in the article show that the image of a contemporary city tend to embrace as many world events and phenomena as possible, thus becoming a sort of model of the universe. At the same time, the components the image of the universe consists of tend to become extremely diverse and unique. The author uses Yuri Lotman's ideas about eccentric (unique, outstanding) and concentric (replicating the universe, central in the universe) cities and arrives at a conclusion that these are different but inseparably intertwined aspects of existence of the image of the city. In simpler words, any city is unique and specific and at the same time any city is a model of the entire universe.

Keywords: *image of the city, model of the universe, image of the universe, stereotypes, eccentricity, concentricity, eccentric city, concentric city, urban space, national and cultural differences, culture-significant vocabulary.*

References

1. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic world images as derivatives of national mentalities]. Moscow, 2003. 349 p. (In Russ.).
2. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, 2000. Pp. 251–335. (In Russ.).
3. Makovskiy M.M. *Angliyskaya dialektologiya* [English dialectology]. Moscow, 1980. 192 p. (In Russ.).
4. Oliz'ko N.S. *Intertekstual'nost' kak sistemoobrazuyushchaya kategoriya postmodernistskogo diskursa* [Intertextuality as framework category of postmodernist discourse]. Chelyabinsk, 2002. 27 p. (In Russ.).
5. Urvantsev G.V. *Natsional'naya kartina mira v lingvokul'turologicheskom aspekte* [National world image in linguoculturological aspect]. *Aktual'nye problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniya* [Relevant problems of contemporary humanities]. Kostanay, 2014. Pp. 59–62. (In Russ.).
6. Auge M. *Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. New York, 1995. Pp. 75–120.
7. Bragg M. *The Adventure of English*. London, 2004. 326 p.
8. Bryson B. *Mother Tongue*. London, 1991. 255 p.
9. Crystal D. *The Stories of English*. London, 2005. 537 p.
10. Certau M. de *Spatial Stories. The Practice of Everyday Life*. Berkeley, 1984. Pp. 115–130.
11. Garcia Canclini N. *What is a City. The Urban Scene in Latin America*. London, 2009. Pp. 37–60.
12. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 276 p.

УДК 81–2
ББК 81 X12

Е. И. Хабирова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ КАРЬЕРНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Анализируется специфика фразеологической номинации карьерных достижений в современных российских СМИ. Описываются современные научные подходы к изучению специфики фразеологической номинации. Дается анализ примеров фразеологической номинации карьерных достижений в текстах российских СМИ. Обосновывается значимость выбора фразеологической номинации карьерных достижений в современных российских СМИ. Доказывается, что при помощи когнитивной метафоры абстрактные или сложные, труднодоступные для восприятия и осмысления объекты осмысливаются через известные, конкретные предметы и явления.

Ключевые слова: *фразеологическая номинация, когнитивная метафора, фразеологическая единица, сфера-источник, пространство-цель.*

В современную эпоху глобализации наиболее важную роль в формировании стереотипов общественного поведения и массового сознания играют средства массовой информации (далее СМИ). Пронизывая все сферы жизни общества, СМИ становятся неотъемлемой частью информационного пространства, которое является неоспоримым источником знаний. Значимость информации и знаний, получаемых из СМИ, обусловлена широким распространением информационных технологий и их способностью воздействовать на сознание людей и, более того, изменять его. Отражая актуальные события, происходящие в стране, СМИ наделены способностью привлекать внимание достаточно большой целевой аудитории.

Как отмечает Н. И. Гайтюкевич, «информационная сфера, меняя традиционные парадигмы, установки, стереотипы деятельности, не только отражает глобальную политику по формированию общества, но и качественно трансформирует ее» [2. С. 275].

Целью данного исследования является выявление специфики фразеологической номинации карьерных достижений в современных российских СМИ.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) охарактеризовать современные научные подходы к изучению специфики фразеологической номинации;
- 2) проанализировать примеры фразеологической номинации карьерных достижений в текстах российских СМИ;

3) обосновать значимость выбора фразеологической номинации карьерных достижений в современных российских СМИ.

Для обозначения явлений объективной действительности в текстах российских СМИ нередко используются фразеологические единицы (далее ФЕ), которые относятся к числу номинативных единиц.

Теория языковой номинации связана с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности, и какую роль они играют в коммуникации [16].

По определению В. Г. Гака, «номинация есть процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с означаемыми ими объектами» [3. С. 237].

Фразеологическая номинация – более сложное явление, чем лексическая номинация, так как фразеологические единицы являются раздельнооформленными образованиями, состоят из слов как с переосмысленным, так и с буквальным значением, и значение фразеологизма опосредовано этими словами, но не равняется сумме их значений [7].

Являясь одной из разновидностей непрямой образной номинации фрагментов действительности, фразеологическая номинация имеет более значительные возможности для словесной детализации и экспликации образа по сравнению с другими ее разновидностями [13].

Вслед за Д. А. Жоржюлиани, мы считаем фразеологическую номинацию осложненным

видом наименования [5], поскольку данному виду номинации подвергаются сложные объекты.

Как отмечает М. Э. Рут, объектом образной номинации выступает «предмет системно внеположенный», «обладающий сложным, не поддающимся абстрагированию на данной ступени познания признаком» [12. С. 31]. Иными словами, необходимость фразеологической номинации того или иного объекта свидетельствует о его нахождении (в соответствии с интерпретацией ученого) вне известных и отраженных в лексиконе категорий объектов.

В основе всех видов вторичной номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Обозначение нового явления происходит в результате выявления ассоциаций по сходству или смежности между свойствами номинируемого явления и свойствами явлений, уже получивших ранее обозначение в языке на основе фоновых знаний носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения [9].

Одним из актуальных когнитивных механизмов, при помощи которого абстрактные или сложные, труднодоступные для восприятия и осмысления объекты осмысливаются через известные, конкретные предметы и явления, представляется метафора.

Возникновение метафоры или придание нового метафорического значения ранее существовавшему образному выражению происходит с помощью комплекса определенных когнитивных операций со знанием, в результате которых формируется фактически новое или модифицированное ментальное пространство, возникающее, а в последующем и закрепляющееся, благодаря частичному заимствованию структур из различных концептуальных областей [17].

Согласно Дж. Лакоффу, в метафорическом структурировании участвуют две концептуальные области: область-источник (source) и область-мишень (target) [8]. Процесс метафоризации рассматривается здесь как процесс передачи или переноса знаний из области источника (source domain) в область цели (target domain). Область источника – это структура знаний, являющаяся основой для когнитивного отображения (переноса mapping) в процессе формирования метафоры. Область цели – это структура знаний, являющаяся конечным пунктом когнитивного отображения в процессе формирования метафоры. Сущность метафо-

ризации заключается в отображении когнитивного пространства источника в когнитивном пространстве цели или фрейма модели во фрейме объекта [4].

Проанализируем, каким образом ФЕ *карьерная лестница*, *золотой парашют* и *стеклянный потолок* репрезентируют знания о карьерных достижениях в современных российских СМИ.

ФЕ *карьерная лестница* (*лестница карьерного роста*) используется в значении *модель построения карьеры, состоящая из определенных ступеней (должностей, типовых рабочих мест), описывающих не зависящие от конкретных работников пути карьерного перемещения*.

ФЕ заимствована из английского языка, ср. *career ladder*. В основе номинации данного явления лежит метафорический принцип переосмысления общеупотребительных слов. Набор ассоциативных признаков, характеризующих успешное продвижение по службе, соотносится в сознании специалиста с чувственно-наглядным образом *лестницы* как объекта, по которому можно постепенно по ступеням подниматься вверх. Компонент *карьерная* принадлежит к терминосфере управления персоналом и, отражая профессиональное знание, дополняет образ, сложившийся в обыденном сознании. При образовании данной ФЕ профессиональное знание накладывается на обыденное. Когнитивное пространство сферы-источника *карьерная лестница* переносится в пространство-цель *продвижение по службе*.

Пр. Когда человек боится, что он не справится с кругом своих обязанностей, и не чувствует перспектив, наступает синдром хронической усталости. Поэтому он должен менять что-то, если хочет работать именно в этом месте и двигаться по *карьерной лестнице* [6].

ФЕ *золотой парашют* обозначает *обещание выплатить менеджерам крупные суммы в случае увольнения, заключение договоров с очень высокими выходными пособиями*.

ФЕ заимствована из английского языка, ср. *golden parachute*. В основе номинации данного явления лежит метафорический принцип переосмысления общеупотребительных слов. Ни компонент *золотой* (*golden*), ни компонент *парашют* (*parachute*) не являются терминами, но именно их сочетание обозначает специальное понятие. Набор ассоциативных признаков, характеризующих выходные пособия в случае увольнения, соотносится в сознании специали-

ста с чувственно-наглядным образом *парашиюта* как механизма, предотвращающего резкое падение с высоты. Компонент *золотой* (благоприятный, ценный) дополняет образ, сложившийся в обыденном сознании. При образовании данной ФЕ профессиональное знание накладывается на обыденное. Когнитивное пространство сферы-источника *золотой парашют* переносится в пространство-цель *выходное пособие* [15].

Пр. «Газпром» раскрыл запасной «золотой парашют». **Скандал был связан с выплатой господином Кузичевым «золотых парашютов» команде ОГК-2, уволившейся в результате получения «Газпромом» контроля над энергокомпанией** [1].

Пр. Путин меняет «золотые парашюты» на серебро и жезл [11].

Пр. Несмотря на неоправданные надежды властей, Провоторов все-таки получит выходное пособие. Аналогичный случай произошел в декабре прошлого года: экс-гендиректор «Норникеля» Владимир Стржалковский, по данным «Ведомостей», после отставки получил «золотой парашют» в размере 100 миллионов долларов. Этот пример не единственный: в годы кризиса государство выделило по миллиарду рублей топ-менеджерам «АвтоВАЗа» и управленцам в РАО «ЕЭС России». Многочисленные «моральные компенсации» гендиректорам и президентам госкомпаний, как ни странно, не вызвали бурной реакции общественности, поэтому топ-менеджеры по сей день получают «золотые парашюты», когда покидают возглавляемые ими организации [14].

ФЕ *стеклянный потолок* широко используется в СМИ для описания *невидимого барьера, ограничивающего продвижение женщины по служебной лестнице*.

ФЕ заимствована из английского языка, ср. *glass ceiling*. В основе номинации данного явления лежит метафорический принцип переосмысления общеупотребительных слов. Ни компонент *стеклянный* (*glass*), ни компонент *потолок* (*ceiling*) не являются терминами, но именно их сочетание обозначает специальное понятие. Набор ассоциативных признаков, характеризующих невидимый барьер, соотносится в сознании специалиста с чувственно-наглядным образом *потолка* как препятствия, ограничивающего продвижение женщины по служебной лестнице. Компонент *стеклянный* (прозрачный, невидимый) дополняет образ, сложившийся в обыденном сознании. При об-

разовании данной ФЕ профессиональное знание накладывается на обыденное. Когнитивное пространство сферы-источника *стеклянный потолок* переносится в пространство-цель *невидимый барьер*.

Пр. Есть такое понятие, обозначающее препятствие в росте карьеры, – «стеклянный потолок». Женщина видит свои возможности, понимает, каких высот может достичь, но ей не дают это сделать. Ведь в условиях рынка, конкурентной борьбы мужчины забирают себе «жирные куски». В результате, если она хочет двигаться вверх, ей приходится разбивать «стеклянный потолок» [10].

В результате анализа мы пришли к выводу, что ФЕ, функционирующие в современных российских СМИ, являются носителями комплексной информации о карьерных достижениях членов российского общества. Объективируя значимую информацию с помощью ярких образов, ФЕ способны активизировать чувственный опыт читателя. Как правило, выбор сферы-источника для фразеологической номинации актуальных явлений действительности происходит с опорой на результаты обыденного познания номинатора. При этом фразеологические единицы позволяют передать в своем значении совокупность обыденных и профессиональных знаний именованных объектов.

Дальнейшее изучение специфики фразеологической номинации в средствах массовой информации в когнитивном аспекте представляется перспективным, поскольку позволяет выявить закономерности именования уникальных объектов и их прагматические характеристики.

Список литературы

1. Газета «Коммерсантъ». – 26.09.2008. – № 174. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1031455>.
2. Гайтюкевич, Н. И. Роль и место СМИ в системе современных массовых коммуникаций / Н. И. Гайтюкевич // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 2. – С. 274–277.
3. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация: общие вопросы. – М., 1977. – С. 237.
4. Дудецкая, С. Г. Метафоризация как способ терминообразования: на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии : дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Дудецкая. – Самара, 2007. – 240 с.

5. Жоржолиани, Д. А. Фразеологическая номинация в английском и грузинском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Д. А. Жоржолиани. – Тбилиси, 1987. – С. 14.
6. Кожина, Н. Презентизм и неофобия. Чем можно заболеть в офисе? / Н. Кожина // Аргументы и факты. – 29.07.2014. – URL: <http://www.aif.ru/health/psychologic/1218764>.
7. Кунин, А. В. О фразеологической номинации / А. В. Кунин // Научные труды МГПИ-ИЯ им. М. Тореза. – М., 1983. – Вып. 211. Фразеологическая семантика (германские и романские языки). – С. 88–100.
8. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 1990. – 256 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
10. Писаренко, Д. Почему у бедности и старости в России женское лицо? / Д. Писаренко // Аргументы и факты. – 07.03.2012. – URL: <http://www.aif.ru/society/31647>.
11. РИА Новости. – 29.03.2013. – URL: <http://ria.ru/economy/20130329/930073878.html>.
12. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург, 1992. – С. 31.
13. Солодуб, Ю. П. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация / Ю. П. Солодуб // Фразеологическая номинация: особенности семантики фразеологизмов : межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д: РГПИ, 1989. – С. 4–11.
14. Трегубова, Е. «Золотые парашюты». За что топ-менеджеры получают премии при увольнении / Е. Трегубова // Аргументы и факты. – 27.03.2013. – URL: <http://www.aif.ru/money/41954>.
15. Хабилова, Е. И. К проблеме создания словаря профессионально маркированных фразеологических единиц / Е. И. Хабилова // Вестн. Челяб.о гос. ун-та. – 2014. – № 16 (345). Филология. Искусствоведение. – С. 146–150.
16. Хахалова, С. А. Категория метафоричности (формы, средства выражения, функции) : дис. ... д-ра филол. наук / С. А. Хахалова. – Иркутск, 1997. – С. 11.
17. Turner, M. Conceptual Integration Networks / M. Turner, G. Fauconnier. – Cognitive Science, 1998. – 22 (2). – P. 133–187.

Сведения об авторе

Хабилова Евгения Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.
e_khabirova@bk.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 138–142.*

PHRASEOLOGICAL NOMINATION CAREER ACHIEVEMENTS IN MODERN RUSSIAN MEDIA

E. I. Khabirova

Chelyabinsk State University. e_khabirova@bk.ru

The specificity of the phraseological nominations career achievements in contemporary Russian media. Describes the modern scientific approaches to the study of the specificity of the phraseological nomination. The analysis of examples of phraseological nominations career achievements in Russian media texts. Substantiates the importance of the choice of phraseological nomination, career achievements in contemporary Russian media. It is proved that with the help of cognitive metaphors abstract or complex, are difficult for perception and understanding of objects comprehended through known, specific objects and phenomena.

Keywords: *phraseological nomination, cognitive metaphor, phraseological unit, sphere-source space.*

References

1. *Gazeta «Kommersant»* [The newspaper “Kommersant”], 26.09.2008, no. 174. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1031455>. (In Russ.).
2. Gajtjukevich N.I. Rol’ i mesto SMI v sisteme sovremennyh massovyh kommunikacij [The role and place of media in the system of modern mass communications]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], 2011, no. 2, pp. 274–277. (In Russ.).
3. Gak V.G. K tipologii lingvisticheskikh nominacij [To the typology of linguistic nomination]. *Jazykovaja nominacija: obshhie voprosy* [Language nomination: general]. Moscow, 1977. P. 237. (In Russ.).
4. Dudeckaja S.G. *Metaforizacija kak sposob terminoobrazovanija: na materiale anglijskoj terminologii cherepno-cheljustno-licevoj hirurgii i stomatologii* [Metaforizatcija terminoobrazovanija as a way: on a material of English terminology head of maxillofacial surgery and dentistry]. Samara, 2007. 240 p. (In Russ.).
5. Zhorzholiani D.A. *Frazeologicheskaja nominacija v anglijskom i gruzinskom jazykah* [Phraseological nomination in English and Georgian]. Tbilisi, 1987. P. 14. (In Russ.).
6. Kozhina N. Prezenteizm i neofobija. Chem možno zabolet’ v ofise? [Presenteeism and neophobia. How could I get to the office?]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 29.07.2014. Available at: <http://www.aif.ru/health/psychologic/1218764>. (In Russ.).
7. Kunin A.B. O frazeologicheskoi nominacii [About phraseological nomination]. *Nauchnye trudy MGPIIJa im. M. Toreza* [Proceedings of Moscow State Pedagogical Institute of M. Torez], iss. 211. Moscow, 1983. Pp. 88–100. (In Russ.).
8. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live]. Moscow, 1990. 256 p. (In Russ.).
9. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar’* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 2002. 709 p. (In Russ.).
10. Pisarenko D. Pochemu u bednosti i starosti v Rossii zhenskoe lico? [Why poverty and old age a woman’s face in Russia?]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 07.03.2012. Available at: <http://www.aif.ru/society/31647>.
11. *RIA Novosti* [RIA News], 29.03.2013. Available at: <http://ria.ru/economy/20130329/930073878.html>. (In Russ.).
12. Rut M.Je. *Obraznaja nominacija v russkom jazyke* [Figurative nomination in the Russian]. Ekaterinburg, 1992. P. 31. (In Russ.).
13. Solodub Ju.P. Obraznost’ frazeologizmov i frazeologicheskaja nominacija [Imagery and phraseology phraseological nomination]. *Frazeologicheskaja nominacija: osobennosti semantiki frazeologizmov* [Phraseological nomination: Features of semantics phraseology]. Rostov-on-Don, 1989. Pp. 4–11. (In Russ.).
14. Tregubova E. «Zolotyje parashjuty». Za chto top-menedzhery poluchajut premii pri uvol’nenii [“Golden parachutes.” Behind that top managers receive bonuses for dismissal]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 27.03.2013. Available at: <http://www.aif.ru/money/41954>. (In Russ.).
15. Habirova E.I. K probleme sozdanija slovarja professional’no markirovannyh frazeologicheskikh edinic [On the problem of creating a dictionary of professionally marked phraseological units]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Ser. Literature. Art], 2014, no. 16 (345), pp. 146–150. (In Russ.).
16. Halalova S.A. *Kategorija metaforichnosti (formy, sredstva vyrazhenija, funkicii)* [Category metaphorical (forms, means of expression, function)]. Irkutsk, 1997. P. 11. (In Russ.).
17. Turner M., Fauconnier G. *Conceptual Integration Networks*. Cognitive Science, 1998, 22 (2). Pp. 133–187.

УДК 81'272
ББК 76.006.5

Ю. В. Шибанова

ОСОБЕННОСТИ PR-ТЕКСТОВ В РАМКАХ КОММУНИКАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Исследованы особенности работы с текстами в региональных PR-службах органов власти. Рассмотрена специфика подачи материалов, их эмоциональная окраска и наполнение фактической информацией. Пресс-служба Правительства большое внимание уделяет письменной коммуникации. В Нижегородской области PR-материалы органов власти имеют собственный почерк и характерные для конкретного региона особенности.

Ключевые слова: PR-текст, пресс-служба, органы власти, коммуникации, информационные технологии.

Роль текстовой составляющей в PR-коммуникации первостепенна, так как от нее напрямую зависит получение и восприятие итогового сообщения гражданами. Именно поэтому от формы подачи материалов зависит эффективность работы службы по связям с общественностью в целом. Общие закономерности присутствуют при работе всех пресс-служб законодательной, исполнительной и муниципальной ветвей власти. Однако в рамках реализации коммуникационной стратегии в конкретном регионе нужно понимать, что существуют и местные особенности восприятия разных видов информации. Анализ текстов пресс-служб органов власти в Нижегородской области позволит увидеть нам усредненную картину формирования общественного мнения в регионах, так как Нижегородская область – это «карман России».

Власть, которая стремится к открытости и налаживанию доверительных отношений с населением, должна выстраивать систему публичной работы. Массовые публичные кампании и акции позволяют донести до населения основные направления политики органа власти, позиции ее лидеров. Грамотный, системный подход к этой работе с информацией предполагает следующие этапы:

- формулирование миссии органа власти;
- формирование стратегии, обозначение ее в доступных и емких выражениях (лозунгах);
- создание программ по реализации стратегии;
- вовлечение групп общественности в реализацию программ;
- информирование о содержании программ, пропаганда программ;

– отчетность органа власти о ходе выполнения программ [10].

Исходя из данной системы, в рамках работы будет представлен анализ материалов по формированию понимания у населения миссии и стратегии региональных органов власти через призму текстовых сообщений, а также оценка работы по освещению информатизации региона. Вопросами изучения PR-текстов в России активно занимается А. Д. Кривоносов, К. Иванова, И. А. Быков. Специфику становления региональных пресс-служб в органах власти анализировали в Нижегородской области О. Н. Савинова, Е. Е. Семенов, Р. В. Скудняков. Особенностью данного исследования является уклон в специфику работы с текстом и подачи текстовых материалов. Метод сбора информации – экспресс-экспертиза. Данное кабинетное исследование берет за основу сбор вторичной информации, в том числе в СМИ, и обработку баз данных. За основу были взяты пресс-релизы и новости с официальных сайтов органов власти области, таких как Правительство Нижегородской области, Департамент общественных отношений и информации Нижнего Новгорода, Законодательное собрание Нижегородской области, а также Министерство информационных технологий, связи и средств массовой информации Нижегородской области. Период исследования: с мая по октябрь 2014 г. Целью исследования является анализ коммуникационной стратегии региональных служб по связям с общественностью в обозначенном регионе, выведение основных принципов построения текстов, на которые ориентируются местные пресс-службы. Задача исследования: проанализировать открытые ис-

точники PR-материалов Правительства Нижегородской области и тенденции внедрения информационных систем в рамках региона с учетом транслирования результатов на широкую аудиторию. В фокусе статьи – филологический аспект коммуникации.

С помощью грамотного применения языковых средств, логики построения текста, направленного к конкретной адресной аудитории, у специалистов появляется возможность эффективной реализации коммуникационной стратегии в организации диалога власти и населения. Но в данном вопросе важно учитывать языковую специфику конкретного региона.

Соблюдение интересов и снятие обеспокоенности целевой аудитории в связи с изменением деятельности или новыми проектами организации определяют стиль и манеру предоставления материалов в подготавливаемых письменных сообщениях [4].

Именно поэтому роль языка и форма подачи материалов в массовой коммуникации крайне важна. В языке отражаются своеобразные требования коллективности, которые характерны для данной местности. Различия в условиях жизни, привычках и традициях неизбежно находят отражение в языке. В связи с особыми практическими потребностями и различными природными и социально-экономическими условиями язык приобретает такую характеристику, как избирательность. Поэтому термины, приемлемые для одной местности, слабо применимы в другом регионе.

Говоря о Нижегородской области, можно заметить немалый уровень доверия к информации, которая транслируется органами власти. Это доказывает тот факт, что посещаемость сайта Правительства Нижегородской области сравнима с посещаемостью региональных сайтов информагентств. С учетом того, что материалы информагентств на большую часть состоят из пресс-релизов органов власти, можно сделать вывод, что нижегородцы активно воспринимают тот формат информации, который подается пресс-службами на данный момент. Результаты данной работы нам демонстрируют недавно прошедшие выборы губернатора Нижегородской области. Несмотря на то, что лидер предвыборной гонки был предсказуем, результаты голосования напрямую говорят о степени доверия к действующему губернатору. При явке в 54,49 % Валерий Шанцев набрал 86,93 % голосов избирателей по итогам обработки 100 % бюллетеней на выборах губер-

натора Нижегородской области, что является хорошим показателем расположенности нижегородцев к главе региона. Стратегия предвыборной кампании была достаточно спокойной и неагрессивной. Нужно отметить, что и оппоненты действующего губернатора не посчитали целесообразным использовать агрессивные методы ведения предвыборных кампаний. В предвыборных кампаниях были ощутимы отсутствие хлестких слоганов и недостаток оппозиционных контраргументов. Отметим, что слоган – краткое речение (мини-текст), отражающее основное содержание программы, деятельности базисного субъекта политических коммуникаций [7]. И, несмотря на то, что он не в полной мере наделен совокупностью дифференциальных признаков PR-текста, слоган все же передает информационный посыл для дальнейшей коммуникации. Исходя из определения, можно заметить, что слоганы большинства кандидатов не передали суть их политической программы.

Осмысленная работа над формированием PR-сообщения позволяет создать управляемую реакцию на происходящие в регионе события, что уменьшает уровень имиджевых рисков как для конкретного политика, так и для структуры в целом. Таким образом, процесс общественного взаимодействия становится более предсказуемым. Выбор информационной концепции Валерия Шанцева, действующего губернатора области, был сконцентрирован на идее продолжения уже начатой работы. Об этом говорит и слоган предвыборной кампании: «Идем дальше». Данная концепция не предполагает сильных изменений курса политика, либо каких-либо резких рывков. Все в рамках планирования. Отсутствие острой борьбы связано также с тем фактом, что основной конкурент на губернаторское кресло представитель КПРФ Владимир Буланов не принял участие в предвыборной гонке, а по традиции представители коммунистической партии имеют достаточно крепкий процент в ходе голосований. Несмотря на увеличившееся количество кандидатов на пост губернатора Нижегородской области, можно констатировать отсутствие усиления предвыборной борьбы внутри региона.

Информационные PR-тексты, транслируемые пресс-службой Правительства, также не претерпели больших изменений. Единственное, что можно отметить, это небольшое усиление эмоциональной окраски отдельных текстов на уровне спичрайтинга [11]:

1. «В свое время у народников была такая «Теория малых дел», по которой, делая малое, они собрались вести страну к большому светлому будущему. Вот так и наша работа с территориями, которым выделяются средства из фонда поддержки: заменить окно инвалиду, приобрести ветеранам войны билеты на поезд, купить мебель в детский дом. Эти дела очень важны! – заявил губернатор Нижегородской области Валерий Шанцев. – Главное, чтобы эта работа не прекращалась! Тогда результат будет виден. Не зря говорят, что вода камень точит!».

2. На встрече с местными предпринимателями и руководителями сельхозпредприятий глава региона выразил обеспокоенность тем фактом, что главы некоторых районов подходят к выполнению целевых показателей формально. «Для примера – здесь, в Лукояновском районе, долю малого бизнеса увеличили в пять раз – с 12,8 % в 2007 г. до 68 % в 2013-ом. Молодцы, но только отдачи от этого достижения маловато – налоговые поступления от малых предприятий не дотягивают и до 10 % общего объема. Значит, такой бизнес работает, но не зарабатывает. Тогда зачем он нужен? Для отчетности? Я буду требовать, чтобы руководители муниципалитетов с умом подходили к развитию малого бизнеса и при реализации инвестиционных проектов обращали внимание на конкретные показатели по технологии, уровню заработной платы, производительности труда».

На данных примерах мы можем обратить внимание на обилие эмоциональной лексики, риторических вопросов, восклицаний. Это говорит о том, что политик апеллирует к эмоциональной стороне своих слушателей, стараясь выйти на эмоциональный уровень. Большое количество обращений говорит о построении не вертикальных, а горизонтальных коммуникаций, что подчеркивает выстраивание дружественного контакта с избирателями.

Также нужно обратить внимание на отсылки в PR-текстах первого лица региона на поговорки и пословицы. Традиционные формы разговорного жанра легко адаптируются в выступлениях Губернатора и подчеркивают его близость к народу. К тому же это помогает лучше запомнить информационное сообщение, произнесенное политиком, за счет эмоционального якоря, который заложен в данном сложившемся веками словосочетании. Подобная игра слов помогает лучше адаптировать

принимаемый текст под себя и свое восприятие.

Нужно понимать, что публичные коммуникации – это контекст и инструмент, которые позволяют различным субъектам публичной сферы вступить во взаимоотношения между собой, сопоставить точки зрения и ценности, чтобы достичь общей цели, заключающейся в осуществлении задач общественного интереса. В данном случае коммуникации признаются неким инструментом выявления точек зрения на проблемы общественного характера. Анализируя материалы Правительства Нижегородской области можно отметить, что базисные первичные и медиа-тексты, подготовленные пресс-службой, соответствуют всем функциям PR-текста, которые вывел профессор А. Д. Кривоносов. А именно:

1. Формирование и поддержание положительного имиджа.

2. Информирование (то есть донесение до общественности точки зрения фирмы, сообщение о новостном событии).

3. Убеждение (то есть формирование с помощью текста у общественности устойчивого положительного отношения к субъекту PR).

4. Фатическая функция (поддержание коммуникативных связей, например, поздравление).

5. Эстетическая функция (создание художественного эффекта, например, приглашение).

6. Номенклатурная функция (например, биография) [7].

Если говорить о заголовках PR-материалов Правительства Нижегородской области, можно заметить, что специалисты по связям с общественностью данного органа власти чаще всего выносят в заглавие материалов одну цитату основного ньюсмейкера, присутствующего на событии. Например:

1. «С открытием перинатального центра в Починках завершится формирование сети межрайонных перинатальных центров в Нижегородской области», – Валерий Шанцев [12].

2. «Я принял решение о строительстве в Московском районе Нижнего Новгорода еще одного, седьмого, дополнительного детского сада – в Бурнаковской низине», – Валерий Шанцев [13].

3. «К 2020 г. необходимо в 2 раза увеличить производство зерновых в Нижегородской области», – Евгений Люлин [14].

Также, говоря об информационной работе со СМИ, нельзя забывать и о существовании

привычных видов работы органов власти со средствами массовой информации, которые не меняются даже с появлением новых информационных технологий. Например, представители СМИ в любом случае должны быть обеспечены календарем мероприятий, реализуемых государственной организацией, а также программой собрания. Без данных документов журналисты просто не смогут скоординировать свою работу и правильно распределить время.

В научном сообществе активно обсуждают вопрос о том, допустимы ли неофициальные элементы в текстах официальных материалов. С одной стороны, любые элементы более низких стилей могут повлиять на восприятие граждан, ассоциируясь с более близкой к дружественной коммуникацией. Это дает человеку возможность быстрее адаптироваться ко всем услугам, которые предоставляют сейчас порталы государственных услуг. За последние годы в Нижегородской области уровень освоения аудиторией последних информационно-коммуникационных технологий вырос. Благодаря этому информатизация органов государственной власти и местного самоуправления области позволяет активней заняться решением задач, напрямую актуальных для жителей области. Здесь мы говорим о том, что современные технологии сделали информацию доступней для простого потребителя, а это значит, что негативное напряжение от длительного поиска нужной информации у потенциальной аудитории ниже. В рамках Международного бизнес-саммита, который прошел в Нижнем Новгороде в сентябре 2014 г., начальник отдела ИТ-проектов министерства информационных технологий, связи и СМИ Нижегородской области Андрей Боцманов отметил, что с начала 2014 г. среднемесячная посещаемость регионального портала составила 120 000 посетителей. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года прирост составил 30 000 посетителей. Вероятней всего, данный результат связан с наличием на портале «нужных», востребованных сервисов.

К слову, по данным мониторинга Мининформ, более 30 % нижегородцев уже используют механизм получения услуг в электронном виде. Больше всего спросом пользуются социально-значимые услуги, среди которых: запись на прием к врачу, зачисление детей в детские сады, регистрация на бракосочетание и другие. В настоящее время на интернет-портале можно узнать о порядке получения 208 государственных,

1500 муниципальных услуг и 738 федеральных.

Этот положительный эффект от коммуникации с органами власти с учетом развития технологий будет только расти, но без грамотно проработанных текстов и ориентиров на официальных сайтах и в СМИ граждане не скоро узнают обо всех возможностях разрабатываемых систем. Например, интересным примером внедрения технологий по продвижению услуг является тот факт, что сегодня Министерством информационных технологий, связи и средств массовой информации Нижегородской области используются элементы рекламных текстов для привлечения внимания к выдаче универсальных карт. Так, на официальном портале Министерства располагается рекламный баннер, который сообщает о том, что при подаче заявки на выдачу УЭК гражданин получает кардридер (считывающее устройство взаимодействия с УЭК, имеющее сертифицированные программные и аппаратные средства защиты) бесплатно. PR-текст, как и другие разновидности текстов массовой коммуникации: журналистский и рекламный, должен отвечать единым критериям текстов массовой коммуникации. Тот факт, что даже на официальных порталах органов власти применяются формы подачи рекламного текста, говорит о стандартизированном подходе к восприятию данных у современных граждан. Процесс модернизации общества требует адаптации больших масс людей, не всегда подготовленных к действиям в условиях усложнения социальных практик. Повышение среднего уровня образования, профессиональной квалификации, усложнение предметного окружения в повседневной жизни в масштабах общества порождает в качестве способа адаптации нарастающую стандартизацию [9].

Среди критериев PR-текста обязательно называются следующие: доступность, конкретность, лаконизм, удобство восприятия, эстетичность и, добавим, возможность оперативного отбора актуальной информации. PR-текст является разновидностью текстов массовой коммуникации. Такое суждение будет правомочным в силу нескольких причин. Во-первых, СМИ, посредством которых может распространяться PR-текст, как и PR- или пресс-службы, «порождающие» данный тип текстов, являются компонентом массовой коммуникации. Во-вторых, PR-текст, опосредованный через СМИ, оказывается направленным массовидному адресату и имеет функции текстов МК.

В-третьих, одной из технологических функций связей с общественностью признается функция массовой коммуникации [3].

Основным видом коммуникации в связях с общественностью является письменная коммуникация. Как и рекламное сообщение, PR-обращение строится по канонам журналистики новостей, четко распадаясь на три части: заголовочный комплекс, основной текст и реквизиты. В заголовочном комплексе находится заголовок, слоган, рекламный призыв, иллюстрация и лидер-абзац. В основном тексте сообщается полная информация о том, кто, что, где, когда и почему состоится событие [2].

Если говорить об адресном обращении к различной аудитории внутри области, то нужно обратить внимание на обращения к разным социальным группам населения области. Необходимо отметить и две противоположные тенденции, характерные для информационного общества, которые проявляются в текстах массовой коммуникации. Так, с одной стороны, «глобализация информационного рынка приводит к унификации массовой информации, к тому, что общезначимые события становятся объектом повышенного внимания, активно предлагаются, даже навязываются массам людей. С другой стороны, есть противоположная тенденция – диверсификация информационных услуг по региональным или содержательным признакам» [1. С. 243].

Например, обилие терминов вполне уместно в тексте приветствия губернатора в рамках бизнес-саммита, но не уместно бы было при воздействии на другую более широкую аудиторию: «Приветствую всех участников и гостей «Международного бизнес-саммита 2014» в Нижнем Новгороде! Здесь, на берегах Оки и Волги, сегодня активно формируется одна из мощнейших экономических агломераций страны и новый уклад российской экономики, основанный на высокотехнологичных инновациях и модернизации традиционных обрабатывающих отраслей» [15].

Помимо всего, можно отметить, что службы по связям с общественностью в органах законодательной и исполнительной власти Нижегородской области активно совершенствуют свои интернет-порталы и методики взаимодействия со СМИ. В последнее время к традиционным средствам массовой коммуникации добавился такой мощный канал, как Интернет. Бурное развитие Интернета в последние годы привело к возникновению феномена журнали-

стики on-line, когда количество каналов коммуникации не позволяют добиться полного контроля над ними. Коммуникации посредством глобальной сети Интернет, построенные на принципе общения многих со многими, самым радикальным образом отличается от традиционных средств массовой информации, которые основываются на принципе распространения сообщений от одного ко многим [2].

Новые возможности и интерактивность правительственных ресурсов привлекает большее количество посетителей на сайты и закрепляет у граждан понимание, что при возникновении вопросов эффективнее и быстрее их будет разрешить через обращения в интернет-приемную органа власти. Большая часть органов власти региона уже открыла для обзора счетчики посещаемости, что говорит о стабильной аудиторией сайтов.

Журналисты и граждане активно осваивают и неформальные виды связи с представителями органов власти. Помочь в работе журналистам может отслеживание новостей в блогах первых лиц органов власти и на официальных страницах государственных структур в социальных сетях. Информация там иногда дается оперативнее, чем рассылка пресс-релизов по средствам массовой информации. Неслучайно мы наблюдаем активное развитие личных блогов первых лиц области. Свои аккаунты в Твиттере ведут как губернатор, заместители губернатора Д. В. Сватковский, Н. В. Казачкова, так и министры О. В. Носкова, Д. И. Лабуза, С. В. Кучин; к данному процессу также активно присоединяются как депутаты местной законодательной и исполнительной власти, так и депутаты Государственной думы ФС РФ от Нижегородской области.

На сегодняшний день публикации, которые размещают в своих блогах первые лица города и области привлекают внимание к ним журналистов, что можно отметить по информационным заголовкам и лидам: «Губернатор Нижегородской области Валерий Шанцев предложил читателям его «Живого Журнала» принять участие в съемках ролика ко Дню матери» [16], «Глава администрации Нижнего Новгорода Олег Кондрашов разместил новую запись на своем сайте olegkondrashov.ru. Градоначальник напомнил, что буквально пара месяцев остается до празднования дня рождения города, и предложил горожанам на свой вкус раскрасить этот праздничный день» [17], «Валерий Шанцев в своем блоге в «Живом Журнале» пред-

ложил нижегородцам поделиться ссылками на наиболее интересные страницы о Нижегородской области»[18].

Повышение доступности государственных и муниципальных услуг и открытость деятельности органов власти в сети «Интернет» позволяет быстрее провести работу по переходу на предоставление услуг в электронном виде, что положительно сказывается на прозрачности деятельности органов власти. Современные граждане, которые самоопределились в сторону демократической модели жизни в обществе – это люди, ориентированные на активную публичную коммуникацию.

Мероприятия, реализуемые Правительством Нижегородской области для перехода к информационному обществу, направлены на повышение качества жизни граждан Нижегородской области. Жители Нижегородской области смогут получить существенные преимущества от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, упрощения процедур получения государственных и муниципальных услуг, создания сервисов для взаимодействия с органами власти и организациями.

На сегодняшний момент интерактивные сервисы, которые внедряются органами власти для быстрого доступа к информации, активно развиваются. Но современные технологии развиваются настолько быстро, что если слепо следовать всем последним веяниям и новинкам интернет-пространства, то существует опасность упустить из внимания менее адаптированных граждан в интернет-среде, например, пожилых людей. Конечно, в рамках области проводятся обучающие семинары по обучению компьютерной грамотности населения, однако до сих пор спрос на данное обучение превышает предложение.

Интернет-портал органа власти сегодня уже не просто информационный сайт о деятельности данной ветви власти. Сегодня это универсальный источник, содержащий различную информацию по интересующим граждан вопросам. Помимо информационной начинки сайты содержат базы официальных данных, интерактивные сервисы, а также возможность обратной связи с интересующим органом власти. Если говорить о текстовом наполнении портала, то можно отметить, что органы власти приняли решение максимально приблизиться к потенциальному посетителю за счет

стилистической окраски наполнения сайта. Так, например, на сайте есть интерактивные подразделы, которые призывают посетителя к тем или иным действиям: «Хотите получать услуги, не выходя из дома? Зарегистрируйтесь!», «Голосуй», «Узнай размер своих социальных пособий» и др. Можно отметить, что эти призывы и обращения строятся на горизонтальном межличностном уровне, что помогает органам власти выступить в роли старшего товарища и восприниматься на более дружественном уровне. Региональный опыт по развитию связей общественности с органами власти помогает скорректировать основной вектор развития PR-коммуникации с учетом местных особенностей. С учетом того, что органы власти стремятся к обеспечению информационной открытости и прозрачности процедур разработки и принятия, интересно рассмотреть опыт служб по связям с общественностью по взаимодействию со СМИ. В настоящее время информационные технологии являются наиболее динамично развивающимся компонентом информационного пространства. Срок замены существующих технологий на более эффективные постоянно сокращается и составляет сегодня 3–5 лет с тенденцией уменьшения до 2–3 лет [6].

К сожалению, не все информационные инициативы легко адаптируются в том или ином конкретном регионе, поэтому построение коммуникаций с гражданами, журналистами и внешней средой должно формироваться с учетом выявленных в регионе особенностей. Например, Нижегородская область характеризуется не самым высоким интересом к материалам политического характера, но достаточно большое внимание нижегородцы обращают на информацию о социальной жизни региона. Соответственно, зная запросы своей аудитории, пресс-служба составляет информационную повестку дня исходя из предпочтений граждан. До последнего времени в регионе чуть более медленными темпами, чем в столице развивался интерес к мультимедийной журналистике. На сегодняшний день, если судить по информационным сайтам федерального значения, можно заметить, что на Нижегородскую область приходится около 2 % аудитории. При этом посещаемость на данных порталах примерно соответствует посещаемости на региональных порталах. Данное наблюдение показывает, что нижегородцы одинаково внимательно относятся как к общероссийской повестке дня, так и к новостям местного уровня. Это объясняется

местоположением Нижегородской области, так как регион находится достаточно близко к федеральному центру. Если говорить о порталах государственных услуг, то можно заметить, что нижегородцами они осваиваются достаточно активно. Этот факт доказывает, что гражданам намного легче избежать бумажной волокиты с помощью интернет-услуг. Если анализировать статистику количества обращений в интернет-приемную, то можно прийти к выводу, что количество обращений ежегодно растет в разы.

Внедрение информационных технологий в форму работы органов государственной службы стало абсолютно естественным процессом, так как органам власти нельзя отставать от уровня развития технологий, которые представляет современный Интернет.

В соответствии с Концепцией использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной службы определяется основная цель – повышение эффективности механизмов государственного управления на основе создания общей информационно-технологической инфраструктуры. В данную систему включены государственные информационные системы и ресурсы, а также средства, обеспечивающие их функционирование, взаимодействие между собой, населением и организациями в рамках предоставления государственных услуг.

В настоящее время условия для совершенствования системы государственного управления развиваются как никогда за счет повышения качества предоставления государственных услуг населению и организациям, повышения результативности и прозрачности работы государственного аппарата, последовательного искоренения коррупции на основе широкого применения информационных технологий в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти.

Подводя итоги анализа данной темы, можно отметить, что PR-деятельность в региональных органах власти в условиях роста информационного потока также приобретает более глобальные масштабы. Все большую роль играют не только классические PR-тексты, но и формулировки навигационных систем при работе с гражданами. Учитывая, что PR-текст – это текст особого типа, который работает в различных сферах публичных коммуникаций и обеспечивает процесс информационного обмена со значимыми для субъектов сфер

публичных коммуникаций сегментами ответственности, можно заметить, что функции PR-текста сегодня передаются даже малым формам работы с информацией. Анализируя открытые источники PR-информации в регионе, можно обратить внимание, что слаженная работа пресс-служб Правительства Нижегородской области, Департамента общественных отношений и информации Нижнего Новгорода, органов законодательной и исполнительной власти региона большое внимание уделяет письменной коммуникации, снабжая тем самым журналистов области большим количеством аналитической и статистической информации. Формы подачи информации в службах по связям с общественностью выбираются традиционные, и, что немаловажно, основную ставку в трансляции итоговых материалов специалисты делают на цитаты ньюсмейкеров. Об этом говорят заголовки не только пресс-релизов, но и итоговых материалов СМИ. Многие исследователи филологических аспектов коммуникаций подчеркивают тот факт, что четкого жанрового разделения при создании PR-текстов не существует, разные жанры и форматы могут переплетаться между собой. К тому же из-за развития интернет-технологий текстовые модификации только ускоряются. Официальные структуры начинают использовать элементы присущие рекламным коммуникациям, что до современного этапа развития публичного пространства было более редким явлением.

Список литературы

1. Быков, И. А. Организация и проведение кампаний по связям с общественностью : учеб. пособие / И. А. Быков. – СПб.: СПбГУТ. – 2003.
2. Голубкова, Е. Н. Маркетинговые коммуникации / Е. Н. Голубкова. – М., 2000. – 60 с.
3. Емельянов, С. М. Теория и практика связей с общественностью / С. М. Емельянов. – СПб.: Питер, 2007. – 240 с.
4. Иванова, К. А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов / К. А. Иванова. – СПб.: Питер, 2006. – 160 с.
5. Катлип, С. М. Паблик рилейшенз. Теория и практика / С. М. Катлип, А. Х. Сентер, Г. М. Брум. – М., 2000.
6. Кихтан, В. В. Информационные технологии в журналистике / В. В. Кихтан. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 12 с.

6. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривоносов. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2002.
7. Савинова, О. Н. Власть и общество: на пути к диалогу (региональный аспект) / О. Н. Савинова. – Нижний Новгород: Литера, 1998. – С. 26.
8. Развитие рынка и некоторые особенности социального конструирования времени в российской культуре / Н. Н. Зарубина // Обществ. науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 127–138.
9. Татарина, Г. Н. Управление общественными отношениями / Г. Н. Татарина. – СПб.: Питер, 2004.
10. Новости Правительства Нижегородской области. – URL: <http://government-nnov.ru/?id=3897>.
11. URL: <http://nnovgorod.bezformata.ru/list-news/perinatalnogo-tcentra-v-pochinkah/23411671/>.
12. URL: http://polittema.ru/nnovgorod_soc_politika-49.html.
13. URL: <http://government-nnov.ru/?id=157919>.
14. URL: <http://www.ibs-nn.ru/about/shancev/>.
15. URL: <http://www.volga-tv.ru/nia-nizhnii-novgorod-regionalnye-novosti/Gubernator-Nizhegorodskoy-oblasti-Valeriy-Shantsev-predlozhit-chitateliam-ego-Zhivogo-Zhurnalaprinyat-uchastie-v-semkakh-rolika-ko-Dnyumateri.html>.
16. URL: <http://nn.urpur.ru/statya/oleg-kondrashov-predlagaet-obsudit-varianty-oformle-niyaletnego-dnya-goroda/>.
17. URL: <http://www.niann.ru/?id=439535>.

Сведения об авторе

Шибанова Юлия Владимировна – аспирант филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.
477773@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 143–151.*

PARTICULARITIES PR-TEXTS OF THE COMMUNICATION STRATEGY IN GOVERNMENT

Yu. V. Shibanova

Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevskii. 477773@mail.ru

The article deals with peculiarities of work with PR-texts in regional PR-services of the government. It is examined the specific character of materials presentation, emotional coloring of words and it's filling with the facts. The analysis of the Nizhny Novgorod region government press services texts lets us see the general means of forming of the public mind in regions. The ability to work with information and the adoption of specialist to fast changing of the day topic is dealt as the most important professional skill for PR-specialist. In the article it is analyzed the information processes in the Nizhny Novgorod region government. The study of the open PR-sources in the region permits us to see that the press service of the government pays much attention to written communication that provides journalists with lots of analytical and statistical date. The traditional forms for information presentation are chosen by PR-services, and it is significant that the specialists stake on newsmakers' quotation at the transmission of final materials.

Keywords: *PR-text, press office, authority, communication and information technology.*

References

1. Bykov I.A. *Organizatsiya i provedenie kampaniy po svyazyam s obshchestvennost'yu* [Organization and carrying out campaigns of public relations]. St. Petersburg, 2003. (In Russ.).
2. Golubkova E.N. *Marketingovye kommunikatsii* [Marketing communications]. Moscow, 2000. 60 p. (In Russ.).

3. Emel'yanov S.M. *Teoriya i praktika svyazey s obshchestvennost'yu* [Theory and practice of public relations]. St. Petersburg, 2007. 240 p. (In Russ.).
4. Ivanova K.A. *Kopirayting: sekrety sostavleniya reklamnykh i PR-tekstov* [Copywriting: Secrets of making advertising and PR-texts]. St. Petersburg, 2006. 160 p. (In Russ.).
5. Katlip S.M., Senter A.Kh., Brum G.M. *Pablik rileyshenz. Teoriya i praktika* [Public relations. Theory and practice]. Moscow, 2000. (In Russ.).
6. Kikhtan V.V. *Informatsionnye tekhnologii v zhurnalistike* [Information technology in journalism]. Rostov-on-Don, 2004. 12 p. (In Russ.).
7. Krivonosov A.D. PR-tekst v sisteme publichnykh kommunikatsiy [PR-text in the system of public communications]. *Peterburgskoe Vostokovedenie* [Petersburg orientalism]. St. Petersburg, 2002. (In Russ.).
8. Savinova O.N. *Vlast' i obshchestvo: na puti k dialogu. Regional'nyy aspekt* [Power and society: towards dialogue. Regional aspect]. Nizhny Novgorod, 1998. 26 p. (In Russ.).
9. Zarubina N.N. Razvitie rynka i nekotorye osobennosti sotsial'nogo konstruirovaniya vremeni v rossiyskoy kul'ture [Development of the market, and some features of the social construction of time in Russian culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2009, no. 1, pp. 127–138. (In Russ.).
10. Tatarinova G.N. *Upravlenie obshchestvennymi otnosheniyami* [Public relations management]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
11. *News of Government Nizhny Novgorod Region*. Available at: <http://government-nnov.ru/?id=3897>, accessed 10.10.2014. (In Russ.).
12. Available at: <http://nnovgorod.bezformata.ru/listnews/perinatalnogo-tcentra-v-pochinkah/23411671/>, accessed 10.10.2014. (In Russ.).
13. Available at: http://polittema.ru/nnovgorod_soc_politika-49.html, accessed 10.10.2014. (In Russ.).
14. Available at: <http://government-nnov.ru/?id=157919>, accessed 10.10.2014. (In Russ.).
15. Available at: <http://www.ibs-nn.ru/about/shancev/>, accessed 10.10.2014. (In Russ.).
16. Available at: <http://www.volga-tv.ru/nia-nizhnii-novgorod-regionalnye-novosti/Gubernator-Nizhegorodskoy-oblasti-Valeriy-Shantsev-predlozhit-chitatel'nyam-ego-Zhivogo-Zhurnala-prinyat-uchastie-v-semkakh-rolika-ko-Dnyu-materi.html>, accessed 10.10.2014. (In Russ.).
17. Available at: <http://nn.urpur.ru/statya/oleg-kondrashov-predlagaet-obsudit-varianty-oformleniya-letnego-dnya-goroda/>, accessed 10.10.2014. (In Russ.).
18. Available at: <http://www.niann.ru/?id=439535>, accessed 10.10.2014. (In Russ.).

УДК 800:159.9
ББК 81.2-3

П. М. Шитиков

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ПРИ АНАЛИЗЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Теория, методология и практика переводов Библии на языки народов Российской Федерации, проблемы комментирования», проект № 13-04-00261

Рассматриваются перспективы применения элементов методов психолингвистики в системе комплексного анализа концептуальной метафоры Г. Стейна. Метод пятишагового анализа Г. Стейна позволяет осуществить переход от лингвистической формы метафоры к ее концептуальной составляющей. В основании данного метода лежат принципы анализа пропозиций, успешно применяемые в практике психолингвистики. В теоретической части рассматриваются 5 этапов перехода от слова к концепту по методу Г. Стейна, слабо изученному в русскоязычной литературе. Практическая часть статьи призвана показать, что данная методология, апробированная на современных европейских языках, может быть успешно применена и к библейским текстам. На материале метафорических высказываний из Евангелия от Иоанна (на древнегреческом языке) показана продуктивность пятишагового анализа.

Ключевые слова: *метафора, когнитивная теория метафоры, пропозиции, Библия.*

Изучение метафоры в художественном тексте значительного объема представляет определенную проблему для исследователя. Одним из первых вопросов, требующих решения, является выбор объективной методологии анализа метафоры. Наиболее адекватным взглядом на природу метафоры в последние десятилетия признается когнитивная теория, впервые четко сформулированная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Когнитивная наука подразумевает интердисциплинарный подход к исследованию метафоры, соответственно и методология анализа включает элементы различных научных систем. В данной статье предлагается рассмотреть применение элементов психолингвистической методологии в системе комплексного анализа концептуальной метафоры, разработанной международной исследовательской группой под руководством профессора Г. Стейна, на материале концептуальных метафор, представленных в тексте Евангелия от Иоанна.

Целью проектов, реализуемых в Амстердамском университете, является создание универсального инструмента, посредством которого добывается проверяемый лингвистический материал для последующего анализа метафоры. Сам Г. Стейн, основываясь на предпосылках когнитивной теории метафоры, раз-

работал ряд пошаговых инструкций, которые были применены на практике группой исследователей и показали высокую результативность. Основная идея пятишагового метода очень проста. Если метафора в дискурсе может быть объяснена посредством значения стоящих за ней метафорических концептуальных проекций (cross-mapping), тогда существует возможность двигаться от лингвистических форм в тексте к концептуальным структурам, которые охватывают их значение в некотором упорядоченном виде.

Первый шаг – определение метафорического фокуса – является фактически этапом сбора лингвистических данных. Суть последующих трех шагов заключается в выявлении пропозиций, стоящих в основе текста, и заполнении недостающих элементов смешанных концептов. Для преодоления разрыва между языком и мышлением автор вводит метод пропозиционного анализа, который успешно применяется в психолингвистике для перехода от лингвистической оболочки текста к его концептуальной структуре. Г. Стейн [10] и П. Крипп [3] опираются на метод известных психолингвистов С. Бовэр и Д. Киерас [2], которые ставили целью выявить минимальные единицы смысла, представленные в тексте. Авторы, в свою очередь, опираются на теоретические выводы

В. Кинча [6], который утверждал, что знание может быть представлено рядом пропозиций и предложение может составлено в рамках условий значения концептуально. Формат отображения пропозиций, предложенный С. Бовером и Д. Киерас [2], отличается простотой и наглядностью. Они избегают внедренных форм, ненужных пропозиций и ненужной вариативности. Преимущество этого метода – в его применимости на практике для описания концептуальной структуры лингвистического значения. Это обусловило его популярность среди когнитивистов и психолингвистов [4; 5; 7].

В изложении Г. Стейна пропозициональный анализ разбивается на три взаимосвязанных этапа, соответствующих трем шагам его метода:

1. Трансформация языкового выражения в ряд пропозиций (шаг 2).

Этот этап имеет целью перейти от лингвистического выражения к концептуальной структуре посредством трансформации его в ряд пропозиций. Для Г. Стейна очевидно, что не все части метафоры бывают явно выражены, поэтому приходится прибегать к пропозициональному анализу, который помогает определить отношение метафорических фокусов к другим элементам высказывания и выявить концепты, которые не могут находиться в прямом (буквальном) взаимоотношении друг с другом.

2. Трансформация пропозиций в открытое сравнение (шаг 3).

На следующем этапе полные пропозиции трансформируются в открытое сравнение между двумя неполными пропозициями, каждая из которых проникает в другой домен. Г. Стейн здесь опирается на опыт анализа Д. Миллера [1], по мнению которого решающим этапом в понимании метафоры является реконструкция подразумеваемого сравнения. Как нормальную форму метафоры Д. Миллер вводит формулу S1, которая отражает отношения подобия (SIM) между двумя сентенциальными концептами (F(x) и G(y)):

S1. SIM [F(x), G(y)].

Эта формула обозначает ситуацию, когда два концепта имеют общие свойства, но ни один из них не зависит от другого. Для автора очевидно, что сравнение не может рассматриваться как значение метафоры, поскольку оно имеет другие условия истинности; но оно задает возможную ситуацию в реальном мире, которая оправдывает использование метафоры [1]. Это утверждение оправдывает применение

элементов теории сравнения к концептуальному анализу метафоры.

Практическая задача данной ступени анализа заключается в реконструкции концептуальной основы сравнения с определением незаполненных смысловых слотов. Разделив метафоры на три класса, Дж. Миллер предложил три соответствующих правила реконструкции пропущенных слотов:

1. Именные. Именной концепт «у» выражается именной группой в метафорическом употреблении (*лев – царь зверей*):

M1. БЫТЬ (x,y) → (∃F) (∃G) {SIM [F(x), G(y)]}.

2. Предикатные. Предикатный концепт G выражается предикатной группой, употребленной метафорически (*богатые выражают безделье*):

M2. G(x) → (∃F) (∃y) {SIM [F(x), G(y)]}.

3. Сентенциальные. Не вызывающее возражений предложение употреблено в несоответствующем контексте (*у Джона хорошая крыша*):

M3. G(y) → (∃F) (∃x) {SIM [F(x), G(y)]}.

Автор употребляет следующие условные обозначения: F(x), G(y) – общий вид сентенциальных концептов, где x, y – аргументы; F, G – функции (F – референт, G – релят); SIM – отношения подобия между концептами; ∃ – квантор существования, то есть определенные свойства [1].

Г. Стейн применяет изложенную методику для выявления элементов подобия между концептами метафоры. Для исследователя очевидно, что открытое сравнение содержит две неполные пропозиции, которые могут быть объединены отношениями подобия только в том случае, если заполнены их смысловые слоты [9].

3. Трансформация сравнения в аналогию (шаг 4).

Именно этот шаг подразумевает реконструкцию полной структуры сравнения путем заполнения пустых смысловых слотов, посредством чего они превращаются в полноценные аналогии. Мы переходим от открытого и независимого сравнения к завершенной и определенной аналогии. Она состоит из двух отношений к двум состояниям посредством двух полных пропозиций, что подразумевает, что их элементы выполняют аналогичные функции в двух сходных доменах. Г. Стейн признает, что данный этап вызывает наибольшую критику, так как связан с интерпретационными действиями, однако справедливо парирует, что выбор вариантов интерпретации является допустимым,

поскольку не имеет отношения непосредственно к тексту и играет второстепенную роль [8]. Важно, что с помощью данной процедуры можно объяснить аналогии между двумя пропозициями. После заполнения пустых слотов открывается возможность определить целевой домен и домен-источник когнитивного отображения, то есть перейти к завершающему этапу анализа.

Шаг 5. Определение метафорического смешения доменов.

Данный этап выполняет функцию расшифровки выделенных и сообщающихся концептов, полученных на 2–4 этапах, в границах методологии, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Таким образом, посредством применения психолингвистической методологии анализа пропозиций Г. Стейн осуществляет переход от лингвистического метафорического высказывания к концептуальным структурам, стоящим за ним. Данный метод, апробированный на англоязычных текстах значительного объема, показал более 95 % совпадения результатов у независимых исследователей.

***

Применение описанного метода Г. Стейна к древним библейским текстам также показало его высокую результативность. Под руководством д. ф. н., профессора Н. Н. Ореховой нами был выполнен анализ греческого протографа Евангелия от Иоанна с целью выявления метафорических выражений и построения схемы их концептуальной связи. Методом сплошной выборки было проанализировано более 15.000 слов в 879 стихах Евангелия. В ходе анализа было выявлено, что значительная часть образных высказываний, представленных в тексте Евангелия посредством метафорически окрашенных лексических единиц, группируются вокруг ограниченного числа концептуальных метафор, введенных посредством изречений в форме Я ЕСМЬ. Далее предлагается проиллюстрировать пятишаговый метод анализа метафорического концепта на примере одного из таких изречений.

Изречение «Я ЕСМЬ ДВЕРЬ ОВЦАМ» вводится в контексте беседы о Добром Пастыре в 10 главе Евангелия от Иоанна. Оно представлено в двух вариантах:

1. Εἶπεν οὖν πάλιν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς, Ἀμὴν ἀμὴν λέγω ὑμῖν ὅτι ἐγὼ εἰμι ἡ θύρα τῶν προβάτων.	1. Итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам. (Ин. 10:7).
---	---

2. Ἐγὼ εἰμι ἡ θύρα· δι' ἐμοῦ ἐάν τις εἰσέλθῃ, σωθήσεται, καὶ εἰσελεύσεται καὶ ἐξελεύσεται, καὶ νομῆν εὐρήσει.

2. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет. (Ин. 10:9).

Анализ данных стихов позволяет пометить как метафорические слова «дверь» (θύρα) и «овцы» (προβάτα).

Шаг 2. Пропозиционный ряд может быть представлен в виде следующих схем:

DU 1. P. 1 (ХРИСТОС_t, ДВЕРЬ_s)

P. 2 (МОД. ДВЕРЬ, ОВЦЫ)

DU 2. P. 1 (ВХОДИТЬ, ХРИСТОС, СПАСАТЬ)

P. 2 (ХРИСТОС, ДВЕРЬ)

В связи с тем, что содержание отрывков варьируется, необходимо ввести дифференциацию частей дискурса, обозначенных как DU (discourse units). В DU 1 во втором ряду пропозиций вводится аргумент для концепта ДВЕРЬ, определяющий адресата. В DU 2 отражается результат вхождения через дверь.

Шаг 3. Построение метафорического сравнения на основании ряда пропозиций позволяет выявить основание для метафорического переноса. В DU 1 предикатом для элементов метафоры выступает глагол БЫТЬ. Метафора является именной и анализируется по правилу M 1:

DU 1 БЫТЬ (Христос, Дверь) → (ΞF) (ΞG)
{SIM [F(Христос), G(дверь)]}

Схема может быть интерпретирована следующим образом: «некоторые функции Христа похожи на свойства двери». Основания подобного сравнения на данном этапе не очевидны, требуется заполнение недостающих смысловых слотов.

Дискурсивная единица метафоры DU 2 имеет объединяющий предикат ВХОДИТЬ, что позволяет классифицировать ее как предикатную. Применив правило Мюллера M 2, получаем следующую схему метафорического сравнения:

DU 2 ВХОДИТЬ (Христос, спасать) → (ΞF) (Ξy)

{SIM [F (Христос, спасать), ВХОДИТЬ (y)]}

Данная схема имеет два имплицитных элемента и может быть интерпретирована следующим образом: «Христос выполняет такие функции, которые похожи на те, какие выполняет элемент «у», когда входит».

Шаг 4. Построение аналогического ряда на основании выявленного метафорического сравнения требует изучения содержания

концептов. Концепт ДВЕРЬ раскрывается в тексте Евангелия от Иоанна в рамках 10 главы в нескольких последовательных пассажах (Ин. 10:1, 10:2, 10:7, 10:9) и имеет определенный ветхозаветный контекст.

Концепт ДВЕРЬ с модификатором ОВЦЫ в DU 1 в буквальном понимании означает ворота, через которые πρόβατα (овцы) входят и выходят из αὐλή (двор овчий). Кроме того, именно этими воротами пользуется и ποιῆν (пастырь), когда исполняет свои обязанности. Выделенные слова являются репрезентатами популярного в Ветхом завете метафорического концепта БОГ – ПАСТЫРЬ / НАРОД – ОВЦЫ, основанного на непосредственном физическом опыте слушателей. Поэтому буквальное сообщение: «Пастырь вводит своих овец в стойло через дверь» в фигуральном смысле может означать: «Бог вводит свой народ в место блаженства через дверь», где нераскрытым в рамках указанной концептуальной метафоры остается лишь концепт ДВЕРЬ.

Впрочем, метафорическое значение концепта ДВЕРЬ/ВРАТА раскрывается в ряде пассажей Библии и должно быть хорошо знакомо евреям-слушателям Христа: «Вот врата Господа (ἡ πύλη τοῦ κυρίου); праведные войдут в них» (Пс. 118:20), «Отворите ворота (πύλας); да войдет народ праведный, хранящий истину» (Ис. 26:2). В данных примерах концепт ДВЕРЬ/ВРАТА связан с концептом ПРАВЕДНЫЙ (народ), значение которого непосредственно совпадает с коннотативным значением концепта ОВЦЫ.

Вторая дискурсивная часть евангельской метафоры «Я ЕСМЬ ДВЕРЬ» (DU 2) включает концепт СПАСЕНИЕ/СПАСАТЬСЯ, который в Новом Завете имеет коннотативное значение «достигнуть Царства небесного», «иметь жизнь вечную». В параллельном месте из Евангелия от Матфея концепт ДВЕРЬ/ВРАТА также употребляется в контексте спасения: «Потому что тесны врата (στενὴ ἡ πύλη) и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:14). В Евангелии от Иоанна концепт СПАСЕНИЕ часто представляется в категориях ПУТИ. В связи с этим атрибуция ХРИСТУ характеристик ДВЕРИ/ВХОДА вводит информанта в систему образов, сформированных на концептуальном уровне.

Сопоставление двух дискурсивных частей метафоры позволяет выявить все скрытые элементы концепта ДВЕРЬ. ИмPLICITный в DU 2 элемент «у» может быть уверенно сопоставлен

с концептом ОВЦЫ. В то же время функция F – служить входом к спасению. Атрибуция ХРИСТУ функций ДВЕРИ/ВХОДА во ДВОР ОВЧИЙ / ЦАРСТВО БОЖИЕ как цель ПУТИ ЖИЗНИ/СПАСЕНИЯ для ОВЕЦ/ИЗБРАННЫХ объединяет в метафоре элементы двух макроконцептов (ПАСТЫРЬ/ОВЦЫ и ЖИЗНЬ/СПАСЕНИЕ – ЭТО ПУТЬ). Используя данный концепт, автор Евангелия опирается на концептуальную картину мира жителей средиземноморья, знакомых с пастушеской традицией.

В ходе анализа раскрываются имплицитные смысловые слоты, без которых невозможно построение метафорической аналогии:

SIM
 {[ХРИСТОС (ВХОД, царство Небесное = СПАСЕНИЕ), mod. УЧЕНИКИ]t
 [ДВЕРЬ (ВХОД в двор овчий)}, mod. ОВЦЫ]s}

Данная схема может быть интерпретирована следующим образом: «Христос является входом в царство Небесное (к спасению) для учеников, также как дверь является входом во двор овчий для овец».

Шаг 5. Проведенный анализ пропозиций позволяет сформулировать схему метафорических переносов элементов концепта-источника ДВЕРЬ в целевой концепт ХРИСТОС.

ДВЕРЬ/ВХОД	→	ХРИСТОС
ОВЦЫ	→	УЧЕНИКИ
ПАСТЫРЬ	→	ХРИСТОС

В рамках обозначенных метафорических проекций из одной концептуальной области в другую реализуется и преобразование традиционных характеристик исходного концепта. Говорить об однонаправленной проекции не представляется возможным. Очевидно, что репрезентаты, задействованные при метафоризации в тексте Евангелия, претерпевают семантические изменения и не могут быть интерпретированы в буквальном значении.

Таким образом, пятишаговый метод анализа, предложенный Г. Стейном, позволяет последовательно проследить переход от лингвистических форм в тексте к концептуальным структурам. Привлечение психолингвистических методов анализа пропозиций позволяет сделать процесс анализа максимально прозрачным и воспроизводимым. При анализе текстов значительного объема, каковыми являются тексты Библии, данный критерий является определяющим. Следует отметить, что применение современных средств когнитивного анализа образных средств выражения к древ-

ним сакральным текстам открывает большие перспективы перед исследователем, позволяя избегать конфессиональной ангажированности и субъективизма.

Список литературы

1. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 236–283.
2. Bovair, S. Guide to propositional analysis for research on technical prose / S. Bovair, D. Kieras // Understanding expository text. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1985. – P. 315–362.
3. Crisp, P. Metaphorical propositions: a rationale / P. Crisp // Language and Literature. – 2002. – Vol. 11(5). – P. 7–16.
4. Genter, D. The shift from metaphor to analogy in western science / D. Genter, M. Jeziorski // Metaphor and Thought. – Cambridge, 1993. – P. 447–480.
5. Gibbs, R. Process and products in making sense of tropes / R. Gibbs // Metaphor and Thought. – Cambridge, 1993. – P. 252–276.
6. Kintsch, W. The representation of meaning in memory / W. Kintsch. – Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1974. – 279 p.
7. Paivio, A. Psychological processes in metaphor comprehension and memory / A. Paivio, M. Walsh // Metaphor and thought. – Cambridge, 1993. – P. 307–328.
8. Steen, G. From linguistic form to conceptual structure in five steps / G. Steen // Cognitive Poetics: goals, gains, and gaps. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 197–226.
9. Steen, G. Identifying metaphor in language: a cognitive approach / G. Steen // Style. – 2002. – Vol. 36(3). – P. 386–407.
10. Steen, G. Towards a procedure for metaphor identification / G. Steen // Language and literature. – 2002. – Vol. 11(1). – P. 17–33.

Сведения об авторе

Шитиков Петр Михайлович – кандидат филологических наук, кандидат богословия, священник, помощник ректора по научной работе Тобольской духовной семинарии.
petrkifa@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 152–157.*

APPLYING THE PSYCHOLINGUISTIC METHODS TO BIBLICAL METAPHOR ANALYSIS

P. M. Shitikov

Tobolsk Theological Seminary. petrkifa@mail.ru

Author of the paper considers how some elements of psycholinguistic methods of research can be applied to G. Steen's system of conceptual metaphor analysis. Five-step method by G. Steen makes it possible to transfer from linguistic form to conceptual structure of metaphor. The base of this method is the analysis of propositions, which is successfully using by psycholinguists. Theoretic part of the paper describes five steps for transferring from the word to the concept, according to method of G. Steen, which is not well-known in Russia yet. In practical part of the paper author demonstrates how this five-step method, which was tasted on the material of European languages, can be applied to ancient texts of the Bible. Author uses the metaphorical expressions from the text of John's Gospel and shows high efficiency of Steen's method.

Keywords: *metaphor, cognitive theory of metaphor, propositions, Bible.*

References

1. Miller G.A. Obrazy i modeli, upodoblenija i metafory [Images and Models]. *Teorija metafory* [Similes and Metaphors]. Moscow, 1990. Pp. 236–283. (In Russ.).

2. Bovair S., Kieras D. Guide to propositional analysis for research on technical prose. *Understanding expository text*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1985. Pp. 315–362.
3. Crisp P. Metaphorical propositions: a rationale. *Language and Literature*, 2002, vol. 11 (5), pp. 7–16.
4. Genter D., Jeziorski M. The shift from metaphor to analogy in western science. *Metaphor and Thought*. Cambridge, 1993. P. 447–480.
5. Gibbs R. Process and products in making sense of tropes. *Metaphor and Thought*. Cambridge, 1993. P. 252–276.
6. Kinstsch W. *The representation of meaning in memory*. Hillsdale; New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1974. 279 p.
7. Paivio A., Walsh M. Psychological processes in metaphor comprehension and memory. *Metaphor and thought*. Cambridge, 1993. P. 307–328.
8. Steen G. From linguistic form to conceptual structure in five steps. *Cognitive Poetics: goals, gains, and gaps*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter Publ., 2009. P. 197–226.
9. Steen G. Identifying metaphor in language: a cognitive approach. *Style*, 2002, vol. 36 (3), pp. 386–407.
10. Steen G. Towards a procedure for metaphor identification. *Language and literature*, 2002, vol. 11 (1), pp. 17–33.

УДК 80

Л. А. Шкатова

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТЕКСТЫ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Текст пост-фольклора представляет собой более или менее устойчивую комбинацию элементов, реализующуюся в каждом акте исполнения: это мифы о прежнем руководстве, легенды о членах организации, «былички», повествующие об отдельных эпизодах из жизни фирмы. Тексты, передаваемые сотрудниками «из уст в уста», относятся к бизнес-фольклору. Анализ зафиксированных в Интернете и бытующих в обиходе фольклорных текстов показал, что ценностными ориентирами субъектов современного российского бизнеса являются три концепта: ДЕНЬГИ, РАБОТА и КЛИЕНТ. При этом положительной коннотацией отмечен лишь первый концепт, что говорит об определенной трансформации фольклорного сознания россиян.

Ключевые слова: *пост-фольклор, корпоративная культура, российские организации, фольклорное сознание, устойчивые высказывания, концепты, ценностные ориентации.*

В XX в. внимание ученых разных направлений привлекают корпорации как объединения физических лиц, преследующих общие цели, и проявления культуры, отражающие особенности деятельности их субъектов [1]. Цель нашего исследования – установить особенности текстов организации, относящихся к институциональному дискурсу, под которым понимается общение в рамках того или иного социального института в отличие от личностно-бытового. Дискурс в нашем понимании – это сложное коммуникативное явление, включающее, помимо совокупности взаимосвязанных текстов, ситуационные, психологические, социокультурные факторы, связанные с созданием и пониманием высказывания [6]. Основу организационного дискурса образуют документы – письменные тексты делового общения. На периферии текстовой деятельности современных российских организаций находятся устойчивые высказывания, создаваемые и транслируемые в корпорациях, которые способствуют объединению людей, дополняя и «смягчая» официоз делового взаимодействия.

«Философия фирмы» обычно включает формулировку ее миссии, слогана, правил поведения (кодекса чести) сотрудников, речевые формулы – все то, что составляет «фирменный стиль», исходит из «задания» и творится по приказу и под наблюдением хозяина и/или наемного топ-менеджера.

Фольклор – это всегда относительно точное или относительно свободное повторение услышанного, а фольклорный текст представляет собой более или менее устойчивую комбина-

цию элементов, реализующуюся в каждом акте исполнения. Низовой фольклор (собственно «пост-фольклор») создается самими носителями «для потребления», и здесь речь идет о традициях «спонтанных», для которых характерна несанкционированность сверху и неэлитарность [8].

Фольклорные тексты творятся не по приказу и передаются из уст в уста в ходе включения сотрудников в организационную культуру и принятия ее ценностей. Сюда относятся мифы о прежнем руководстве и характере взаимоотношений внутри первоначального коллектива, что привело к устной передаче образа рачительного и доброго «хозяина, шефа, босса, старшего» или же злобного самодура, из-за которого фирма и развалилась. Типичны и легенды об отдельных членах организации, которые отличались нестандартным поведением, как осуждаемым, так и прославляемым. Можно услышать в разговорах о прошлом организации и «былички», повествующие об отдельных эпизодах из жизни фирмы. В частности, любопытны устные рассказы о том, как родилось собственное имя организации, на какие жертвы шли сотрудники фирмы ради ее благополучия, какие отношения поддерживали между «своими» и «чужими».

Надо отметить, что в бизнес-коммуникации, которая складывается в современном российском обществе под влиянием изменений в экономической и социокультурной ситуации, элементы традиции только зарождаются в виде культурно значимых для конкретной организации текстов. Следует разделять сознательно создаваемые имиджевые тексты, манифести-

рующие официальную организационную культуру, и тексты, передаваемые сотрудниками «из уст в уста». Именно последние, на наш взгляд, относятся к бизнес-фольклору и отражают складывающуюся в наше время культуру делового взаимодействия [5].

«А. М. Горький говорил, что фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. Своеобразие фольклорного «сопутствия» заключается не только в том, что оно подчиняет факты истории законам искусства, но и в способности повторять свои открытия и достижения в разнохарактерные социально-исторические эпохи и в различных географических условиях», – писал А. И. Лазарев в предисловии к монографии «Предания рабочих Урала как художественное явление» [3]. Фольклористы обычно в своих исследованиях народного творчества соотносят его с конкретными историческими обстоятельствами, с особенностями социальной среды, выступающей носителем данного произведения, и учитывают особенности жанра [9].

Вопрос о специфике произведений фольклора в России периода перехода к рыночной экономике с учетом конкретной социальной среды еще слабо освещается в филологии. В середине XX в., говоря о появлении в русском народном поэтическом творчестве рабочего фольклора, А. Н. Лозанова увидела в этом «новую линию» устной поэзии, а ее зачатки усмотрела в «малых формах», как то: мелкие выражения, краткие или отрывочные повествования, отражающие условия труда и быта рабочих. Из этих зачаточных форм уже ко второй половине XVIII в. создаются рассказы, сказки, песни «с новой тематикой», «с новыми художественными образами и поэтическим словарем» [4]. Мы остановимся на характеристике «малых форм», свойственных общению в различных современных российских организациях.

Вслед за И. А. Головановым мы используем термин «фольклорное сознание»: «Фольклорное сознание как часть коллективного народного опыта сохраняет и транслирует последующим поколениям духовное знание, ценностные ориентиры, критерии поведения, способствуя формированию этнического самосознания, обеспечивая устойчивость существования социума и человека как его части» [2]. Что же представляют собой опоры фольклорного сознания сотрудников современных российских организаций – творцов корпоративной культуры, авторов и трансляторов неформальных текстов?

Анализ зафиксированных в Интернете фольклорных текстов показал, что ценностными ориентирами в фольклорном сознании субъектов современного российского бизнеса являются три концепта: ДЕНЬГИ, РАБОТА и КЛИЕНТ.

В сфере бизнеса функционируют в форме пословиц и поговорок краткие тексты, которые касаются преимущественно денежных отношений: *Лучше маленький рубль, чем большое спасибо; Не вернул кредита – считай рожка бита; Не тот богат, кто цены накручивает, а тот, кто сделки прокручивает; Не имей сто рублей, а имей сто долларов; Настоящий бухгалтер не кладет выручку за бюстгальтер; Спасибо – много, 100 рублей – достаточно; Охал дядя, на чужие деньги глядя; Чтобы делать деньги, нужны деньги; Не воруйте с убытка, а воруйте с прибылей; Если непонятно, о чем идет речь, значит, речь идет о деньгах.*

Под профессиональной субкультурой в социологии и культурологии понимается система общих символов, ценностей, норм и образцов поведения, разделяемых той или иной профессиональной группой. Она тесно связана с содержанием работы и той ролью, которую в обществе играют ее представители [7]. Нам представляется значимым классифицировать профессиональную субкультуру как внутреннюю (обращенную к «посвященным», «своим») и внешнюю (демонстрируемую по отношению к «чужим», «непосвященным»). В неофициальных текстах внутренней субкультуры демонстрируется негативное отношение к работе: *Кто везет, на того и грузят; Тяну лямку, пока не выроют ямку; Что охраняешь, то и имеешь; Кто рано встает – тот далеко от работы живет; Живу лишь тем, что вынес с презентаций; Как быстро летит время: не успел проснуться, а уже опоздал на работу; Каждая бумажка должна вылежаться; Существует три причины неявки: забыл, запил или забил; Поставил визу – посмотри в конвертик снизу; Людям некогда зарабатывать деньги, они работают; Как вы нам платите, так мы и работаем; Если вы думаете, что вы мне платите, то считайте, что я работаю; За такую зарплату можно даже незначительно вредить; От труда сдохнет и рыбка из пруда.*

Иронию по отношению к работе демонстрируют также шуточные тексты:

– пожелание коллеге

«У меня отличная работа, удобное рабочее место, классный босс!»

Повторяй эту фразу каждый день по сорок раз. Говорят, аутотренинг помогает!

– шутка про офис

Ученые установили причину вымирания динозавров: маленькая зарплата, работа без отпусков, сверхурочные задержки в офисе!

– шуточное поздравление коллеге

Все офисные сотрудники произошли от Адама и Евы. А начальство произошло от обезьяны!

Во внутренней профессиональной субкультуре рекламщиков, например, в ходу такие тексты, которые отражают негативное отношение к клиентам: *Не надо принимать потребителей за идиотов, но не стоит и забывать, что они таковыми и являются; Не имей сто процентов, а имей сто клиентов; На креатора с пером есть заказчик с топором; Кому маркетинговая война, а кому мать родна; На рынке два дурака – один дешево продает, другой дорого покупает; Бодливому заказчику бог бюджета не дал; Чем больше знаю я людей, тем больше нравятся собаки; Нет больше сраму, чем жмотиться на рекламу.*

В субкультуре современных «извозчиков»-водителей маршруток низкая оценка потребителей услуг проявляется еще явственней: *Хлопнешь дверью – станешь льготником; Хлопнешь дверью – умрешь от монтировки; Не хлопнай дверью! Надоело говорить, скоро буду по башке бить; Маршрутке требуется бубнилка для набубнивания остановок; Остановка «где-нибудь здесь» будет «где-нибудь там»; Заходи, садись, пристегнись и заткнись; Девушки, держите колени вместе: и вам не холодно, и водителю не жарко; Остановок «Тута», «Здесь», «Тама» в Челябинске нет. Любопытно, что такого типа плакаты постепенно исчезают из салонов такси в отличие от тех, которые признаются корректными и начинают тиражироваться в маршрутках разных городов, причем в типографски напечатанном варианте.*

Далеко не все из языкового быта деловых структур подходит под определение «народное творчество», лишь малая толика новых «малых форм» может быть включена в понятие «народная культура», но все они представляют собой элементы культуры народов, живущих в современной России. Поэтому, памятуя о двух тенденциях в развитии мировой культуры, необходимо говорить о сохранении уникальности народной традиционной культуры и о новых тенденциях в развитии культуры народа в результате социокультурных и экономических изменений в России.

Список литературы

1. Мюллер, А. П. Организационная коммуникация / А. П. Мюллер, А. Кизер. – Харьков: Гуманитар. центр, 2005. – 440 с.
2. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. – М., 2014.
3. Лазарев, А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление / А. И. Лазарев. – Челябинск: Южно-Урал. книж. изд-во, 1970. – 200 с.
4. Лозанова, А. Н. Поэтическое творчество «работных людей» крепостной эпохи / А. Н. Лозанова // Русское народное поэтическое творчество. – М.; Л.: АН СССР. – 1955. – Кн. 1. – С. 89.
5. Харченко, Е. В. Бизнес-фольклор? / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Житниковские чтения. Русская речь: вчера, сегодня, завтра : материалы всерос. науч. конф. с зарубежн. участием. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 123–128.
6. Харченко, Е. В. Дискурс социальной организации / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова // Дискурс, концепт, жанр : коллект. моногр. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – С. 303–309.
7. Хоруженко, К. М. Культурология. Энциклопедический словарь / К. М. Хоруженко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – С. 402.
8. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm>.
9. Традиции и фольклор московских студентов / И. Н. Райкова. – URL: <http://www.evartist.narod.ru>.
10. URL: http://lurkmore.ru/Офисный_планктон.
11. URL: http://usik-igor.at.ua/publ/ofisnyj_plankton/8-1-0-66.
12. URL: <http://av-ue.blogspot.com/2010/03/blog-post.html>.
13. URL: <http://www.sql.ru/forum/actualthread.aspx?tid=626090>.
14. URL: http://www.kpnemo.ws/other/2009/08/28/sovremennyye_poslovitsyi_i_pogovorki/.
15. URL: http://www.adrenalinsales.ru/vozrazheniya/pogovorki_i_posloviцы_znachenie_posloviцы.html.
16. URL: http://www.sosmesh.com/2007/10/03/sovremennyye_posloviцы_i_pogovorki_ofisnogo_jazyka.html.

Сведения об авторе

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.
labcsu@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 158–162.*

**FOLKLORE TEXTS IN THE CORPORATE CULTURE OF MODERN
RUSSIAN ORGANISATIONS**

L. A. Shkatova

Chelyabinsk State University. labcsu@yandex.ru

The basis of organizational discourse is formed by documents, namely by the written texts of business communication and on the periphery of modern Russian organizations discourse there are some set expressions which are created and transmitted in corporations. They contribute to bringing people together complementing and “softening” the official discourse of business relationship.

The text of post-folklore is more or less stable combination of elements which is used in every act of implementation. It is characterized by unsanctioned action from the authorities and non-elitism. It includes myths about the previous leadership, the legends about the members of the organization, “true stories” telling about some episodes from the life of the firm. In this case consciously created image texts which manifest official organizational culture differ from the texts which are sent “from mouth to mouth” by the staff. It is the latter which relate to business folklore and reflect the developing current culture of business interaction in Russian society.

The analysis of folklore texts which recorded in the Internet and prevailing in daily use showed that the value systems of modern Russian business entities are presented by three concepts: MONEY, JOB and CUSTOMER. Herewith only the first concept is marked by positive connotation that shows a certain transformation of folk consciousness of the Russians.

Keywords: *post-folklore, corporate culture, Russian organizations, folk consciousness, set expressions, concepts, value orientations.*

References

1. Müller A.P., Kizer A. *Organizacionnaja kommunikacija* [Organizational communication]. Kharkiv, 2005. 440 p. (In Russ.).
2. Golovanov I.A. *Konstanty fol'klornogo soznaniya v ustnoj narodnoj proze Urala (XX–XXI vv.)* [Constants folk consciousness in oral folk prose Urals (XX–XXI century)]. Moscow, 2014. (In Russ.).
3. Lazarev A.I. *Predaniya rabochih Urala kak hudozhestvennoe javlenie* [Legends workers of the Urals as an artistic phenomenon]. Chelyabinsk, 1970. 200 p. (In Russ.).
4. Lozanova A.N. Pojeticheskoe tvorchestvo “rabotnyh ljudej” krepostnoj jepohi [Poetry of “working people” in era fortress]. *Russkoe narodnoe pojeticheskoe tvorchestvo* [Russian folk poetry], vol. 1. Moscow, Leningrad, 1955. P. 89. (In Russ.).
5. Kharchenko E.V., Shkatova L.A. Biznes-fol'klor? [Business folklore?]. *Zhitnikovskie chtenija. Russkaja rech': vchera, segodnja, zavtra: materialy vseross. nauch. konf. s zarubezhn. uch.* [Zhitnikowski read. Russian language: yesterday, today, tomorrow: the Materials of scientifically conference. scient. proc]. Chelyabinsk, 2011. Pp. 123–128. (In Russ.).
6. Kharchenko E.V., Shkatova L.A. Diskurs social'noj organizacii [Discourse of social organization]. *Diskurs, koncept, zhanr* [The Discourse, concept, genre]. Nizhny Tagil, 2010. Pp. 303–309. (In Russ.).
7. Khoruzenko K.M. *Kul'turologija. Jenciklopedicheskij slovar'* [Cultural Studies. Encyclopedic dictionary]. Rostov-on-Don, 1997. 402 p. (In Russ.).

8. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologija, semiotika* [Folklore and post-folklore: structura tipologija semiotica]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm>. (In Russ.).
9. Rajkova I.N. *Tradicii i fol'klor moskovskih studentov* [Tradition and Folklore of Moscow students]. Available at: <http://evartist.narod.ru>. (In Russ.).
10. Available at: [http://lurkmore.ru/Ofisnyj plankton](http://lurkmore.ru/Ofisnyj_plankton). (In Russ.).
11. Available at: [http://usik-igor.at.ua/publ/ofisnyj plankton/8-1-0-66](http://usik-igor.at.ua/publ/ofisnyj_plankton/8-1-0-66). (In Russ.).
12. Available at: <http://av-ue.blogspot.com/2010/03/blog-post.html>. (In Russ.).
13. Available at: <http://www.sql.ru/forum/actualthread.aspx?tid=626090>. (In Russ.).
14. Available at: http://www.kpnemo.ws/other/2009/08/28/sovremennye_poslovitsyi_i_pogovorki/. (In Russ.).
15. Available at: http://www.adrenalinsales.ru/vozrazheniya/pogovorki_i_poslovicy_znachenie_poslovicy.html. (In Russ.).
16. Available at: http://www.sosmesh.com/2007/10/03/sovremennye_poslovicy_i_pogovorki_ofisnogo_jazyka.html. (In Russ.).

ARTS

УДК 7.036
ББК Щ 85

А. П. Крохалева

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕМА В СОВРЕМЕННОМ РЕАЛИСТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ ПЕРМИ

Современное реалистическое искусство Перми отличает интерес к истории и традициям русской культуры. Исторический жанр не теряет своих позиций, важным становится осмысление роли православия в судьбе России. В современном мире необходимы духовные опоры, которые могли бы придать устойчивость и прочность жизни людей. Обращаясь в своем творчестве к событиям русской истории, к теме православия, придавая им современное звучание, молодые пермские художники вносят свой вклад в развитие традиций отечественного реалистического искусства.

Ключевые слова: *реалистическое искусство Перми, традиции академического образования, тема православия, религиозная живопись.*

Сегодня важным становится осмысление истории России как православного государства. В современном постоянно меняющемся мире людям необходимы духовные опоры, которые могли бы придать устойчивость и прочность существованию.

Современные пермские живописцы, работающие в русле реалистического искусства, нередко в своем творчестве обращаются к теме православия, тем самым развивая и поддерживая традиции академической школы, которая всегда была тесно связана с церковным искусством, с эволюцией русской иконописи и монументальной религиозной живописи. Академическую школу невозможно представить вне религиозной тематики.

Пермский живописец Е. Н. Широков, народный художник РСФСР, известный зрителям, прежде всего, как мастер светского портрета и исторической картины, обратился к теме религии в 1990-е гг., в «переломную эпоху», когда были сняты религиозные запреты и началось возрождение православия. В этот непростой период Евгений Широков создал своеобразный «алтарь» из 40 портретов исторических деятелей, знаковых для русской культуры, таким образом, персонифицировав в лицах историю России. Художник написал портреты Сергия Радонежского, Андрея Рублева, Стефана Пермского, протопопы Аввакума, Александра Невского, М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, С. А. Есенина, Г. К. Жукова, Ю. А. Гагарина. Образы выдающихся людей

получили под его кистью и индивидуальную, и монументально-декоративную трактовку, став знаками масштабных свершений эпох. Строгие, сдержанные лица остро индивидуальны, но их объединяют вера, благородство, напряженные духовные поиски. Портреты Сергия Радонежского и Стефана Пермского приближены к традиционным иконографиям святых не только сюжетно-тематически, но и через язык живописи. Образы отличаются повышенной экспрессией, оказывают сильное эмоциональное воздействие.

Другую работу Е. Н. Широкова «Божья Матерь Державная» (1993) отличает крупный формат, завершающийся в форме полукруглой арки, монументальность фигур, декоративность цвета и неглубокое замкнутое пространство. Объемные лики написаны гораздо мягче, чем резкие складки одежд Богоматери и Иисуса Христа. Тревожное движение света, акцентированное на складках одеяния Богоматери и младенца Христа, жесткие остроугольные линии, контрасты интенсивного холодного красного и зеленого цвета делают образы драматичными, привносят в картину ощущение тревоги. Эти иконы не вписываются в традиционные каноны, но из-за этого не теряют главное – иконографическую и догматическую основу, не превращаются в светскую чувственную живопись.

Лучшие традиции реалистического искусства и академического образования поддерживаются и развиваются в двух пермских художе-

ственных вузах: Уральском филиале «Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова» и Пермской государственной академии искусства и культуры, где кафедрой живописи возглавляет Е. Н. Широков. Выпускники, прошедшие академическую школу, лучше всего видны на пермских выставках, они пополняют ряды местного отделения Союза художников России, многие из них выходят в культурное пространство «столиц».

В дипломных работах студентов пермских вузов можно отметить разнообразие тем и жанров, внимание к историческому жанру и обращение к церковно-историческим темам.

В дипломной работе «Показ восковой модели храма Св. Софии Киевской князю Ярославу Мудрому» (2005) студент Уральского филиала «РАЖВиЗ Ильи Глазунова» А. Нестеренко обращается к самым истокам христианской культуры, отмечая важность храмовой архитектуры для молодого православного государства.

В картине А. Фомичева «Благословление Дмитрия Донского Сергием Радонежским на Куликовскую битву» (1999) раскрывается тема духовных идеалов России и духовного подвижничества. Подчеркивается роль преподобного Сергия Радонежского в укреплении духа русских людей, объединении их перед лицом врага.

В дипломной работе «Патриаршая лития» (2005) С. Путилов поставил перед собой задачу показать масштабность и торжественность богослужения, совершаемого Патриархом Алексием II в Архангельском соборе Московского Кремля. Композиционно картина перекликается с известным эскизом П. Д. Корина к задуманной, но невыполненной им картине «Реквием. Русь уходящая» (1925–1959). Корин предполагал изобразить на огромном холсте всю православную Русь, всех представителей церкви от низших до высших ее иерархов. На молодого художника, несомненно, оказали влияние полные символические масштабные картины И. С. Глазунова, для которого образ Святой Руси всегда был идеалом.

Выпускница кафедры живописи Пермской государственной академии искусства и культуры Т. Дубинова посвятила свою дипломную работу «Батюшка» (2012) теме духовного подвижничества. Молодую художницу впечатлили события в Красноуфимске (сильнейшее наводнение, произошедшее в 1914 г.) и то, какую роль сыграла в этом местная церковь. Сезон 1914 г. отличался катастрофическим раз-

ливом уральских рек. На картине изображен священник, переплывающий на лодке широко разлившуюся реку. Его лодка направляется к Александро-Невскому храму. Художница создает собирательный образ сельского батюшки, который в любую погоду, в любых условиях остается для прихожан храма проповедником, духовным наставником и помощником. Его духовное подвижничество совершается каждодневно.

Темой дипломной работы О. Ярмухаметовой «Рассвет» (2013) становится борьба с православной церковью в первые годы Советской власти. Название работы символично: рассвет не приносит радости и счастья, он является скорее символом гибели и заката православной церкви в сложную революционную эпоху. Перед зрителем разворачивается драматичная сцена. Изображена колокольня небольшого сельского храма. Центром композиции является фигура священника-звонаря с поникшим взглядом и бессильно опущенными руками. Слева показана группа красноармейцев, которые яростно взбираются на колокольню. Композиционно картина делится на две части, где правая часть картины противопоставляется левой. В правой части работы присутствует мягкое освещение. Вверху в арочном проеме колокольни изображен парящий белый голубь – символ оберегающего православную церковь Святого духа. На дальнем плане мы видим еще одну церковь и колокольню, которые пока не разрушены. В левой части картины: группа красноармейцев, изображенная на фоне глухой стены. Только один из них – молодой красноармеец – замер перед колоколом в молитвенной позе. Осыпавшаяся штукатурка на стенах колокольни обнажает красный кирпич, напоминающий раны. Фигуры военных освещены резким светом с красными, как бы кровавыми бликами. Передавая движение, молодая художница акцентирует беспокойные разнонаправленные линии складок их одежды. В центре картины выделена фигура священника, которая возвышается над группой красноармейцев, его образ кажется величественным и монументальным. Раскрытая в этом произведении тема трагического противостояния церкви и советской власти, уничтожающей православные ценности, напоминает современникам о трагических событиях, заставляет задуматься о будущем.

К теме церкви, но в рамках портретного жанра, обращается Олеся Денисова. В дипломной работе «Портрет о. Стефана» (2012) худож-

ница не только стремится достичь внешнего сходства, но и ставит целью передать масштаб личности священнослужителя архимандрита Стефана (Ивана Григорьевича Сексяева), рассказать о его подвижнической деятельности. Композиционная подача фигуры служит раскрытию содержания образа, его психологии. Точка зрения снизу придает монументальность образу. Фон в портрете нейтрален, поэтому все внимание зрителя сосредоточено на лице и руках о. Стефана, являющихся композиционным центром картины. Одевание написано обобщенно, детализируется лицо архимандрита. Образ воспринимается цельно. Несмотря на статичность позы, в образе присутствует динамика: в повороте фигуры, в противоположном направлении взгляда. Чувствуется, что о. Стефан наделен силой и энергией, необходимой для подвижнической деятельности. Работа сдержанна по цветовому решению, но в то же время отличается тональным разнообразием.

Олеся Денисова также является иконописцем, мастером пермской иконописной мастерской «Добро», которая была создана в 2000 г. при Свято-Троицком Стефановом мужском монастыре. Иконописцы мастерской при создании икон придерживаются традиционных канонов [2].

Однако в иконописных работах, созданных О. Денисовой, отчетливо проявилась академическая школа. Фигуры и лики святых трактуются объемно, рельефно, благодаря использованию светотеневой моделировки. Молодой художницей используются реалистические приемы для изображения пространства, пейзажа и архитектуры. Одна из икон, созданных О. Денисовой, посвящена преподобному Сергию Радонежскому. Денисова придерживается традиционной иконографии. В среднике иконы изображена полуфигура преподобного Сергия. Правой рукой он благословляет, а в левой держит развернутый свиток с текстом. Для икон преподобного Сергия характерен текст завещания Святого, которое приводится в его житии: «Внимайте себе о всем братия моя, всех молю, имейте страх Божий, чистоту душевную, любовь нелицемерную, к сим и страннолюбие...» [1]. Возможно, прототипом послужила икона из Государственного музея палехского искусства «Сергий Радонежский», созданная Д. Кориным в 1889 г. Однако над головой Сергия изображены ангелы, которые держат икону с изображением Св. Троицы, что более характерно для житийных икон Сергия

Радонежского. Изображение Св. Троицы напоминало об основании Сергием Свято-Троицкого обители [3].

Денисовой также написана «Августовская икона Божией Матери» – почитаемая в Русской церкви икона Богородицы, написанная в память ее явления в 1914 г. русским солдатам перед битвой под городом Августов Суwałкской губернии Российской империи (ныне на территории Восточной Польши). С 1915 г. появляются первые иконы с изображением этого события.

Из работ студентов-выпускников кафедры живописи Пермской государственной академии искусства и культуры, представленных на юбилейной выставке в 2013 г., можно отметить этюд Т. Котеговой «Крестный ход в Ныробе» (2013). Центром композиции становится Никольский собор, один из красивейших храмов Прикамья нач. XVIII в., декорированных в стиле барокко. Крестный ход трактован как торжественное, праздничное событие. Художнице удалось передать движение людей, спускающихся с горы, на которой расположен Никольский храм.

Сияние золотых куполов на фоне голубого неба передает Е. А. Постнова в небольшой этюдной работе «Глубокое синее, золотое» (2012). Художника Н. П. Береснева привлекает чистота и ясность линий в церковной архитектуре, восхищение которой он передает в небольших по формату работах «Этюд (с церковью)» (2012), «У ворот Богоявленского монастыря» (2013).

Обращаясь в своем творчестве к событиям русской истории, к теме православия, придавая им современное звучание, молодые художники вносят свой вклад в развитие традиций отечественного реалистического искусства. История и ценности русского православия – тот духовный опыт, без которого невозможна современная эпоха. Поэтому подобные работы не только рассказывают о нашей истории, но и формируют образ современной России. Сегодня в столь трудное время обращение к идеалам и ценностям христианской цивилизации, искреннее проявление патриотизма, обращение к самосознанию русского народа тоже являются своеобразным подвигом.

Список литературы

1. Гусакова, В. О. Иконография святого преподобного Сергия Радонежского в контек-

сте духовно-нравственной культуры России / В. О. Гусакова // Русская народная линия. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2014/02/25/ikonografiya_svyatogo_prepodobnogo_sergiya_radonezhskogo_v_kontekste_duhovnonravstvennoj_kultury_rossii/. – Дата обращения: 18.12.2014.

2. Иконописная мастерская «Добро». – URL: <http://www.iconaperm.ru/>. – Дата обращения: 16.12.2014.

3. Колесова, О. А. Иконописные традиции Палеха. – URL: <http://art-ikona.ru/about-us/kolesova.htm>. – Дата обращения: 18.03.2015.

Сведения об авторе

Крохалева Анна Петровна – кандидат искусствоведения, заместитель директора по научной и творческой работе, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Уральского филиала Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Пермь).

AnnaKrohaleva@yandex.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. No. 20 (375).
Philology. Arts. Issue 97. Pp. 163–166.*

RELIGIOUS THEME IN THE MODERN REALISTIC ART OF PERM

A. P. Krokhaleva

Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture Ilya Glazunov (Perm).

AnnaKrohaleva@yandex.ru

Modern realistic art of Perm is marked with an interest to the history and traditions of the Russian culture. The historical genre isn't losing its primary positions and the role of the Orthodox church is looked upon in the context of the Russia's fate. In the contemporary times spiritual reliance that could bring the stability and strength to people's lives. Young Perm artists are contributing to the development of the Russian realistic art by addressing to such topics as important events of the Russian history and to the topic of the Orthodox church, filtering these topics through a modern point of view.

Keywords: *realistic art of Perm, traditions of the academic education, Orthodoxy theme, religious painting.*

References

1. Gusakova V.O. Ikonografija svjatogo prepodobnogo Sergija Radonezhskogo v kontekste duhovno-nravstvennoj kul'tury Rossii [Iconography of St. Sergius of Radonezh in the context of spiritual and moral culture in Russia]. *Russkaja narodnaja linija* [Russian folk line]. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2014/02/25/ikonografiya_svyatogo_prepodobnogo_sergiya_radonezhskogo_v_kontekste_duhovnonravstvennoj_kultury_rossii/, accessed 18.12.2014. (In Russ.).

2. *Ikonopisnaja masterskaja «Dobro»* [Icon painting workshop "Good"]. Available at: <http://www.iconaperm.ru/>, accessed 16.12.2014. (In Russ.).

3. Kolesova O.A. *Ikonopisnye tradicii Paleha* [Iconographic tradition of Palekh]. Available at: <http://art-ikona.ru/about-us/kolesova.htm>, accessed 18.03.2015. (In Russ.).